

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ: «ОСТРОВ ТЕАТР»

Глава двадцать седьмая: "ГУД БАЙ, РИО!"

Во время очередного заседания круглого стола, (это было гораздо позже Одиссея Плена, но раньше Александрова Похода*) мы разложили карту Балкан и кинули карты - точно, опять, у безмозглых любителей орального секса повод шугануть следующих индейцев - на этот раз в обжитой территории.

- Возник демон, - башку ему рубить!" – орали мы, сотрясая палашами.

- Тихо! - возник Одиссей хитроумный (промеж себя (*)*). - Это - черный демон, он подстрекает к войне.

- Чего делать-то!?

- Рубите ему башку совсем!

- Так кому?

- А кто здесь?

- Свои!

- Отрубай!

Срубили. У черта все равно новая вырастет, а у нас, и подавно (бессмертие не проклятие - а дар, - твердим мы, как, молитву*).

- Братцы! - говорим мы, уливая слезами за все человечество

карту Балканского полуострова. - Это ж мы Одиссею хитроумному башку-то срубили.

- Да нет, вон он сидит, - в костюме короля Артура, отчаянно спокоен.

Вспомнился сразу кусок его письма, - из посеидонова плена, где он рвал глотку в песнопениях, с тем, чтоб царь морей её не вырвал, вот его текст:

Посейдон! Я выхожу на сцену, и ору: вот же оно, зерно этой грёбаной истины – оно у меня в кармане, как бы мы не упражнялись в этих синтезах жанров, тем самым жанры бесконечно стилизуя, как не распиливай горшки моего степного «Мерседеса» (ЗИЛ 130), то есть не воплощали то, о чём молчат до сих пор те, кто не хочет показаться идиотом: без решительной модернизации не обойтись, иначе вы переведётесь, как стая белых крыс – надо быть в форме.

Здесь, под толщей океана, та самая сцена, которая в данный момент могла мной располагать – ванна, в которой сварились столько Великих Мастурбаторов, и полное опровержение Экклесиаста, ибо вода здесь – горячая и стоячая, и столько Элвисов сварилось в этом адском огниве – что у них баб, не было,

в этой гамлетовской ореховой скорлупе без тебя нельзя, моя любовь, ибо я здесь варюсь уже тысячу лет, я путешествую в этом стакане с бурей, как Нарцисс, ибо рядом – мыло, бритва и зеркало – чтоб заглянуть себе в глаза, и давно уже сгнил кингстон, я только сейчас понял, что пасатиже, те, которыми я его давно не открывал – из нержавеющей стали, ибо любому металлу давно уже пора бы заржаветь, хоть и котёл этот – то адский, а то совсем наоборот, а кто нагрывает: нету здесь меня, здесь пребывает оболочка, если захотите разглядеть, и вся эта струя на башку тому, что подо мной и сделал ремонт (реформацию) – он уже сто раз подавал меня в суд, да с правосудием беда: ибо нету меня, а балдеет – одна гольная иллюзия.

наводить!

Быстро срубили ей башку – оказался демон: у нас такого воинственного и правильного вообще не было. (Вдобавок, он подстрелил эту нашу музу, которая была в нашем распоряжении - ровно на сегодня, к тому же она сразу сказала - что сегодня можно, а чего нельзя - не сказала, а быков-то мы уже пожрали - хавчик напал, да и вообще – теперь надо было объясняться с Зевсом, и одна была надежда, что он будет видеть правду, а не бабу (труп, на сегодня отсочинялись*).

У нас главная заповедь - не убий, а все остальное - издержки обновления Веры (Надежды и любви*). Добро должно быть с кулаками, - сказал советский поэт, который как-то напился водки, и забил себя самого до смерти - доказывая, до какой степени его собственные мослы - есть советское добро (а так же пушечное мясо*).

Февральскими сумерками 1950 года, когда в Рио Солнце садилось и взлетали ввысь огни карнавальных фейерверков, а в России радуга цвела, капитан Шмидт - Паниковский, не имея на борту лишь одного полноценного матроса (его звали Остап Бендер*), выводил из Гуанабары одну из самых дорогостоящих яхт на свете - крейсер шведской верфи “Свон”.

Перекрывшись молитвой, как участники программы по переименовыванию свидетелей в собачьи имена (“Джек”, “Джим”, “Боб”, и т.д. - поправка Т. Джефферсона*), на передней палубе восседал черный кардинал - архиепископ Доминико Дордини, совершенно не заботясь о том, что капитан когда-нибудь переменит галс, и грот вальнет его вместо со стулом - прямо на палубу, которую вор в законе Балаганов, давеча драил, завывая на Луну:

- Живодерня! Мантулю, как дымогарка на угле! Юлдашки без сисек и жопы! Мусора! Хуже мусоров! Пыль лагерная! Козлы-предатели!

Шелопонь таборная! (И так далее*).

Так он орал, пока не свалился за борт, и повис на гика - шкоте, который обмотал его правую ногу, завязавшись в узел, - точно такой Александр “Двурогий” сумел только разрубить, но никак не развязать.

Но это так, цветочки, самое главное, внешне пьющий, а на самом деле достаточно хозяйственный капитан (в некоторых кругах его звали - Серебряный Молоток*), укомплектовал яхту по последнему слову техники, а именно:

он где-то "прикинул" (позаимствовал), спасательный шестиместный американский спасательный плот, состоящий на вооружении сначала у немецких, а потом и американских военно-морских сил, в комплект которого входило:

- Шесть пинт воды в банках, закрытых двойными пластиковыми крышками.
- Два коротких весла из клееной фанеры.
- Две ручные сигнальные ракеты, три красных фальшфейера и две оранжевые дымовые шашки - (все это могло пригодиться на тот случай, если бы пришлось салютовать черному кардиналу, когда тот валится за борт и не утонет).
- Две губки.
- Складной радиолокационный отражатель, предназначенный для установки на мачте. На “Крейсере Шмидте” уже были два таких отражателя, закрепленных на высоте 15 футов над палубой, и далеко не всегда создавал отметку на экране локатора, поэтому в практической ценности дотошный до таких мелочей, как парусное вооружение при переходе через Атлантику - капитан не видел. В крайнем случае, можно было бы привязать архиепископа к этим железякам, что бы потом утопить его. (Если вдруг помрет).

- Два солнечных дистиллятора для опреснения соленой воды. На этом пункте остановились особо, ибо эти вещи так же практической ценности не представляли, ибо как соленую воду ни дистиллируй, пить ее все равно нельзя - говорят, она что-то там ценное выдувает из организма, да так, что счастливо спасшийся человек, или команда, через пару дней высыхает и, что называется, “сушит ласты”.

- Два консервных ножа, медицинская склянка с отбитым краем и таблетки от морской болезни.

Эта часть военного комплекта представлялась наиболее важной: сильнодействующий транквилизатор, предназначался для того, что б спасенный не мучился, когда его начнут поедать акулы.

Дордини сразу дали такую таблетку, как только комплект был доставлен на пирс - его, кстати, уже искали матросы с того броненосца, что был неоднократно Габриэлем Гарсия Маркесом в его "Осени патриарха".

Что до консервных ножей - консервов не было, решили ловить рыбу на живца - им мог быть любой член экспедиции. Кардинала решили сберечь, как основной мозг экспедиции, если, конечно, не помрет. (От передозировки*).

Что до склянки с отбитым краем, то она подходила для всего - можно было разводить в ней золотых рыбок, и ждать от них исполнения желаний.

- Резиновый надувной таз - “судно на судне”, которое должно было выполнять функцию, которая есть - символ бесконечности - как "театр в театре", если старику станет плохо, или хорошо.

- 100-футовый пропиленовый (последнее слово алхимиков в промышленности*) бросательный линь диаметром одна восьмая дюйма, - об этом приспособлении и говорить было нечего, ибо без

него и так нельзя было обойтись. (Никто не считал, сколько на такой яхте, как “Сирена - Крейсер Шмидт” было всякой дребедени, в том числе и канатов разных диаметров (можно было перевешать "Всю королевскую рать" (да простит нас Роберт Пенн Уоррен, создавший роман с таким названием*) - бунтующую против короля гвардию небольшого островного государства - того же Тонга (того, куда так рвался шведский морской атташе - Александр Ебстрем - к юной принцессе, а заодно изучить самый "легкий" визовый режим - с момента, когда там сожрали капитана Кука.)

- Навигационные карты, транспортир,
карандаш и ластик - архиепископ мог рисовать игральные карты,
что б сперва сыграть, а после подтереться.

- Карманный фонарик и два сигнальных зеркальца - с этой частью спасательного комплекта вопрос был ясен, ибо по мудрости принятый в команду, "заложный" дедок был сродни попугаю Елены Боур, в крайнем случае, вороне, а у любой птицы такого класса любимое занятие - любоваться на себя в зеркале при свете фонаря, раскладывая крылья. 1*.

-----

1. **В некоторых трактатах служители культа, вдобавок еще и римско-католического, имеют крылья. В соответствии с трудом “Битва с падшими ангелами” (жизнеописание иеромонаха Моисея (Боголюбова), оформленного под редакцией А. Яковлева-Козырева и Д. Валюженича, все трудящихся "во имя", не пратикующие православие, должны были больше походить на падших ангелов, так что подсветка была насущной необходимостью - Дордини давно уже во снах своих летал в аду, и все на бреющем, копируя своей манерой пилотажа неизобретенный еще “Стелс”,**

А говорили: деньги – не самоцель, для настоящего игрока – это всего лишь инструмент.

- Ремонтный набор; клей, резиновые заплатки и конические винтообразные пробки.

И далее:

- Так называемая рыболовная снасть: 50 футов крепкой бечевки и один крючок среднего размера.

Так вот, все это снаряжение, заранее украденное, укомплектованное, описанное и переписанное, как невестино приданное, осталось лежать на пирсе - его сначала забыли, когда быстрее отдавали концы, чтобы не угодить под новую полицейскую разборку, потом решили наплевать на суеверия, и вернуться.

Однако примерно в кабельтове от берега пираты рассмотрели в бинокль, как орава каких-то ряженных неонацистов, явившихся с вымпелом -

“Гитлер жив, Гитлер Жил, Гитлер будет жить”,

погрузили аварийный комплект в лимузин их любимого фюрера с воплями: “Цигель, цигель!!!” - покатали в северном направлении.

(Хулио, молча наблюдавший за реквизицией его машины, немало не расстроился, он не верил в выбор*).

Великий Комбинатор, осерчав, молча выстрелил из своей рогатки по врагам, но бобок снесло, и он выбил лобовое тонированное стекло у моторной яхты какого-то малайского миллиардера.

- Поехали отсюда, - сказал Остап Бендер.

Однако запасливый капитан имел второй комплект снаряжения, который все ж таки успели забросить на борт.

В него входили 12 ящиков так же трофейного шнапса - тринадцатый не стали брать, а выпили перед отплытием, разделив таким вот хитрым способом чертову дюжину.

Капитан прихватил себе нож с тупым концом, а когда Бендер начал справляться у первой проходящей по территории яхтклуба ряженой (два пера из задницы, и больше ни чего*) самбистки, где здесь можно ножи подточить, Шмидт-Паниковский сообщил, что эта его особенность предохранит плот от случайного повреждения. Зато он почти не режет. Рыбу, например, с таким же успехом можно чистить битой от лапты (бейсбольной битой*), на что Бендер с легкой тенью недоумения возразил:

- Рыбу мы купим. И нам ее почистят.

- Кто? - осведомился капитан, глядя на очередную проходящую партию женщин и девушек, на которых даже перьев не было - эти были за свободу в передвижениях. - Кто нам ее почистит? Мы ж цыганок с собой не берем. Куда нам потом с тонной золота - в табор?

Бендер посмотрел на выбулькивающего 13-й ящик трофейного шнапса Балаганова.

- Юнга будет чистить рыбу, и таким ножом он не повредит себе член, - сказал он. - То бишь, не займется вредительством.

Так что из аварийных комплектов на лодке остался тот, который придумал С. Каллахэн, человек, проплававший в вышеуказанном плоту (том, который забыли на бразильском яре*) полтора месяца, и не сошедший с ума:

- Большой пластмассовый ящик с карандашами, дешевыми блокнотами, пластиковыми зеркальцами, транспортиром, охотничьим ножом (острым, как бритва*) в ножнах, карманным ножиком. (Шмидт-Паниковский выиграл его у одного американца в бильярд, а когда тот начал стонать, по поводу того, что это -память о Херосиме (он оказался штурманом Б-29, бывавшего в том районе*), набил ему морду, ибо был заядлый пацифист.

- Комплект столовых принадлежностей из нержавеющей стали,

парусиновой нитью, крючками, белым шнуром, линем диаметром 3.16 дюйма, двумя химическими свечками и книгой известного немецкого подводника Юргена Бримана:

“Как я выжил, как я спасся”.

Внутренний объем этого ящика представлял собой единственное, за исключением упомянутой уже аптечки, сухое место на том плоту, что укомплектовал лично дон Карлеоне.

- Одеяло, предназначенное для полетов в космос, которое дону Карлеоне преподнесли на юбилей.

- Серебристая, как фольга, пленка, в которую можно было бы завернуть Дордини, если вдруг он помрет, ибо первым отправляется - старейший, а не везет - мудрейшим.

- Блестящая тонкая пленка, что задерживала тепловое излучение тела и таким образом согревала того, кто попал в беду.

- Пластиковый мешки - в любом таком мешке мог угнеститься епископ.

- Еще один солнечный опреснитель (дополнительный груз к тем, что забыли на пирсе*).

- Несколько выточенных из сосны пробок для ликвидации пробоев.

- Еще один 100-футовый спасательный линь.

- Разносортные скобы из нержавеющей стали.

- Две бухты линя: примерно 100 футов в одной авосьмой и 100 футов в одна четвертая дюйма, на котором можно будет буксировать за кормой сигнальную вешку.

- Миниатюрный радиомаяк, автоматически подающий сигнал бедствия.

- Ракетница с двенадцатью парашютными ракетами, еще три красные ракеты, две оранжевые дымовые шашки, три красных фальшвейра, и один белый.

- Две пинты воды в пластмассовой банке с закручивающейся крышкой (в довесок к тем 40 литрам воды "огненной").

- Два куска фанеры толщиной в одну восьмую дюйма, предназначенных в качестве разделочных досок.

- Четыре металлических стержня разных размеров: детали рулевого управления яхты.

- Короткое подводное ружье со стрелой-гарпуном, совсем короткий подводный пистолет, стреляющий сбалансированными металлическими стрелами. Этот пистолет был личным изобретением капитана Шмидт-Паниковского - он накачивался специальным насосом, таким образом в стволе поддерживалось любое давление (он заправлялся через компрессор), стрела вставлялась специальным гидравлическим рычагом, и что самое главное - при ударе о какую-либо поверхность стрела взрывалась, ибо представляла собой стилизованный патрон - капсуль, боек, пороховой заряд (нитропорох*) пулей служила зазубренная стрела. 1.

-----

1. Вопреки распространенному мнению, киты довольно часто топят разные суда, когда разыграются, и все рекордсмены по бомжеванию в океанских просторах в таких вот плотах были жертвами нападения китов. Позднейшее, переработанное издание "Как я выжил, как я спасся" Ю. Бримана", принадлежало перу Дугала Робертсона, 43-футовую шхуну которого, водоизмещением 19 тонн опрокинул и потопил кит. После этого его со всей семьей из пяти человек, плюс один член экипажа, носило по океану

тридцать восемь дней, правда, у них еще был судовой тузик - такого на “Крейсер Шмидте “ не было.*

- Пакет с продуктами: десять унций арахиса, шестнадцать унций запеченной фасоли, десять унций солонины и десять унций изюма.

- маленький импульсивный маячок - если придётся отдавать сигналы во Вселенную.

После всех этих катаклизмов, вернувшись, но, не причалив, “Крейсер Шмидт” спокойно скользил по идеальной океанской глади, подгоняемый легким бризом.

Капитан стоял у штурвала, Хулио Чкалов, еще с вечера приладив свой гамак так, чтоб его не прихлопнуло парусами (он сделал это с таким тонким расчетом, чтобы принимать на свои попугаистые трусы часть ветров морских - для этого он приспособил дополнительный вертлюжный переводник к натяжке форштага, и висел прямо под стакселем - при смене галса его ничего не беспокоило, и лишь счастливые ветра его колыхали.

Монах Дордини , возглавляющий тот черный Орден, что придумал бренди, свалился, наконец, на бок, когда капитан положил руля вправо и поменял галс - немая птица при этом заорала нечеловеческим голосом.

Затем он стал колотить пустой бутылкой по палубе, мотивируя это тем, что при отплытии дон Карлеоне всегда разбивал о борт бутылку с шампанским, и все потом было хорошо.

Старика, как могли, угомонили, спустили в «компанию», посадили в кресло и воткнули в рот штуцер - чтоб сосал пока из собственных запасов.

Яхта преодолела под всеми парусами (кроме, разумеется, спинакера), северную часть Гуанабары, вошла в пролив между

материковым Рио и Нитерой - прямо мимо мыса, где располагался аэропорт Сантус-Дюмон, - тот самый, на который приземлился неделю назад пестрый «Дуглас», и задал старт новой Одиссеи Великого Комбинатора. 1*

1.

“ И по их лицам царица могла понять,
До какой степени это пенье трогало сердца,
хотя оно ни о чем не рассказывало
Волнуя тяжких тружеников соленого моря. “

Уильям Моррис “The Life and Death of Jason” (1867).

Затем капитан провел крейсер на юг - мимо бухты Ботафогу, горы Пан-ди-Асукар, мыса Леми, и, наконец, они поравнялись с Копакабаной.

Остап Бендер оглядывал тот берег, о котором мечтал с тех самых пор, как ему в руки попал лист из малой советской энциклопедии (он счел это за знак, ибо лист принесло по ветру, после того как в сибирском городе Омске, ему сначала весенним ветром сорвало шляпу, и унесло прямо в гонимый апрельскими льдами Иртыш. Что до Омска, то он как-то «присел» там по пустяковому делу - в 1929 году от Рождества Христова.*)

- Вот так, капитан, - сказал Великий Комбинатор, обнажая голову перед той уходящим Рио, и утирая скупую слезу своей селекционной рубахой. - Двадцать лет назад я никому не позволял лапать Мечту. Нет повести печальнее на свете. И воля есть, но нет покоя.

Короткая февральская ночь «другого» полушария заканчивалось, наступало утро, светлое и чистое. «Крейсер Шмидт», уходил в последний поход.

Они молчали, когда пристроились в кильватер группе уходящих в

Атлантику крейсерских яхт - это была регата на кубок "Атлантики".

Над ними некоторое время барражировал вертолет бразильских ВВС, но потом резко отвалил в сторону материка, как будто что-то собрался, а потом раздумал.

- Похоже, наши ангелы за нами приглядывают, - задумчиво изрек Бендер.

- Талисман на носу - в гамаке, - сказал капитан. - Предки были умнее нас - они прибывали на нос своих богов, чтобы они прокладывали им путь. Наш явился сам.

- Вы не читали сегодняшних газет? - спросил командор капитана, спускаясь с палубы в персональное гнездо, под названием "кокпит рулевого", и, взглянув на него, не стал дожидаться ответа.

Шмидт-Паниковский, как ГОНчая на свежей тропе, ничего не слышал, - он смотрел единственным глазом в открытый океан, ветер трепал его длинные, светлые, кудрявые волосы, и была в нём живая страсть. Капитан отдавался высоким стихиям.

О. Бендер извлек из "холодильного" бардачка дежурную бутылку «баккарди» (он был во льду*), и разлил ее по бокалам.

- Выпьем, капитан, - сказал Великий Комбинатор тоном только что уволившегося из монастыря отца-настоятеля. - Далеко до места?

- Четыре тысячи морских миль.

Они закурили.

- За сколько дойдем?

- Понятия не имею.

Великий Комбинатор посмотрел вправо и увидел остров Бримана.

- Вон там живет герой.

- Слыхали, - отозвался капитан. Его забирало величие Атлантики.

Рассмотрев остров Бримана в бинокль, на который уже нашлось желающих, как голых на случку, Остап Бендер удостоверился, что сарай стоит, но ни стальной субмарины, ни самого героя-подводника, ни бессмертной собаки, на острове нет.

Когда Бендер оторвался наконец от созерцания бримановской подводной базы и ее наблюдательного пункта - сарая на сваях, они уже выходили в открытый океан - и все вокруг сразу стало другим: воздух, вода, небо. Это была уже не Гуанабара, а громадная чаша, на дне которой валялось столько золота, сколько его не пребывало в мире.

Через четыре тысячи миль строго на Восток, находился остров святой Елены, куда вновь устремился Наполеон, осваивая свой пивной прообраз - на груди Великого Комбинатора.

Порулив колесом еще примерно с час, уgomонив бутылку рома, и закусив все это свежесваренными, теплыми еще креветками, капитан, поставил штурвал на "автопилот", и пошел к себе в "капитанскую" каюту.

У знаменитого итальянского мафиози, на столе всегда, рядом с судовым журналом, среди роскоши средневековых приборов, и кресла - того самого, в котором сиживал, сэръ Френсис Дрейк - геройский пират и любовник ее Величества, королевы «Лисаветы», лежал томик «Илиады» ученого мужа Греции - некого Гомера.

Как-то капитану приснилась игра: наугад открывал страницу Одиссеи, и та оживала.

Шмидт-Паниковский с тех пор взялся переписывать «Одиссею», как только выходил в море, этим же днем, в судовой журнал. Таким образом, он упражнялся в древнегреческом языке, и возбуждался пропастью времен, наводя мосты. Порой получалось забавно.

Но нынче он сыграл с особым трепетом, ибо жизнь его была - сплошные волны, и он был на пике даже тогда, когда волна его накрывала.

Гомер был точен в своих пророчествах - впрочем, как всегда:

*415. “Склали, как то повелел им возлюбленный сын
Одиссеев.*

*Скоро и сам он вступил на корабль за богиней
Афиной;
Подле кормы корабельной она поместилась; с ней
рядом
Сел Телемах, и гребцы, отвязавши поспешно
канаты,
Также взошли на корабль и сели на лавках у весел.*

*420 Тут светлоокая Зевсова дочь даровала им ветер
попутный,
Свежий повеял Зефир, ошумляющий темное море.
Бодрых гребцов возбуждая, велел Телемах им скорее
Снасти устроить; ему повинясь, сосновую мачту
Подняли разом они и, глубоко в гнездо водрузивши,*

*425 В нем утвердили ее, а с боков натянули веревки;
Белый потом привязали ремнями плетеными парус;
Ветром наполнившись, он поднялся, и пурпурные
волны
Звучно под килем потекшего в них корабля
зашумели;
Он же бежал по волнам, разгребая себе в них
дорогу.*

430 Тут карабельщики ...

(в этом месте текст был неразборчив, «видать, волна размыла», - подумал капитан*).

*... Чаши наполнили сладким вином и, молясь
сотворили
должное вечнорожденным, бессмертным богам
возлиянье,
Паче ж других светлоокой богине, великой Палладе.
Судно всю ночь и все утро спокойно свой путь
совершало”.*

- **Смотри, в небо, (*)! – говорил Посейдон Одиссею, когда они вылезли погреться на камушек. – Это – фрегаты, мафия птичьего мира. Они как будто взмыли с авианосца, где победила анархия, и вырывают друг у друга жратву – они особенно драчливы на праздник призраков. В Тайване его отмечают месяц, у нас с тобой – всего ничего. Начнём войну, Одиссей? Вернём веру в Зевса? И тогда я верну тебя в твою Итаку, раз уж ты так туда рвёшься.**
- **Да я ни во что не верю, - сказал Одиссей (*), растягиваясь на Солнце (пора линять, предъявлен ультиматум, - подумал он*). – Ты же рыбу всегда просишь принести тебе живую – не дожаришь – убьёшь повара, пережаришь – убьёшь рыбу.**

Пока Посейдон думал, Одиссей моргнул знакомой касатке, и они умчались, ни на что не надеясь, ибо Посейдон по лёгкой игре (*) был брошен в колодец Нирваны, на дне которого (врём, в полёте*), он был замечен нами, ну а уж мы, те, на кого вся надежда, спасли царя Итаки*).

- **Ты смотри, а я уж думал, что не слезу я с этой иглы, под названием «Остров Калипсо», - говорил (*) юной, пятнистой касатке.**
- **Хочешь, я увезу тебя на Юпитер, где живут наши души? – спросила она.**

- Не могу, детка, - говорил ей Одиссей (*), слизывая соль с её ласт. – Сначала надо попасть Алкеною – в шестой позвонок, в угон, из моего охотничьего лука.
- Но когда?
- Я позвоню.

(Слукавил Одиссей. Он знал, что на Юпитере бывают за шторма.)

Иллюстрация.

Дали. «Лов тунца»

Глава двадцать восьмая: "СУТЬ БЕРЕГОВОГО БРАТСТВА"

- Ну что, Посейдон! – дышал царю морей Одиссей (*) – в самое правое ухо, а когда тот задремал, то собирался уже было воткнуть ему шомпол от старого, гранёного ружья, как вдруг вновь тронула его в плечо та самая касатка, что побудила его на прошлогодний побег, и сказала, как Емеле реликтовая щука:
  - (*)! Плываемте на Юпитер!
  - Откуда ты знаешь божественный язык снов?! – спросил Одиссей, как вдруг увидел её львицей, что, раскинув ноги, говорила голосом Калипсо:
- Это от того, что мы детей рожаем в сезон дождей, а не как вы,

бешеные люди. В любое время, где попало, от кого не попадя.

Мы вынули перископ из-под воды, и высказались хором:

- Во кроет, так кроет!

Тут услышали голос (*), что доносился вместе с пузырями – из-под океанского покрова:

- Это сон, идиоты! И кончилось тем, что я львицу-то трахнул, а льва подстрелил: из папиной фузеи.

Мы ткнулись в дамский сонник: там говорилось, что (*) (Хитрожопым*) владеют планетарные силы, а ружьё было комбинированное: верхний ствол – двенадцатого калибра, нижний – нарезной, под немецкий, «круповский» патрон на «восемь с половиной» (всё, как, в снах Великого Мистификатора Феллини); замок был сломан, но не до конца: лев сначала зацепил Одиссею сердце своими острыми когтями, потом получил в брюхо пулю нарезную, а, после гладкую, прекратил хамить и превратился в пепел.

- Так оно и было, - возник Патрекей.**
- А ты откуда знаешь?**
- Я – центр той сферы, которая везде.**

Мы, разумеется, спервоначалу ахнули, а потом присели, потому что до сих пор не могли предположить, что наш средневековый ловчий знает такое мудрёное слово, как «сфера», но потом привыкли, - в конце концов, этот чёртов учёный кот находился при нём, и вдвоём они знали нечто такое, чего не знали ни мы, ни Одиссей (*).

Когда-то Канарские острова, которые потом скупили русские бандюки, (Господь допустил подобное переселение по одной причине

- они сверху напомнили ему горных горилл, и ангелам было дано указание приветствовать размножение популяции*), открыл конкистадор Битанкур, явившийся к испанскому королю, и попросивший Его Величество “оказать ему покровительство в аванюре”.

То есть, выражаясь современным, сугубо меркантильным языком, монарху предлагалось поделить источник финансирования, для того, что бы Фуэрто-Вентуру из соседней Сахары завести одногорбых верблюдов.

В 1553-м году пираты спалили-таки все строения конкистадоров - вольные труженики моря любили палить костры, а через 540 лет русские братки - набожные люди, постоянно жертвующие на постройку храмов, ну и о себе не забывающие, доимели остатки островильтянок, и завезли своих, которые быстро одичали (это были козы, которых теперь по островам бродит 80 тыс. особей).

Но дело тут вовсе не в статистике, а в том, что раньше рыцарь мог явиться к королю, сказать: “окажите содействие в аванюре”, и получить за это голубую ленту, корабль, команду и денег - во славу государства.

Нынче (и наша экспедиция тому яркое подтверждение*) - любая более или менее живучая туристическая контора носит непременно название “Лабедан” (это шифровка - читать надо наоборот), и постепенно конторам перестали доверять, и отказывать в финансировании. Однако таковая позиция не распространилась на грабежи, осуществляемые под видом народных восстаний.

Например, в конце второго тысячелетия гордое племя Курдов захватило по всему миру 60 строго охраняемых греческих или еще каких-то там посольств, - вместе с содержимым сейфов, заслав "механиков", и мы еще говорим о коллективной безопасности.

Так что можно с полной уверенностью сказать, что экспедиция, которая из-за той временной пропасти, в которую и глянуть страшно, (а предсказал её Гомер*), снарядилась и поплыла во славу народной географии - не первой, но последней.

В два часа ночи следующего дня похода, капитан Шмидт-Паниковский проложив примерный курс до острова св. Елены, где, как известно, нашёл свой упокой Наполеон, по 20-му градусу южной широты,

учился языку Гомера. Он прогулялся по палубе своего корабля, скользившего в

«бакштаге», проверил лебёдки, настроил «пеленгатор» на компас, скользнул через форлюк к себе в каюту, ткнулся наугад в страницу, и стал переписывать в судовой журнал божественный текст:

“Странник, ты должен призвать Посейдона

владыку: вы ныне

Прибыли к нам на великий праздник его;

совершивши

45 Здесь, как обычай велит, перед ним возлиянье

с молитвой,

Ты и товарищу кубок с напитком

божественно-чистым

Дай, он, я думаю, молится также богам, поелику

Все мы, люди, имеем в богах благодетельных нужду...”

Потом он отвлекся, предался мечтам о финансовой свободе, и наугад открыл страницу следующую:

“55 Царь Посейдон земледержец, молюся тебе,

не отвергни

нас, уповающих здесь, что желания наши

исполнишь.”

Капитан почувствовал в пустой глазнице слезу, матерно выругался, и направился в кокпит — там, возле штурвала «Rolex», с правого борта, в специальном рундуке во льду пребывал ром, с левого борта в

сухости - «Partackas Domingas».

Он прошел по коют-компани, поправил одеяло на католическом священнике, снял командорское кепи Бримана с чела спящего Великого Комбинатора, и положил ее на полку - рядом с синим, как море, томом Пирандэлло. Потом он взошел по лестнице на палубу - «Крейсер Шмидт», сам себя управляя, летел по волнам к острову сокровищ.

Он спрыгнул в кокпит шкотовых, и, держась за стойку компаса, огляделся - впереди, где-то в корпусе яхты, раздавалось рычание.

Он прошел по палубе вперед - к носу до форпика, затормозил взгляд на индейце, который пускал ароматные кольца в океанскую ночь; открыл люк форпика и увидел во тьме парусного барахла бортмеханика, лежащего, раскинув ноги и руки, и издававшего чудовищной силы храп.

Балаганову снился сон, называвшийся набоковским термином «душекрушение», и во сне же показавшийся явью (в лагерях он выработал против снов иммунитет - надо было уже во сне сообразить, что здесь еще хуже, чем в натуре).

Явью этот сон показался именно потому, что в нем, как и в жизни, было все шиворот-навыворот - времена и люди менялись со звоном разбитого калейдоскопа.

Снилось ему, что был он еще совсем маленький, и папа его, егерь Щельковского района Костромской губернии, Степан Евстафьевич Балаганов, взял его отловить «беляка для продажи» - папа практиковал отлов тех зайцев, что использовались на станциях по испытанию ГОНчих собак. До продажи дело никогда не доходило, ибо он никогда не доезжал до станции: около вокзала в Кинешме его всегда поджидала одна и та же самогонщица, и втемяшивала ему под видом синей политуры коричневую таракановку (настоянку на тараканах*).

Батя - и в натуре, и во сне, любил самогонщицу, но спасть с ней

боялся - из-за патологического страха поймать мондовошек, ибо один вид этих вредных насекомых действовал на него, как, скажем - вид взрослой серой крысы на рыжую взрослую девственницу. (Столь пышное сравнение показалось Балаганову странным и тяжеловесным - он даже заставил себя на мгновение очнуться, и прощупал на себе член*).

Так что папа возвращался ни с чем, бил его, Сашу, по кудрявой башке, пил "таракановку", потом валялся на печи, обливаясь горячим потом - пить ему не позволяло здоровье, а не пить он не мог - брала тоска по супруге, Сашиной матушке, которую он пару лет назад в осерчателстве изрубил топором - она подвернулась папане как раз в тот самый момент, когда он, оттягивая момент запоя, а стало быть последующего за ним похмелья, окончательно сдурел, увидел супругу, Сашину матушку, которая вдруг привиделась ему курицей (он на ночь читал какие-то дурацкие сказки - про черную курицу, а потом ему снился Луи Асмстронг, играющий на трубе частушки*), поволок ее во двор, взял за черну косу, и отрубил голову, ожидая, что та сейчас превратится в ту черную курицу, которая только с отрубленной головой вызывала у него, Степана Евстафьевича, эрекцию, потому что бегала по двору, олицетворяя дамскую живучесть.

Балаганов проснулся от того, что, во-первых, не мог вспомнить, каким же его было детство на самом деле, кроме того - он почувствовал какой-то предмет у себя на груди.

Он приоткрыл правый глаз, и убедился, что на нем стоит пятак капитана, а сам взирает, сверкая глазом, откуда-то из под бесконечного неба.

- Блондинчик, - только и прохрипел пересохшим горлом Балаганов, после чего в отверстии люка засунулась еще одна голова (это был Вениту*), и заполнила парусный склад знакомым конопельным перегаром.

- Прекратите орать, юнга, - сказал откуда-то очень издалека капитан,

убрал с шуриной груди ногу, и хлопнул люком - осталась только одна щель, через которую просачивалась тонкая струйка лунного света.

Балаганов закрыл глаза, мгновенно заснул, и соскочил в прежний комикс.

Степан Евстафьевич Балаганов сидел на облучке телеги, и насвистывал “Боже царя храни”, что означало приближение абстиненции.

Юный Шура понял, что едут они опять - за напитком, и не будет ни зайцев, ни сетей, ни денег, а будет вокзал в Кинешме - папа болел любовью - тайной, глупой, необъяснимой.

Александр Степанович не любил своего отца, и страшно боялся, особенно этих самых моментов, когда его брали на ответственные задания - от страха он всегда на рыбалке топил хлебную кормушку, и получал за это по башке веслом; а на отлове беляков путался в сетях, за что единожды и был засунут своей нехитрой рыжей рожей (и так ни на что не похожей*) в муравейник, когда папаня вычитал в газете, что таким образом сына от веснушек можно было избавить за шесть-семь минут.

- Для единственной-то доченьки постараюсь, для наследницы, твою мать, - приговаривал тогда папаня, макая сыновьей рожницей в чертово лоно.

Балаганов вновь выскочил из объятий Морфея, потому что увидел самый ужасный кошмар за всю свою историю - папа называл его доченькой.

Он минут пять полежал на парусах, думая, чем бы ему заняться, но любопытство взяло верх - он решил посмотреть свое кино дальше. И сразу началось.

Шуре снилось, что едет он с батей на телеге, и придумывает ему всякие казни - одна другой хитрее.

Вот он, будучи маленькой, рыжей девочкой, душит папу на нитке, торчащей из тенетов (сетей*)

Виделось ему, что папа Степан Евстафьевич, путается в сетях, и он, Александр Степанович Балаганов, бывший сын лейтенанта Шмидта, бывший вор “в законе”, а ныне вор “вне закона”, вдобавок еще и юнга лодки под названием “Крейсер Шмидт”, будучи примерной девочкой, с насильственно удаленными с лица веснушками, создает ему, папе своему, дополнительные условия к состоянию полной безысходности: папа матерится, зовет его, сыночка, непотребными именами и обзывательствами, а она, Шура, бегает вокруг папы с озабоченным лицом, говорит “Щас, батя, щас”, вроде пытается его распутать, имитирует спасение, а на самом деле, как тот деревянный мальчик (или девочка?*) Буратино, что зацепил бороду Карабасу Барабасу о смолистый ствол, надавал под(ПИСК)жопников, и уестествил своим 100мм дюбелем. (Или отверстием - “От добра добра не ищут” - гласит русская пословица*).

Вот папа уже окончательно запутан, вот он уже израсходовал весь этот свой невообразимый лексикон, вот уже смолёная нить врезалась ему в рот, он весь, как в коконе, привязывается к тому гвоздю на полке, что прибит для полного обслуживания процесса вязания этих гребаных сетей (чтобы потом в них попадались - то безмозглые речные караси, то хитрожопые лесные кролики*).

Балаганов проснулся в поту на самом интересном месте - он и на яву никогда не вспоминал свое детство, после которого он был вынужден свернуть с узкой тропы добродетели, и начать воровать.

Он вперила глаза в потолок каюты, и ему долго казалось, что это потолок барака, и сейчас та самая ночь, прожив которую следовало ему отправиться на свидание с авторитетом Бешеным.

Он дотронулся до потолка рукой - никаких клопов не посыпалось, а от дерева пахло классическим верхневолжским пряником (то был

сандал*).

Южные ароматы, вновь «вырубили» Шуру, и он продолжил путешествие в нирване:

он вновь пребывал маленькой рыжей девочкой, которая продолжала путь на облучке телеги вместе с папой, - тот сидел молча, предаваясь тому нервному сосредоточению, которое делало его, Степана Евстафьевича Балаганова, по отношению к рядом сидящей дочери, довольно опасным, ибо Балаганов старший всегда мечтал о сыне.

Надо было прервать паузу, иначе можно было получить затрещину безо всякой причины, и он (она) уже было собрался (ась) открыть рот, что бы сказать что-то о зайцах беляках, и порадовать отца узкоспециальными знаниями, которыми все молчаливые одиночки этой планеты очень гордятся - что у него, по сравнению, скажем, с русаком, более короткие скидки, поэтому собаки не гоняют его так “парато” (бодро*), и часто идут в “добор” (издеваются, б(ПИСК)ля, над охотниками*).

Еще он (она), вознамерились сказать, что для гончей собаки, особенно выжлеца (кобеля проклятого - их вообще лучше сразу стрелять - так батя говорил, заводя только выжловок (сук проклятых*)), лучше ГОНять, конечно, зайца, потому что лиса может черт знает куда увести, а среди зайцев - именно беляка - потому что русакам может, особенно если подраненный, может конкретно чесануть по прямой, и потом - “Воронез - хрен догонишь” - и собачку, которую под каждым кустом сидит, и ждет вор с мешком - особенно во время голода и накануне открытия сезона.

Так же Шура собиралась (лся) напомнить папане о том, что знает о его ненависти к тем, с позволения сказать, “выжлятникам”, что позволяют своим собакам гонять лосей, оленей, коз, облаивать белок и кусать за уши медведей - то есть выполнять, как он метко выразался, “неинтеллигентную” работу, которая считалась чистой “лаечной” привилегией (лаек батя терпеть не мог не потому, что сомневался в их деловых качествах, а от того, что как-то он по-пьянке поспорил с

одним “пидором горбатым”, что раскрутит его западно-сибирского кобеля за хвост и забросит его в мать-Волгу, но в результате остался без трех пальцев на правой руке - приходилось теперь нажимать на курок мизинцем*).

В это мгновение юнгу вновь вынесло в явь - он уже выработал нормальный безусловный рефлекс на приближающиеся кошмары. Он еще раз убедился в том, что не маленькая рыжеволосая девочка, а взрослый лысый мужчина, вспомнил, как звали обеих отцовских выжловок (ГОНчих сук*), и, успокоившись, уснул.

Тот факт, что и Физда, и Флейта имели порочащую их манеру кусать лошадей за задницы и морды, ныне действующий юнга опустил. (Обе выжловки были подслеповаты с самого детства - тоже, факт наследственный, ибо от слишком высокой породности у ГОНчих отмирают порой необходимые им качества, и при виде любой части лошадиного тела им мерещились ужасные глаза хозяина - Степана Балаганова*).

Одного мерина по имени Веселый, собаки просто разорвали на части - их кормили как раз тем, что великий комбинатор поставил во главу своей коммерческой деятельности в тридцатых - исключительно рогами и копытами. 1 *

-----
1. Веселый нес Шуру по этой же дороге, по которой он проезжал только что в своем этом безумном по ситуации сне (ничего подобного в жизни Балаганова не было, у него было идиллическое детство: родителей не знал, ел, спал, работал доярком (ркой)).

Однако здесь, сейчас и в данном измерении, правая оглобля была сломана - Веселый пытался уйти, под спортивной выездной тележкой, ведомой Шурой, но то справа, то слева, под пах ему ныряли то Флейта (она вела, ибо была по моложе), то Физда.

Веселый уходил иноходью - он был потомок самых породистых

орловских рысаков, к которым где-то подмешался тоже породистый, но все же мул (помесь осла с лошастью, и наоборот*), и Веселый стал самым выдающимся иноходцем планеты.

Мерин гнал, как мог, уходя от ГОНчих, а те его ГНАЛИ натурально, с голосами - то есть делали то, за что по всем правилам псовой охоты, заслуживали смерти.

Проезжий купчик, завидя такое, хотел было уже купить мерина, после того, как засёк прыть и смерил скорость, но в тот момент, когда он доГНАЛ Шуру, Физда с Флейтой уже сделали свой сучье дело - Веселый доходил, с глазами на выкате, бил копытом, задыхался, умирал.

Когда Весёлого порубили на части, свалили в мешки, и собрались уже вести на продажу в Кострому, Физда с Флейтой прокрались ночью в телегу, запрыгнули на нее, и все мясо сожрали, а потом ушли на неделю в лес – переваривать.

За всю историю этих поездок “за беляком” с тенетами, ни разу ни одного беляка не поймалось, а все время ловились обе папиных выжловки - маманя Физда, и дочка – Флейта.

Батя ловить сетями беляка не умел, но всю жизнь не мог себе в этом признаться.

Он не мог себе признаться, что был вдобавок хреновым ГОНчатником, и неважным стрелком, а все потому, что был постоянно пьян, а пьяным он был, потому что не пить он не мог - до того зачаровывала его творящаяся вокруг русская природа.

Шура Балаганов перевернулся на правый бок, хлопнул по парусине, вошла белая пыль, - Балаганову этот привкус показался знакомым, но он не стал сосредотачиваться и жадно глотнул воздух.

Небесные духи вдруг соединили одно с другим, в нереальной комбинации - до него, Александра Степановича Балаганова, вдруг дошло, что папа его, Степан Евстафьевич Балаганов, был на самом деле хороший человек, только одинокий и несчастный, а все потому, что и дед, Евстафь Вставляевич Балаганов, и прадед - Вставляй Надра(ПИСК)чивич Балаганов - и так до 39 колена - все были хорошими людьми, и хреновыми охотниками, являясь при этом потомственными егерями. 1, 2*

- На счет нового числа, соединенного со звездами небесной магией: помянем вставанием, господа ученые мужья, и их рыцари - 7. 02.99 умер король Иордании Хусейн - прямой потомок пророка Мухаммада, и тоже в 39-м поколении, героический муж, летчик, герой, миротворец, любимец всего ближнего Востока, говорят, он любил окружать себя сильными женщинами, и зарезан он был – американскими хирургами.

Мы встали из-за стола и сделали заявления для жёлтой прессы, что ломилась в открытое окно:

- Если какой-нибудь ортодокс посмеет обвинить нас в неуважении к Исламу, будет немедленно уничтожен, ибо мы давно уже договорились, закончив подвиги морские, повторить гражданский подвиг воспетого Великим Мистификатором Хорхе Луисом Борхесом, британского консула, капитана Ричарда Френсиса Бертона, который на территории Триеста, в году 1872-м, предпринял знаменитую попытку перевода «1001 ночи». Он умер в окружении гарема, вот и мы решили – на Востоке те же шлюхи, только купить их надо раз и навсегда, и пусть их будет по скромненькому так, по тридцати девяти на рыло, «удобная религия».*
-

2. Беда была в том, что зачинатель династии Балаганов (никто не помнил его имени-отчества, должно быть, сочетание было в ту пору неприемлимое*), тот самый, что являлся ловчим (начальником*) знаменитой Глебовской стаи, перед смертью, в пьяном бреду

перепутал напутствия, и все потомки держали направление на немислимый способ отлова - до них ни кто и никогда не практиковал добычу живых беляков сеткой из-под гончей стаи, ибо гончая стая, идущая с голосом по следу, неминуемо запутается в сетях, и, ежели, долго там просидит, то вся и погибнет.*

Балаганов увидел во сне свое богатое кровосмешением генеалогическое древо.

Оно было, как живое - каждый желудь могучего дуба по-своему шевелился, что-то говорил, кому-то угрожал, пил водку, трубил рожок, махал ятаганом.

Предки, заслушав ГОН и поймав собак, тявкали друг на дружку со всеми оттенками русских псовых голосов, “двоили”, “троили”, плакали, стонали, короче, ловили кайф, известный только псовому охотнику, и никому другому.

Александр Степанович совсем забыл свою лагерную рефлексию (такое с ним могло случиться только во сне), и во всю мощь своей нечищенной глотки заорал:

“Твою мать, какая красота!!!”

Он видел охоту во всем ее великолепии.

Выжлятники, верхами, отдали по три рожка, и все спустили своих собак - на тот остров, где ждала их желанная волчья стая.

Какой-то мощный мужик повалился с лошади, и пять здоровенных выжлецов поволокли его рывком по сырому чернотропу, прямо рылом, что называется, в говно.

Балаганов готов был все на свете папе простить, потому как, дошло до него - что он хоть и не буквально, но мысленно против отца согрешил — и грех такой не имел во вселенной ни имени, ни точки, не

названья: последний потомок этой великолепной крепостной русской пегой гончей династии, уже на отца не обижался, - в своём двуполом детстве он спокойно пошел в кусты, и стал развешивать сети - Флейта “натекла” на след, Физда стала “добирать” - совсем в другом месте - как видно гоняли двух разных зайцев, а может - двух зайчат из одного “помета”, хоть те и пахнуть не должны (не путать с говном – буквально здесь - не говно, а дети*).

Шура сел(а) на пенек, и, достав пирожок, стала тот, что с капустой, быстро кушать.

Выжловки гоняли по весенним, да “по брызгам” - что Физда, что Флейта, - “двоили”, “троили”, визжали, кончали, дорвались “до дела” - засиделись, суки, размечтались, разбегались, распрыгались, разгавкались, разтявкались, одним словом - разговелись, разгонялись.

Ныне, в пятидесятом, на парусном корабле, Шурик видел себя со стороны - ту, малюсенькую девчонку, чудом сохранившую невинность аж до сорока лет, - казалось, вся ее жизнь способствовала этой дурной стерилизации, - если и была какая в мире несправедливость, то вот она, сплошная каторга, да и корабль-то был, с командной, собравшейся под вершиной Карвокадо, из беглых каторжан.

Он во сне уже сообразил, что этого эпизода на самом деле не было - не гоняли ни разу в жизни беляка, что Физда, что Флейта - обе эти “выжловочные” суки (что мать, что дочь*), были настолько непутевые, что сердобольный папа каждый раз собирался их перестрелять, но не делал этого - порой собакам просто фатально везло. 1*

---

1. Везение заключалось в том, что только на Шуриной памяти, раз шесть или пять, Степан Ефстафьевич, батя его, засовывал стволы по будкам - один, правый, получоковый ствол - в будку

Физды-матери, а второй, левый ствол, цилиндрической сверловки - в будку Флейты-дочки, потом взводил курки, жмурился, спускал «собак» единственным мизинцем на правой, в прошлом, пятипалой пятерне, но ничего не происходило - словно какая-то неведомая сила, некий собачий ангел, впрягался за жизнь своих подопечных тварей - то порох отсыревал, то капсуль прогорал (однако тогда еще он пытался пристрелить их по очереди - но как-то усилил заряд, передозировав его ровно в пятнадцать раз - в результате оторвавшейся деталью ему выбило все зубы, пороховым угаром опалило лицо (до непроглядной черноты*), а стволы развело в аккурат по будкам - как приглашение свыше куражиться дальше.

«Чума ума» продолжалась, что было - как для Физды, так и для Флейты, хуже самой лютой порки:

собак папаня все равно любил, иногда любил по человечьи, хоть и в собачьей позе - то Физду, то Флейту - Шурик сам как-то пришел на визг - папа с Физдой как раз повязались, а Флейта заливалась, давясь на сворке, косясь на Балагановский ел(ПИСК)дак - он у папы был потомственно огромен, и потому был воспет И.С. Барковым, в его 14-м сонете из романтического цикла “Билеты”:

**«Прекрасный у меня, Кларинда, есть цветок,
Возьми его сама ты из порток».**

Гон шел со стороны поляны - нынешний, спящий Балаганов, зрил себя махонькую, сидя на ветке вместе с большим разноцветным дятлом, с красным чепчиком на голове, не знающей потрясений - был он лесным гномом, - тем самым, с которого и начиналась вся эта Балагановская генеалогия - он сидел на этом самом дубе, все остальные члены рода, висели на нем, подвешенные кто за что, как елочные игрушки.

Весь род Балагановых, как старый егерский полк со старой фотографии, смотрел, как единый, “предреволюциЁнный” отпрыск,

развесив сети, слушая ГОН, да такой, который ему мог только присниться, присел на пенек, съел тот пирожок.

Балаганов вновь перенесся из гномистого тела отца-основателя династии - существа, которое все звери понимали с полуслова (то есть он убрался из естества гнома, обладающего тем самым качеством, которые он, Шурик Балаганов. с годами начисто растерял - и тому пример с Абдуллой*), в свое собственное - только тридцатилетней давности - вот он слышит ГОН, которого не может быть, потому что скорее Луна упадет ему, Шурику, в исподнее, чем отдадут за него свои голоса - что Физда, что Флейта; вот он занимается стихотворчеством, посвящая вдохновение этой самой костромской шлюхе -

“Встала Клавка утром рано,
И увидела - барана”.

(Под бараном, подразумевался, разумеется, официантка, которую язык не поворачивался назвать овцой*);
вот она, рыжая девочка, зачарованная начинавшейся весной;
вот правая рука ее, разумеется, неосознанно, скорее это самое, разрази нас всех гром,

“МАШИНАЛЬНО”,

само(а) собой развязывает кусок конского повода, что служит обычно всем тем, кто впоследствии все в своей жизни делают машинально (то есть - по собственному наитию и в соответствии с божьим попущением), неким подобием ремня и удавки (если вдруг станет жизнь не мила);

вот она уже заправляет правую руку в ровно уже пять лет, как постиранные мамой покойницей в последний раз трусы (мыла, или что-нибудь в этом роде, в доме не было, в доме было всегда пусто - хоть в футбол играй);

вот она уже пытается нащупать конец - тот, что достался ему по

наследству от того самого гнома, в котором только что пребывала его, Балаганова - последнего, душа,

вот он, аки ангел, то ли двуполоый, то ли бесполоый, пытается сообразить, ктож «оно» на самом деле - девочка, или, черт его дерит, мальчик,

а ныне - окрыленный отрок - тот, которому сорок лет, который видел на своем веку все мыслимые и немыслимые беды и нужды, наблюдает, как он же - только девочка (какая в конце концов разница?) уже дотрагивается до своего недюженного ел(ПИСК)дака - а ел(ПИСК)дака-то и нету, он же не гермафродит какой-нибудь 1*.

-----
1. Все равно, что в пуританском переводе «1001 ночи» Эдварда Лейна, в 391-й ночи один рыбак приносит рыбу царю царей, и тот желает знать, самец это или самка, а ему говорят - гермафродит. Лейн пытается смягчить этот недопустимый эпизод; он переводит, будто царь спрашивает, какого рода это существо, а изворотливый рыбак отвечает ему, что оно смешанного рода.

В 217-й ночи групповой секс с двумя законными женами охарактеризован этим муторным англичанином, как «беспристрастный».

А ГОН тем временем все приближается, вот они ГОНяют нечеловеческими своими голосами, а он, Шура Балаганов, последний отпрыск знаменитой егерьской династии, которая, на своем родовом древе, подвисала за концы - такова была страшная кара за то, что каждый из них рубил своей бабе голову топором, и все по одной причине; начинал драть с оттяжкой так, как смычек водил. 2*

-----
2. Сводная пара гончих - выжлец с выжловкой. Выжлец с выжлецом, замеченные в педерастии - тоже смычок, не может быть смычка только у двух выжловков, чем бы они так не занимались - вот, например, Флейта с Физдой смычком быть

никак не могут, потому что, как в старину говорили, “Не Адам от Евы, а Ева - от ребра*”).

Вот Шуриковский член, который, словно иллюзорный мир дзэна, как о нем Л.Н. Толстой писал, “детство, отрочество, юность”, встает, и наяряивает его Шура Балаганова в этом едином слиянии с матерью - природой, и запахи такие по полям носятся, и все свежо, солнечно, сыро, прохладно, и с берез сок - хоть ведрами выкачивай.

Вот появляется из кустов тот самый драгоценный беляк - маленький еще совсем зайчонок, весь в каком-то говне, сидит, одним ухом поводит, а другим, стало быть, глазом, приглядывает, как егерский сынок-то сидит на пне, и, стало быть, дробит, и понять тот белячок не может, малец наяряивает, аль девка молодая.

Зайчонок тут и сетку разнюхал, уши к башке прижал, да и поскакал себе, и присел прямо у Шуры промеж порток, которые тот, стало быть тока-тока (как в поэме Вл. Маяковского чуть ли не “Облако в штанах”*)).

Снилось дальше Шуре - сел заяц, ушки прижал, и дрожит весь, и только одним так глазом приглядывает, как Шура-то сидит на березовом же пне, и с оттяжечкой так, надрачивает - то, чего нету, и потому не может быть (напомним - мир иллюзорен, иначе во всей этой кавалькаде видений не разобраться, иначе как быть с жаждой к познаниям, которой тоже, получается, нет*).

Шура наш уж чуть не прослезился, и все от того, что он же, только другого, женского рода, не может никак остановится-то не может, это, как говаривал некий француз Вольмон - рыцарь одного капитана от артиллерии Ш. де Лакло - “это выше моих сил”.

Вот и среди берез белых, тех, что некому поломати, сначала, как ей это и положено, Физда, а потом, стало быть, и Флейта - появились, ушами по хитрым рыжим, как у лисиц, мордам отряхнулись - и так до

самого хвоста весеннюю грязь по себе размазали, с полтора особей блох с каждой сучьей особи взмыли в прозрачный воздух, свежий, ароматный, тронь его - зазвенит, как тот колокольчик, который обычно вешали язычники на свои праздничные катафалки, - чтоб, значит, не заплутать (блудить) в лесу - которого нет, с голубоватой, сказочной листвой, дышать нечем - до того воздух, полный весны, стало быть, любви. Которая в данный момент времени и в данной точке пространства была иллюзорна, как никогда.

Сучье племя перестало ГОНять, взгляделось Балаганову в очи, и потом завидело и зайца, который сидел у него под ногами, и одним большим черным глазом высматривал, как Шура, стало быть, теребонит писю - ту, которой быть не может, потому что девочка она, а девочки писиют из поп - так думали собаки.

Попятились Физда с Флейтой, глядя на диво дивное - что б весной в лесу наявляли то, чего нет - это они все видели, особенно Физда - она-то матерью Флейте была, но что б с белячком под ногами, да еще сидя на пне, - такого даже старший Балаганов (самый старший - тот, что висел рядом на древе желания, за конец подвешенный) - никто не может оспорить тот факт, что любая выжловка, что Физда, что Флейта, имеет генетическую память на эти самые физдюли - потому что это были умноженные потомки тех самых русских и совсем непегих гончих (без этих, знаете ли, английских кровей, мы своих блох куем «лесковских»).

Шура Балаганов спал (а) и помнил (а), как дрочил (а) весной, глядя на березу, и слезами уливалась (ся), а старший Балаганов - есть тот самый эльф, прообраз Гофмановской Крошки Цахес - та самая крошка, будучи так же в реальной жизни мужчиной, предводителю балагановского гончего рода в подметки не годилась (ся).

И все равно - этот злой гном мастурбировал, хоть и слушая ГОН, но без зайца, и не сидя, а СТОЯ на том же самом пне (такой способ мастурбации присущ еще и колумбийским Эльфам - ну там-то, все это, понятно, связано с бодрящим белым порошком, который нынче

на каком только говне не замешивают - если, конечно, кореш башляет.
«Ужасный век, ужасные сердца»*). (ИЛЛЮСТРАЦИЯ)

КАТ№2., СТР. 234

Сальвадор Дали.

«Я в возрасте шести лет, когда я верю, что стал девочкой, и пока с большой осторожностью приподнимаю кожу моря, чтобы рассмотреть собаку, которая спит под сенью воды»

1950, холст, масло, 27 на 14 см. Частное собрание.

Спустя 64 года, в последний день зимы перед войной, которую мы, гребцы Одиссея, предсказали, и в которой победили, случилось Знамение: мы обрели Корабль, нашли письма, и сообразили, что давеча не спятили: то были миры Великого Мастурбатора, летящие в «корпускулах», явившиеся к Шуре Балаганову, персонажу не кармическому, не нами сочинённому, но нами воскрешённому. Возможно, что на муки, но психологи заявляют: стабильное состояние эйфории губит человека. Оно ему несвойственно.

– **А персонажу?!**

– **Да ладно! - возопил батька Патрекей, разглядывая в (ПИСК)лупу крохотное полотно Мастера. - Будь я трижды разжалован**

из ловчего в выжлятника. А пуще — в стременного. Вот — Физда, - он показал на далианскую собаку замурзанным арапником.

– **А может, Флейта?!**

Выжловки попятнулись задами, и попались, суки этикие, в сети, а белячок-то, как та самая графиня, мигнувшая Герману со своей карты (она попадалась и присутствовавшему на этом времени - пространстве Великому Комбинатору - 1:10 000*); сам мигнул Шуре Балагановой,

мучающей свой иллюзорный хрен, который, если бы не был иллюзорен, такой муки не выдержал бы, и был таков.

Физда с Флейтой рвали когти, мерзко, поскудно, как это могли делать Флейта пополам с Физдой, подвывали в сетях, вроде как пара переярок. (Переярок - "Тот волк, что пережил период течки (поллюции)»*)).

Из лесу вышел отец. Если и был там какой мороз, то больше всё по коже.

Больше Шура ничего не понял, и ничего не помнил, даже во сне. Ужас обуял его. 1.

1.

- Дожили, - сказали мы, листая ящик, и дивясь друг на друга, до чего ж все целомудренные. – Да пусть нас хоть кто-нибудь посмеет обвинить в иллюзорном попустительстве! Накануне второй войны со Священным Багдадом какая-то Калифорнийская сука, какая-то сраная прокурорша, обвинила Великого М. Джексона в зоофилии с собственным потомством, - то у него какая-то ненормальная недополовозрелая уже отсудила 20 млн. зелени, и эти – пристраиваются. Извращенцы.

Некий Ник Дарк создал произведение под названием «Мёртвая обезьяна», и пьеса эта широко идёт по миру, а там водитель грузовика, имени не помним, хоть (*) как-то сыграл в этой пьесе мстителя, не то чтобы застал свою жену с этой самой обезьяной, но выбил впоследствии признания.

- Художник не может не быть частью своего времени, даже если он – вне времени, - говорил (*) в последствии пьяному в жопу Посейдону, который расплылся по своему трону, как чемпионка Рио по красоте «1950». - В наше время многие хотят «подчистить попкультуру». Засранцы.*

Балаганов проснулся, увидел перед собой «изнанку» палубы «Крейсера Шмидт», и решил, что он опять в СССР, на нарах.

Он уперся ногой в потолок, дабы развернуть его, и заглянуть на самое дно этого иллюзорного пространства, дабы уяснить себе раз и навсегда - кто он, и зачем сломал себе ногу - противоположную той, на которой повис на гикашкоте прямо перед отправлением в тот сабельный поход, куда водила кому-то снившаяся молодость. (И провисел некоторое время, пока его не спас от участи Дуче и его подруги Клары капитан по прозвищу «Блондинчик»).

Балаганов вновь заорал благим матом, надеясь привлечь внимание команды к своим бесконечным мукам - как иллюзорным, так и нет, пока не увидел в отверстии форлюка все те же физиономии - Блондинчика и Вениту, которые завели меж собой неспешный разговор, сродни интеллектуальному европейскому дюренматто-фришевскому театру, где есть, как в китайском опиумном балагане, тени, и есть слова - те, которых, как присутствующего везде, где только можно, конфуцианского черного кота, которого не было и нет.

БЛОНДИНЧИК. Помнишь наш спор, друг мой?

ВЕНИТУ. Помню, отец. Ты получил то, что хотел.

После беглого осмотра балагановской ноги, стало ясно, что юнга на дальнейшее несение вахты не способен.

- Сиди, клей какие-нибудь коробки, или вяжи морские узлы, - сказал ему капитан. - Мухоедства не потерплю.

Оба - капитан и командор регаты вышли на палубу подышать воздухом, - был все тот же чудный бриз, который их вынес вчера - долой от бразильского «яра».

Яхта рулила сама по себе, так что директорат концессии вполне мог, как это называлось на их общей Родине, поточить ляды.

- Этот запах, как правило, вызывает у девушек желание пить водку, - сказал капитан.

- Кстати, о желаниях, - сказал Остап Бендер, следуя за капитаном на корму, хватаясь за ручку фаловой лебедки, и устанавливая свой ботинок с апельсиновым верхом на вентиляционный дефлектор - его начала мучить морская болезнь (в кают-компанию сразу перестал поступать воздух, и Д. Дордини стало вдруг беспокойно). - Мне кажется, что в каюте Балаганова происходят какие-то сломы пространства - когда я там нахожусь.

- У него не каюта, а парусный склад. Как вы там оказались?

- Зашел осмотреться. У сразу меня возникло какое-то полное безразличие - и к Шлюхенману, и к путешествиям. Потом мне сразу начинает казаться, что подо мной пучина. Вышел на воздух - бездна та же, а страха нет.

И знакомый какой-то запах. Запах, знаете ли, как на колумбийской таможне.

- А что вы делали на колумбийской таможне, земной отец?

- Заполнял декларацию, отец морской.

Начинался рассвет - прямо по курсу, проводив ночное светило, вставало светило основное.

Раскинули картишки.

- Даже когда я веду себя натурально, я играю, - сказал Великий Комбинатор.

- Даже естественное поведение - чистая игра, - парировал потомственный капитан.

- Игра в естественное поведение. Оригинально-с.

Десятка, пара троек - флок без повышений, торги, смотрим - э, король.

Интересно, кто-нибудь вручную записывал комментарии покерных шулеров? Ливер, ливер, ливер.

- Вот и с птицей что-то неладное, - сказал капитан, бросил карты, сглотнул «гранёный» и поискал глазами птицу. - Вчера его рвало. Рвало и сегодня.

- Вы, старый морской волк, давайте, разберитесь. Скажу честно - я бы сегодня надрался, но я боюсь за Балаганова - он теперь не пришей, как говорится, к физде рукав.

- Да я бы, дорогой вы мой Остап Ибрагимович, пожарил на галеты этого вашего Балаганова, извините, я сейчас выражусь в несвойственной мне манере. (и выразился).

— А чем он вам так насолил? - как бы вообще не понимая, о чем идет речь, осведомился Бендер, - он перевалился через фальшборт, и стал кормить хлебушком следующих в кильватерной струе дельфинов - те ни на какой хлеб не обратили внимания, и обогнали мерно идущий на восток пока что, по двадцатой параллели крейсер - по пути к сокровищам третьего рейха.

— Я бы на вашем месте обратил внимание на архиепископа, - сказал, захмелев, командор. - Подумайте хоть раз о себе, дорогой Никита Оттович, подзавяжите с пойлом.

- Чтобы быть собой, нужен артистический талант, - заметил капитан, доставая новую бутылку. -

Мне на каторге дедки сказали: его у меня с избытком.

А на корабле главное — дисциплина, а не х(ПИСК)уй сосать. О, извините.

- Это вы кому?

- Нет, вас я не заметил. Я всегда радуюсь, как ребенок, когда выхожу в море, Остап Ибрагимович.

— Счастье — это когда деловой партнёр развеивает сомнения. Вы же понимаете, что мне даже этот безвременный черный кардинал - в один суп не годится.

А вы мне - как сын. Ты меня уважаешь?

- Я тобой горжусь.

Они обнялись.

Бендер с таинственным видом извлек портативный спиннинг Чкалова - Шмидт-Паниковский сразу узнал эту вещицу - она проживала в бардачке “Хорьха”, когда они ездили отнимать у “Дьявола” его деньги, и остались при этом невидимы.

Великий Комбинатор рассмотрел блесну, и закинул удилице в воду: за кормой плескались голодные дорады.

- Это сильные рыбы. с ними не так-то легко справиться, - предупредил капитан, внимательно наблюдая за приготовлениями “отца родного”. - На Канарах я слышал от одного грека, что дорада в щепки разнесла кокпит его яхты. Даже штурвальная колонка - была вдребезги.

- А как она у него оказалась в этом самом... кокпите?

- Она запрыгнула туда - охотилась за летучей рыбешкой. Кокпит - эта та самая яма, где мы сейчас будем с вами подбухиваться, Остап Ибрагимович.

- Понял, все схвачено - на лету, как эта ваша летучая рыбка. - Простите, Никита Отгович, а что такое - штурвальная колонка? - спросил Великий Комбинатор, забрасывая удилице в бурлящую за кормой воду.

- А вот она - перед вами, - сказал капитан, и постучал пальцем по той штуковине, на которой крутился штурвал.

- Вдребезги? - изумился Бендер, и в этот момент прямо под ноги к ним приземлилась, очень похожая на гигантскую ласточку, сначала летучая рыбка, а потом и сама дорада - громадная рыба, с выпуклым лбом и колючем спинным гребнем.

Капитан моментально среагировал, нагнулся, и собрался было уже шарахнуть по рыбине той рукой, что была в хулиовском волшебном манжете, но передумал, и прибыл ее левой - та загнулась безо всяких судорог.

Летучая рыбка подпрыгнула, и улетела обратно в море - как будто она просто сделала свое дело, и ушла - обратно наслаждаться своей хорошей полу подводной - полу летучей жизнью. (Помнится, И.А. Бунин назвал этокое вот совпадение “Хорошая жизнь”*)).

Тут капитан резко, всем телом, перегнулся через борт, опершись на кормовой релинг - его движение привлекло внимание сына турецкоподданного, и он увидел громадный силуэт, с невероятной скоростью накручивающий круги вокруг "лодки" - наконец появился и плавник - Остапу Ибрагимовичу показалось, что он возвышался над водой на пару метров - не меньше.

- Сматывайте удочку, господин технический директор, - сказал Никита Отгович, а то эта рыбка схавает у вас блесну.

Тут они оба почувствовали аромат "душистых трав", и обернулись прямо по курсу - туда, где хлопали при смене галса стакселя, и мотался в своем гамаке Хулио - он стоял перед ними, как всегда почесывая себе что-то (в данном случае - он дергал себя за правое ухо*).

- Это твой шанс, отец, - крикнул, он улыбаясь, и послал дымное кольцо над водой - оно село на акулий плавник, как гимнастический обруч.

Капитан изумленно взглянул на индейца.

- Мой дорогой друг, - ответил он с поклоном (в восточных единоборствах таким образом выказывают спарринг партнеру почтение. - Ты хочешь сказать, что на спиннинг можно поймать белую акулу?

Индеец подошел, принял удилице из рук Великого Комбинатора, внимательно осмотрел, и вернул ее "земному" отцу.

- Вообще-то на эту удочку ловят чертей, - сообщил индеец с улыбкой.

- А это что - черт?! - спросил архиепископ - он возник на палубе рядом с Хулио, раскачиваясь из стороны в сторону, и придерживаясь

за ахтерштаг. - Ату его!

В этот момент все увидели, что плавник подошел к блесне (она сияла в солнечных бликах, как бриллиант*), потом из воды высунулась пасть, страшнее которой нельзя себе было представить - в нее потоками сливалась вода, как в жерло воронки.

Капитан схватил леску, и, опершись ногой на тот плот, что торчал на скошенной под углом в 35 градусов, корме, быстро зацепил лесу на привод натяжки ахтерштага.

- Еще одна катушка, Остап Ибрагимович! - проорал капитан, радуясь перспективе. 1*

СМЕНА ПЛАНА.

ДАЛИ. ОДИССЕЯ.

1.Охота - с ГОНчими, акулами, в океане, в поле, в горах - пуще неволи, некоторые борзые разбиваются о пни, а гончие вязнут в трясине, проваливаются под лед, а подо льдом - все равно ГОНяют - ГОН, господа!

Акула притормозила, как истребитель с основным задним несущим крылом типа “Утка” - она просто опустила закрылки, и яхта практически остановилась.

Капитан кинулся к себе в каюту, едва по пути не уронив в воду тех, кто пребывал, по его мнению, “балластом”, и вернулся со своим крупнокалиберным пулеметом, на ходу передергивая затвор.

Он жестом предложил свидетелям освободить ему “окоп”, примостился там для стрельбы, передернул затвор и дал длинную

очередь - прямо акуле по носу - она на миг замерла, а, потом, как видно, померла, потому что перестала тормозить яхту.

– Идеальный плавучий якорь, - констатировал капитан Шмидт-Паниковский, вдохнув с затвора пороховых ароматов.

Он оглянулся на Чкалова - тот забивал «косяк», одним глазом следя за внутренним процессом, вторым - за акулой, а третьим - внимал небесам, где не было правил, но была ИГРА. 1*

---

2. На этот счет уже высказался Поль Валери - “единственная вещь в мире, которая не выносит скепсиса - так это правила игры”.

Тоже самое выдал и наш 56-килограммовый кот Муррз - в предисловии, так и не вошедшем в поэму: проклятая цензура, та, что вместо нормальных человеческих слов издаёт (ПИСК), а вместо «хитрожопого» пишет (*), приказала (в синхронных снах команды гребцов Одиссея), вымарать это долгое, просветляющее вступление, вместе с увертюрой.

Он, сверкая зеленой волной того глаза, что мог смотреть и видеть, стал медленно подтягивать акулю тушу к яхте.

Хулио не напрягался, и только сказал:

- Будь осторожен, Зоркий Сокол. Это - не акула, это - черт.

Сказав это, он взглянул на небо, и увидел своего давнего приятеля - того “Дьявола”, что всегда был на страже, однако всем остальным показалось, что это где-то вдали рассекает воздух какой-нибудь

реактивный самолет, только след он на небе почему-то оставляет не белый, а черный.

Однако капитан, казалось, не слышал этого, - он подтянул к корме эту огромную тушу, поставил ногу на привинченный к корме спасательный плот, и только сейчас заглянул этой рыбине в глаз - все увидели (если не врут, все рыбаки любят приврать, а еще говорят - рыбак-охотник в доме не работник**), что она как будто подмигнула.

Хулио простер руки к небу, и молча переговорил с братьями.

Капитан, ругаясь по-русски, перевёл гик к левому борту, и лебёдкой перетащил акулу на палубу корабля, та сникла, как ошпаренный стебель, или ножка того белого гриба, что бабки нашли в Пензенской области, и, по их коллективному свидетельству (бабкам тоже верить нельзя - такое сморозить!*), который провалился под землю 22 июня 1941 года; а виновата она была лишь в том, что стала приспешницей дьявола в Новом походе за Старым руном.

- В следующий раз будем ловить тарпона.
- ?
- Вкуснее и легче.

Явился Балаганов. Капитан развернул его за плечи и заглянул в лицо.

- Оставьте его! - сказал командор пробега. - Он девушку убил оледеневшими трусами. И спрятал в электрической розетке.

- Сама залезла. Вы посмотрите на него. Классический «поднарник». Отшучивается со слезами над душой.
- Я — в законе вор, - картинно упав и растянувшись на палубе, - заявил Балаганов.
- Да будет. Не наговаривайте вы на себя.
- Александр Степанович! Хотели б такое э(ПИСК)ало возыметь? - Бендер развернул за хвост акулу по палубе, та моментально огрызнулась.

– Не трогали б вы её, Остап Ибрагимович, акула никогда не бывает мёртвой.

– Усёк.

– Ну, а правда я харизматичный капитан?

– Правда, - сказал Остап Бендер.

Они обнялись.

– Я не готова, - классическое универсальное девичье клише.

– Ну, мы же бываем на людях. С(ПИСК)здим где-нибудь.

– Денег?

– Ново клише.

- Как муравьи? - спросил индеец капитана. - Не сильно тебя едят? Береги свою руку. Осталось еще два раза.

Команда разошлась: Чкалов - к форштевню, на гамак, Балаганов — в форпик, ловить чужие сны под парусами, епископ — в «компанию», плеснуть на жало.

Директорат новообразованного треста расположился в кокпите рулевого, который теперь пребывал в роли военного окопа, никовси выглядел, как кицентральный место на судне — Шмидт-Паниковский сжимал ещё не остывший пулеметный ствол, взирал на мёртвую акулу, управляя судном.

На закате, когда возлияние достигло апогея, капитан неверной рукой открыл “Одиссею” и нарвался на пятую песнь:

“Кончив, она призвала благовеющий ветер попутный.

Радостно парус напруг Одиссей и, попутному ветру

270 Вверившись, поплыл. Сидя на корме и могучей

рукою

Руль обращая, он бодрствовал; сон на его

не спускался

Очи, и их не сводил он с Плеяд, с нисходящего

поздно

В море Воота, с Медведицы, в людях еще

Колесницы

Имя носящей и близ Ориона свершающий вечно

Круг свой, себя никогда не купая в водах океана.

С нею богиня богинь повелела ему неусыпно

Путь соглашать свой ее оставляя по левую руку...”

Глава двадцать девятая: "Первый день в дрейфе"

**СМЕНА ПЛАНА
ДАЛИ ОДИССЕЯ.**

Море было тепло, чисто, и парилось, как молоко 1*.

Ни единого порыва ветра не нарушало этого ярого антонимизма всяческой “суете сует” - не было даже рыб, ни летучих, ни плавучих - они все нырнули в бездну, и там скрылись - может и поспать.

Великий Комбинатор задирает “новых антилоповцев”, тех, что по обстоятельствам стали “крейсер - шмидтовцами”.

Он куражился, как мог - первым стал постоянно абстинирующий черный кардинал Доминико Дордини, который, то умирал от морской болезни, то от нее же воскресал.

Служителю католического культа было предъявлено обвинение в безбожии, сионизме, антисемитизме, расизме и всех форм сегрегации

- после критики реформы Лютера, Бендер было в короткой, но внятной, вербальной записке (слова ложились на застывший влажный воздух, как на пергамент*), были доказаны все приоритеты афроамериканских религий (вплоть до вуду и макумбы), перед методами святой инквизиции.

- Уж лучше выгонять покойников на прогулки, чем устраивать в сельве миссии, и спаивать папуасов! - воскликнул в конце своей великолепной речи Остап («и выпил, кстати»*).

Потомственный капитан, и наследный людоед с интересом ожидали в свой адрес командорских реплик, и дождались - «одну на всех понятную»:

- А вам, дорожайший Никита Оттович, скажу, - он перевёл взгляд на Балаганова, - аутичный — это не аутентичный. Ни фига.
- А на что бабло потратим, командор? - осведомился бортмеханик.
- На благотворительность.
- Это как?
- На чаевые проституткам, - пояснил капитан.
- Давай без спекуляций. У меня тоже внуки, и у кого-то в это время — обязательно понос.

Бендера раздражал полный штиль, вопросы, почему бы не включить дизель, остались без ответа, “мои одежды пропитаны ветром”, - курил в небо Чкалов.

Никита Оттович, выволок из какого-то подпольного рундука, странного вида антенну, залез с ней на топ грот мачты, и укрепил ее на верхней краспице, потом он спустился на какой-то тряпице по ахтерштагу, ударившись босыми пятками на самую дорогостоящую палубу в мире, поймал на коротких волнах “грюндиковской” рации джаз.

Бендер, поблагодарив капитана за услугу (так прямо и сказал: «благодарю тебя, морской отец»*), стал шастать по лодке в зад-перед,

и выражаясь языком Прекрасного Зинберга, “размахивать бедрами”.

Он что-то бормотал себе под нос, должно быть, изображал Л. Амстронга, который только начинал карьеру трубача, но голос имел тот же, что и всегда.

Во время очередного такого прохода, он встал рядом с Хулио, оттянулся за борт, держась за гикашкот, взмахнул початым алкоголем и выдал классический текст:

"Встаньте, герои Эллады! Долго служил вам корабль, послужите и вы кораблю... Новый наш путь освети, светлоокая дева Паллада".
Затем он отправился к форштевню, и провалился в форпик. 1.

-----
1. Еще раз о Ясоне - в той части морской истории, которая объединяет всех, кто когда-либо, куда-либо отправлялся под парусами и налегал на весла - это были не те рабские галеры, на которые ссылали умирать рабов и разбойников ибо, в качестве матросов и гребцов присутствовали кореша - что Одиссея, царя Итаки что Ясона, царя Иолка. (У некоторых астрологов бытует мнение, что Ясон и Одиссей - один и тот же человек, что до нашей честной компании - так у нас тут каждый в любой момент может подменить соседа, как в суде присяжных, с домашним расстрелом, четвертованием, чайком, вареньем, наливкой и т. д.*).

Ещё два слова, буквально: в упоминаемой уже нами книге У. Морриса, как пишет о ней могучий муж – Великий Мистификатор Борхес:

“Нарастающий восторг - главное средство лирики - невозможен в поэме, насчитывающий более 10 тыс. строк. Потребовалась убедительная видимость правды, способной разом заглушить все сомнения, добившись эффекта, составляющего, согласно Колдриджу, основу поэтической веры. Моррису удается пробудить эту веру....”

- Попробую показать как, - сказал тот слепой, в чье тело переселился Гомер, и стал показывать фокусы:

- Возьму пример из первой книги. Старый царь Иолка Эсон отдает сына на воспитание живущему в дебрях кентавру Хирону. Трудность здесь - в неправдоподобии кентавра. Моррис легко разрешает ее, пряча кентавра среди многих других животных.

Тем временем мы рисковали не меньше, чем воспетый Борхесом Моррис, ибо построили бурбулятор - прибор, в котором, как в кабинете доктора Халигари, был выращен марсианский гриб на земном кислороде, - так мы хотели дать кайфонуть Одиссею, вырвись он из Посейдонова плена.

Одиссей вынырнул со дна океана, принял на грудь, и сказал на прощанье:

- Кентавр Морриса более правдоподобен, чем наш прибор. Но почему? Кентавров не бывает, а бурбуляторов наводнили на землю столько, сколько только их может выработать «химпром», но дело благородное – употребление его составляющих освобождает планету от засора.

Но он не появится в розничной продаже, ибо далианскому пауку «Надежда» легче ожить в герметически закрытых помещениях, ибо тупеет государственное начальство.

А почему они такие устойчивые к радиации, и когда кто-нибудь из депутатов все ж таки ошарашит кого-нибудь чемоданом с ядерной кнопкой, это будет крысячья - паучья планета.

Нет, крысам до пауков далеко. А как осьминог пролазит в горло бутылки (про это у нас будет в самом конце*), он же такой большой, а дырка такая маленькая - как та желтая канарейка, как та счастливая мысль о спасении, что кружится вокруг моей усталой головы?! Нашей, нашей, разумеется, мы ж тут не одни. “Наедине со всеми” - как назвал свою пьесу советский драматург. На все вопросы не будет ответа.... Вот в чем вопрос! (Как “быть или не быть” - конечно быть, Бог ты мой! «Или не быть вовсе», -

сказал какой-то чеховский герой*).

Потом он схватил бурбулятор, нашу последнюю надежду на спасение, и помчался угощать Посейдона, сказав:

- Молитесь за нас. Молитесь за нас. Молитесь.*

Затем Бендер, пробыв в этой комнате смеха, где в какой-то точке на лесенке находился “балагановский алеф”, выбрался на палубу, прогулялся вокруг вышедшего с камбуза босоголового юнги - тот был в поварском колпаке, с акульим сердцем в одной руке, и огромным тесаком (точнее - это был мачете*) - в другой, уже ни на что не похожих бриджах.

Великий Комбинатор похлопал юнгу по плечу, и сказал:

- Сожрём его – нальёмся силой .
- Уж водка выпита, а закуси всё нет, - добавил капитан.
-

Балаганов смотрел на молочного брата (в прошлом - Николая Шмидта*), с выражением, не поддающийся описаниям. Воскресить бы Суморокова, Державина, Ломоносова, Баркова с их оборотами, по пышности своей, превосходящие все соответствующие словосочетания в языках этого мира - только тогда можно было бы ответить на естественный запрос читателя - а что, собственно?

Собственно, вот что - годится только уже употребляемая ранее часть знаменитейшей в свое время поэмы великого поэта - “Кулашному бойцу” - произведения, не идущих в разряд ни старой русской “чернокнижной” поэзии, ни порнографии, и ничем другим (все от лукавого, говорят, даже некоторые евангелие, и не всегда неканонические. В конце концов все они писались людьми*).

Короче: “Скулистое лицо холопа,
не стало рож, стало - жопа”.

Тут Балаганова вдобавок еще и вырвало - ему, как человеку, лично изрубившему “в говно” такое количество блатных авторитетов (лучших представителей этого запретного мира*), не могло созерцать свежееизрубленное мясо - что человечье, что рыбье, таким образом этот человек умудрился угнездить в своем углу духе столь неповторимый “университет”, что волнц-неволенц (как говорил Великий Комбинатор”), он когда-нибудь, да и должен был начать качать права.

Шура вытер о штаны мачете, возрился на своего любимого командора, и сказал:

- Слышь, командор! Мне по закону запахивать не положено.

Бендера ничуть не удивило, сколь резко молочный брат перешел с ним на “ты” – всего-навсего через двадцать лет после их, известного половине евразийского населения, встречи.

Кроме остальных признаков грядущего события, Великий Комбинатор счел это увертюрой к наезду.

Он сказал:

- Милый Шура, когда вы станете миллионером, вам даже блевать будет в кайф.

О, я знаю, каким вы будете миллионером. Если в пути, как русский артист Несчастливцев, не пожелаете после обеда удавиться.

- Интересно, каким я буду миллионером? - спросил юнга, кидая колпак на палубу, присаживаясь на корточки, и нахально выуживая из-за пазухи сигару - явно ворованную, и явно из капитанского рундука.

«Братва» собралась в кокпите шкотовых, и приготовилась слушать.

Сам герой, тот, кому посвящалась эта одиссеева песня, не взирая на переломы и ушибы, лягушачьим прыжком сиганул на крышу кают-

компании, свесил чресла, излёк ворованный шнапсовый “пузырек”, и начал «сугубить».

- Вы будете странным миллионером, - как ни в чем не бывало, продолжал технический директор. - Все у вас будет не так. Пища не будет лезть в рот, каких бы поваров не пригласили - что в колпаке, что без.

Крокодил ловиться не будет, не будет расти кокс. У вас всегда будет Понедельник, а после понедельника - Пятница. А после Пятницы - опять Понедельник. Ваш управляющий вас обворует, и вы вернетесь в Россию, где вас будут ждать ваши старые друзья - черные мстители.

Господи, если эта земля когда-нибудь и погибнет, то все равно - этой будет война богов - белого бедового с черным кучерявым.

- А что еще со мной будет? - со злобным озорством переспросил Балаганов, необыкновенным проворством курнул капитанской сигары, дунул чкаловского «косяка», глотнул с общественной бутылки.

-

- Что еще? В лучшем случае - тюрьма в СССР. В этом дерьмобыдлчатике, под названием “Транзитник”, умереть – проблема. Потому как награда за неудачу в этом хитром деле – петушатник.

В худшем - забвение. Смерть. И никто не будет рыдать на могиле.

Балаганов вспомнил, что молочный брат уже говорил что-то Паниковскому, прямо перед тем, как они сообщая, в составе «старого экипажа», уложили его в вечное жилище, и едва сдержал слезы.

- Ну, ну...- продолжил юнга-кок. - А ты как же?

Командор оглянулся на озверевшего молочного брата, и почувствовал, что им завладевает злобный демон. Он решил сыграть с ним, и дернуть его за бороду - Ибрагимычем овладевала тоска 1*.

1.

Демон был похож на составителей всей этой литературы для идиотов - вместе взятых, а пуще - на “Злобного Козла” из Тарантиновского “Чтива” по имени Пит, которого играет Самуэль Джексон - тот, что сидит в трусах в типичном американском бистро, и читает главу двадцать пятую книги пророка Иезекиля, стих семнадцатый: “Путь праведника усеян деяниями злодеев и тиранов, и он тяжко согрешил, совершая над ними мщение”, и т.д. В первой картине этой вполне далианской картины он назвал гамбургер краеугольным камнем питательного завтрака. Между прочем, продюсер этого киношедевра носит фамилию Бендер, только зовут его Лоуренс. (Мы напоминаем об этом неслучайном, и устойчивом символе)*.

“В конце концов, - мелькнула раздраженном мозгу нехорошая мысль, - мне уже полтинник, и весь этот меценатский цирк - не для меня”.

- Я? - спросил Бендер. - Вы спрашиваете, что буду я вами дальше нянчиться, или нет? Нет. Вас слишком много, господин мультимиллионер Александр Степанович Балаганов, он же Рыжий, он же Лысый. он же кучерявый, он же чупчик - “а ты не вейся по ветру”. Мне слишком памятен прецедент тридцатых, и у нас в этом году юбилей - в году пятидесятом исполнилось двадцать лет, как вы с рекордной скоростью растратили пятьдесят тысяч целковых.

- Фальшивых косых, командор, - произнес ветеран движения со злобой.

- Эту тайну с собой унес Александр ибн Иванович Корейко, и

разгадывать ее мне нет более нужды. Я уйду от дел, дорогой и свита мне больше не нужна. Я удалюсь от ратных походов, и от земной славы - меня никто не найдет. (“Потому что похужал и возмудел”, - шепнул ему демон “раздражения” - красная рожа, красные рога, красный помет - и в демоническом, и собачьем смысле*).

- А как же я?

- А я уже все сказал. Примерный план ясен, и я не могу влиять на вашу судьбу, я не ангел, у меня нет крыльев, как не было их и двадцать лет назад. 1*.

-----
1. Здесь он ошибся*.

- Значит, не ангел? - с каким-то страшным, затаенным чувством переспросил Балаганов.

- Да, - повторил Бендер. - Кому бублик, кому дырку от бублика, кому от жилетки рукава, а кому, сами понимаете, демократическую республику. Вам республика ни к чему, даже если когда-нибудь ваша любимая родина, ваш край плачущих берез...

- Наш край, командор.

- Нет, ваш, ваш, дружище. Я свободен, и потому лишен этого прекрасного ностальгического чувства, у меня другие мысли, не лапайте их - у вас по-прежнему грязные руки, они, к тому же, по локоть в крови - это меня смущает и нервирует. Я тащу вас на себе всю жизнь, как сказал бы наш мудрый капитан (тут он поддал масла в огонь*) - ”балласт”. Все, алес, как говорили немцы. Мне надоело. Получите свою долю - и отваливайте - в СССР, это государство вели себя со своими гражданами, как в оккупированном государстве.

Балаганов опять ни черта не понял, но открыл рот для того, что бы

задать, по-видимому, следующий провоцирующий “на драку” вопрос.1*

-----
1. “На драку” - сигнал охотничьего рога, когда ГОН приближается к рубежу “острова” - сигнал “стременным” и “доезжачим”.

Бендер упредил жестом и словом:

- Тсс! Раки идут на тухлую плоть, - сказал он, а потом подумал: чёрт наслал мне этого зверька: првяжусь, начнётся аллергия, задохнусь, или придётся пристрелить. - Можете сначала получить все ответы сразу, а потом уже задавать свои дурацкие вопросы.

Что вы на меня смотрите, как дуст на вошь? Откуда такое свечение, вы ж не были в Нагасаки? “Свеченье рук, свеченье ног, мозгов свеченье?” Осторожней с этим, мой друг, могут перепутать со святым и не дай бог канонизируют - тут начнется внеплановый апокалипсис. Так что, дорогой братец, читайте Деогена.

- Чего?!

- Деогена, был такой известный философ. Его как-то доставал какой-то дурила - наверное, это были в прошлой жизни - вы, тоже кучерявый, и Деоген сказал: “Твои волосы правильно поступили, что сбежали с такой глупой башки”.

От себя добавлю - они к вам никогда не вернуться. Как бы вы тут не раскорячились со своими переломами и автопортретами.

Ясно? Теперь драйте палубу и готовьте пищу. У всех обязанности распределены.

- А гуталинщик этот ваш? Дичь персидская?

- Это вы о Будде во плоти?

- Плати - не плати - мочи нетути!!” - проорал Балаганов так, что было слышно в Африке, и тамошние шаманы сразу достигли

всеобщего транса, и северные племена перестали поедать южные 1*.

-----
1. Спустя почти полвека Бьёрг в ее клипе “Алл Фулл из лав” 1999-го года повторила подобный эффект.

- Наркорман этот черножопый, планокеша долбаная, - она почему ни хрена не вкальвает?! Козел он! Этот Вениту ваш! Нерусским жить вредно! Дырку в жопе откроет, глаза закроет - кожи не хватает! - заорал бортмеханик, поджигая мосты и паля тормоза - он не знал, что такое “апокалипсис”, а тем более “внеплановый”, он ничего не слышал о Деогене, но немедленно среагировал на интонацию - примерно как и двадцать лет назад, когда сам выбросил буйного Паниковского из анналов “Антилопы - раз”. Он вспомнил родной сельский пейзаж, и озлобился еще больше - новый приступ ностальгии накрыл его пуще прежнего.

Тут еще Бендер развернулся к нему спиной, как бы приглашая напасть сзади, и это обстоятельство вылилось за дозволенный предел, - со стандартным, не меркнувшим с годами по своей неповторимости репликой: “А ты кто такой!”, он взмахнул тесаком и бросился на Великого Комбинатора.

Стоящий рядом с ним капитан Никита Оттович Шмидт-Паниковский, “не меняя позы”, (приняв эстафету подобной техники, которая двадцать лет назад была присуща Бендеру - по отношению к отчиму его, Паниковскому*) шархнул Балаганову в челюсть - передней левой, понимая, что удар правой ликвидирует одну командную единицу (больше никаких чувств он к Шуре не испытывал, и никто не тешил себя никакими иллюзиями - чувства либо есть, либо их нет*).

Бортмеханик, он же юнга, он же кок, молочный брат, и проч., проч., проч., - пролетел через всю палубу, и напоролся бы на собственный кухонный тесак, либо разбил бы головой основной компас, которому

цены не было, если бы капитан не ухватил его за полу бриджей.

После этого Никита Оттович набрал на верёвке ведро соленой, парной воды, вылил ее на Балаганова, забрал тесак, и сказал:

- Еще раз какие-либо понты, и я выброшу тебя за борт, дружище. Без выходного пособия.

Потом он обернулся к командору, и добавил:

- Это, правда, как правда то, что тунец лучше всего ловится на мысе Кивест.

После этого он спустился в кают-компанию, прошел к себе в кабинет, сглотнул стакан какого-то теплого алкоголя, вскрыл “Одиссею”, и увидел бессмертные строки - ему показалось, что по странице пробежала кровавая слеза (это была песнь девятая).

Невидимая рука Гомера быстрее ломала преграду, разделяющую времена, чем позже рухнула берлинская стена.

-”Все происходит по воле звезд, а значит - по воле Творца”, - сказал себе капитан, и стал переписывать Гомера в судовой журнал - ему вдруг стало ясно, что его путешествие не требует никаких новых комментариев:

“395

Дико завыл людоед - застонала от воя пещера.”

Потом капитан слегка отвлекся, и внезапный порыв ветра перевернул через открытый иллюминатор страницу:

Никита Оттович было рванулся, что бы привести лодку по ветру, но все же заглянул в ту книгу, что стала для него священной.

Это опять была девятая песнь:

“503

*Если, циклоп, у тебя из людей земнородных
кто спросит,
Как истреблен твой единственный глаз, ты на это
ответствуй:
Царь Одиссей, городов сокрушитель, * героя Лаэрта*

505

*Сын, знаменитый властитель Итаки, мне выколол
глаз мой”.*

*Так я сказал. Заревел он от злости и громко
воскликнул:
“Горе! Пророчество древнее ныне сбылось
надо мною...”I**

Капитан вспомнил, что оставил на крыше каюткомпании свою любимую пиратскую повязку - ему ее скроила в Сан-Паулу белошвейка, на которой он едва не женился - до того она была хороша.

Он помолился Богу и Звезде, захлопнул книгу, и пошел через каюткомпанию на палубу, совершенно забыв о том, что там был за бунт.

В тот момент, когда он поднимался на палубу, позади кормы “Крейсер Шмидт” что-то взорвалось - его сбросило обратно на пол каюты, и залило потоками воды.

“Господи, неужели мина?!” - проорал он на всю округу, вылетел вверх, взглянул на корму, и увидел опускающийся в океанское лоно столб воды - примерно в четверти кабельтовых позади (курса не было - они дрейфовали, и их неумолимо сносил Гольфстрим*).

Он оглянулся - все, кто пребывал в общем кокпите, - и Дордини, и

Бендер, и “наглухо” вырубленный Балаганов, от которого из “окопа” кокпита торчали только рыжевласые ноги, вцепились кто во что, и с надеждой взирали на капитана.

- Должно быть, разгневались боги - развел руками Великий Комбинатор, снял свой не раз воспетый колониальный картуз, и выжал его на палубу. - Должно быть, циклоп Полифен взмолился, - он кивнул на юнгу, который потихоньку стал приходить в себя. - Как там у старика Гомера, я видел том “Одиссеи” у вас на столе - “среди шумного бала, случайно”.

“Царь Псейдон землевержец, могучий,
лазурнокудрявый,
Если я сын твой и ты мне отец, то не дай,
чтоб достигнул
В землю свою Одиссей...”.

Кстати, как там мистер Чкалов? Здоров ли? Когда нас качнуло, нос был в воде, по самый... простите... Эти самые перила, возле которой он подвесил свой гамак - была полностью в воде, я видел.

- Релинг.

- Точно. Носовой.

Капитан рванул на нос - проверить, не смыло ли индейца - он отчетливо понял, что при таком качке лодка действительно могла “встать на нос”.

Чкалов пребывал “в себе”, и отжимал самокрутку. (Это была самокрутка из какой-то знакомой кабацкой салфетки - но не “Трокадеро”).

- Что это было? - спросил капитан, проверив натяжку ахтерштага.

- Это был подарок для нас, - сказал вождь.

- От кого?

- Вон, от него, - сказал вождь, и махнул косяком куда-то в небо - на нем было единственное облачко, имевшее, однако, дьявольский облик. Оно имело вид крутого мужика на большом мотоцикле, и в классическом немецком шлеме, который не изменил свою форму со времен ледового побоища.

Капитан протер глазницу, и вспомнил, что где-то должна валяться его повязка, а когда вновь взглянул на индейца, то увидел у себя перед носом дымящийся косяк, Хулио вновь смотрел не него с тем неопикуемым выражением, которое внушало, мягко говоря, уважение.

Никтита Оттович затянулся, и на миг ему показалось, что он полетел - он как будто ухватился за релинг только для того, чтобы не взлететь.

- Твою пиратскую повязку забрал Дьявол, - сказал Чкалов, медленно вылезая из гамака.

Капитан посмотрел на манжет, - он был на месте, а муравьиные задницы давно высохли на солнце.

- Это - не талисман, - сказал индеец. - Это - оружие. Талисман - то, что ты носишь на шее.

Капитана ударило в пот - он прощупал медвежий коготь и мамонтовую кость у себя на груди - это, слава морским богам, было на месте.

Он пролетел к кокпиту за повязкой - ее не было. Он бросился ее искать, но вновь явился Будда - "ты ее не найдешь", - сказал он.

Он ринулся к Гомеру, тот ответил:

***«Тут он огромный первый камень схватил
и с размаху
В море его с непомерною силой швырнул;
загудевши,
Он позади корабля темноносого с шумом великим***

*Грянулся в воду так близко к нему, что едва
не расплюснул
Нашей кормы; всколыхалось море от падшей
громады;
Судно ж волною помчало...”*

Подошёл командор пробега, и положил ему руку на плечо.

- Кстати, если брать реальные, а не “литературные” открытия, то наше измерение, на фоне самого соседнего, чисто гоблинского, где обитают в основном гении пополам с детьми “дауна”, и стоят в очередь за нашей пайкой, абсолютно материально.

- Благодарю, господин командор.
- У нас. Бренных. Возможностей меньше.
- Слабее мы. Единственное, что мы можем, - не бояться.
- То есть постоянно внушать себе мысль, что хуже тюряги всё равно быть ничего не может, и единственное, что держит, - какая-то глупая надежда, да привычка жить, а здохнем, - всё равно.
- Согласен.

Капитан переписал текст, и закрыл глаза - он сразу уснул, и увидел золотую половину Луны - она летала по небу, как припудренная сахаром лимонная доля.

На Луне сидели они все, маленькие, беспомощные, свесив ноги в бездонный океан Вселенной, и откуда-то снизу на них надвигалась беда.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ.

ДАЛИ. ОДИССЕЯ

---

1. Тут один из нас вскочил из-за своей части круглого стола (прикинулся, что хочет в сортир, а почему-то поперся на третью палубу Ковчега - у него там, мы знаем, заначка - а сортиров и на втором этаже - два, есть даже бидЁ*).

“ Чего ты, - спрашиваем его, вскочил? Или тебе в лом стали наши занятия в итальянском? Может, будешь читать, (ПИСК), на древнегреческом.

3. Нет! - воскликнул ушедший (почтим его память*). - Просто слишком много совпадений (у него не было правого глаза*) - нет ли тут какого намека?

- Ты о чем, любезный? (Ему сразу налили шнапсу - оставался у кого-то в стакане, еще со второй мировой, трофейный - как бы не выдохся, - и приготовили систему*).

- Я о “сокрушителе городов”.

Завели ему веселый клип.

- Который? - деловито осведомляется кто-то из нас - самый резкий, как понос - у него 4-й дан).

- Про Элвиса.

- Про “Красного Элвиса”?

- Нет, про то, про то, как группа психов (вроде нас), готовит себе завтрак на кухне - один, в образе Элвиса - вот этот идиот, который под Элвиса конкретно косит, вертит задом у холодильника (скажите ему, что б перестал - у нас там продукты*), вот один со сковородкой гоняется за мухой (скажите ему, кстати, чтоб прекратил - смотрите, он чуть не расхерачил

наш бортовой компьютер, как только он его спросил: “Желаете сохранить изменения в (ПИСК) твою мать, мать, мать?!?”

- А! “Пропеллер хеадс”?

- Точно!

(Завели ему, что б успокоился).

Теперь - вот тебе Гомер, и читай то, что не умел записать твой любимый герой:

После слов: “Сбылись пророчества отважных, и т.д., читаем:

*«Некогда был здесь один предсказатель великий
и мудрый,
Телам, Евримиев сын, знаменитый на людях
всевидец;*

510

*Жил и состарился он, прорицая, в земле
у циклопов
Ведая все, что должно совершиться в грядущем,
предрек он
Мне, что рука Одиссеева зренья мое уничтожит...”*

Помолчали. Тот, что возмущался, больше всех, спросил:

- Ну и что?

- Как что?! Бей жидов, спасай Россию! - заорал кто-то - смотрим, опять демон - башку ему, но пока не выкидывайте - в зависимости от принятия решений в сенате по геололитике и национальному вопросу (небо взошло из-за звезд, как надоел ты, вонючий, национальный вопрос*). Если понадобится - посадим его башку на кол, если победят антисемиты - поставим его в огороде - пусть отпугивает сионистов!

- Да какая на хер разница?!

- Так Одиссей - кто?!

4. Одиссей - герой, жопа. Разве Афина не превратила его в старика, чтоб он забрался в дом поцокать женихов? Этой своей Пенелопы? (Единственное обстоятельство, которое смущает наше ученое собрание - какого хрена туда слетелись женихи - она ж замужем, к тому же за царем, а смерть царя ещё никто не видел, вон он, развлекает Посейдона, ранее – мы все спускались к Аиду*). Он - превращенец. Но не сам по себе, а по воле Богов, поскольку он их любимец.

- А как же... вот, - наш взбесившийся собрат ищет страницу “Одиссеи”, ее девфиой песни, там, где циклоп ругается на того, кто его кинул на 12 баранов - по странному стечению обстоятельств это число совпадает там, где на эту тему не хочется думать - понятно, что все мы, в конце концов станем пищей для червей, как это предписано у Ретлинга (Шекспира*).

Вот! Вот оно, новое гуманитарное открытие (на самом деле никакого открытия нет, терпение, читатель*)

*“Я же все думал, что явится муж благовидный,
высокий
Ростом, божественной силою мышц обладающий
смертный...”*

515

*Что же? Меня малорослый урод, человечешко
хилый
Зренья лишил, наперед вероломно вином опьянивши.”*

Так это ж по сравнению с циклопом. Жопа! (Уволить что ль его, этого рыцаря, что треплет нам нервы понапрасну. Может, это - демон?

Срубили башку - точно, демон «сомнения».

**“Пел немузыкально, скандалил. Ну и значит правильно, что...”
(Владимир Семёныч.*), после чего открыли новую страницу, и, в соответствии с инструкцией вечного старца:**

“556

*Жертву принесши, мы целый там день до вечернего
мрака
Ели прекрасное мясо и сладким вином утешались.
Тою порою померкнуло солнце, и тьма наступила;
Все мы заснули под говором волн, ударяющих
в берег.*

560

*Вышла из мрака младая с перстами пурпурными
Эос;
Спутников верных созвав, я велел, чтоб они
на проворных
Все кораблях собралися и все отвязали канаты*

*Спутники все собралися и, севши на лавках у весел,
Разом могучими веслами вспенили темные воды.*

565

*Далее поплыли мы в сокрушенье великом о милых
Мертвых, но радуясь в сердце, что сами спаслися
от смерти 1*.*

-----

1. “Милые мертвые” - все те, кто спалил себя, потому что ни черта не боялись, то есть не имели самого большого в жизни греха.

Глава тридцатая "ЛЕТУЧИЙ ГОЛЛАНДЕЦ"

СМЕНА ПЛАНА ДАЛИ ОДИССЕЯ.

Одиссей (*) в очередной раз запил под водой тогда, когда соотнёс в своей несваривающей башке (или, лучше будет сказать, в неварящимся чердаке*) два образа – тот, который он имел, и тот, что видел на картинке в Нью-Йоркской подземки, когда он заморочил китайского целителя, и тот признал в нём Будду;

(*) не смог понять с картинки, что эти красивейшие в мире глаза – принадлежат мужчине, как бы он себе пол не срезал.

- А голос! Что у него был за голос! Эх, Вася, почему ты не со мной! У нас в Итаке тоже были хипаны!!!

Или вот еще, чем дальше в лес, чем толще партизаны, твою мать, как говаривал Ковпак, прежде чем подумать, да и перекреститься – на собственном говне, им перебожиться, им же согрешить:

- Что же это я, не мужик, если на меня может среагировать – другой мужик?! (это он о Посейдоне*).

Или вот:

- Роман с виртуальным транссексуалом, или роман с тренсексуальным виртуалом?! – вот в чём вопрос! – заорал Одиссей (*), любуясь на собачий череп нашего Журая – вожака

ГОНчей стаи, сгоревшего в пожаре, устроенном, наверное, Муррзом, ибо Журайчик со свою нехилую жизнь вожака сожрал столько кошек, сколько было звезд во Млечном пути, в том месте нашего Созвездия, где отмастурбировали ангелы.

- Какой же ты в таком случае хитрожопый, ежели киснешь, как рассол!? Вспомни неволю, возьми на мысль плачевну Трою, и убедись, что рано крыша едет – не время, товарищ, просто зажрались уже настолько, что разучились думать, и перестали верить! – вскричали мы, когда видели, в какой этот самый хитрый в мире муж находится жопе, и немедленно измерили её глубину – то была тьма глубин. (А уяснив сие, забили византийский чопик*).

Настало время, и Боги наградили нас подвигами, стыдно сказать какими, ибо подвиги это были сексуальные, а эти красивейшие бабы – бывшие мужики, и чего ж нам теперь с ними делать, ежели это в конце концов женщины, только без матки, а стало быть, её же бешенства.

Вот, думали мы, каждый о своём, (о женском*), ежели бы Ева, мать матерей, мать её так, была с самого начала транссексуалом, а не в последствии, не было б и греха, не было б проблем, и жили бы в Раю, жрали яблоки – безо всякого на то греха, потому что не было бы нас — греха бы не случилось.

Мы отринули от себя кошмарные мысли, ибо вовремя сообразили: мысли о вселенском переделе грозили соответствующим грехом – вечно болтаться и никуда не пристать.

- 5. А хотелось? – спросил впоследствии Патрекей, грея у походного костра свои натруженные пятки.**
- 6. Нет.**

Следующей ночью Балаганову, в его парусной кунсткамере, куда все

остальные не желали забираться именно потому, что там сразу клонило в сон, а потом начинали мучить затейливые по витиеватости своей кошмары, приснился сон, косвенно продолжающий один из предыдущих.

Снилось ему, что он - голая женщина, и вокруг множество комнат, и он входит в каждую из них, а там сидит по голому мужику, от вида которых ему, как женщине, становилось тошно.

Потом он начал смеяться так задорно, что ему от самого себя стало хорошо (от собственного присутствия в этом переменчивом мире*) - он вдруг познал природу этого женского возбуждения - у него, где-то зашевелился какой-то новый орган, - он подпрыгнул, аки солистка квартета маленьких лебедей, в которую угодил зенитный снаряд - в натуре же, в своем складе, он изогнулся, и на этом кончил.

Переместившись в свою сонную лебединую песню, он сделал подряд два сальто - прогнувшись - потом прямо у него на грудях появился баян, потом выросли рога, потом он посмотрел на себя в зеркало и увидел козлиную морду - с девичьими сиськами.

Он, козлиным своим глазом (он даже во сне вспомнил того, лагерного пса, который как-то в войну столбом убился - прямо промеж рогов*), пустил слезу, ибо если и ожидал каких метаморфоз, то райских и блаженных.

“А может, это в зеркале - не я, а тот, покойный, лагерный "Козел"? - подумалось Балаганову, рогатому, бородатому.

“А! Лучше удавиться”, - решил Шурик, и выдернул из порток, с того места, где должен был пребывать кожаный ремень, синий, с изображениями американского драматурга Юджина О, Нила, галстук, вешается на нем, одновременно играя на гармонии с такой виртуозностью, что мурашки бегают по козлиному загривку, (а может быть, и блохи*).

И страха никакого нет - от одной лишь уверенности, что он не давится, а тот, другой козел, что в зеркале - в той стране чудес, которая к нему, Александру Степановичу Балаганову никакого отношения не имеет, потому что он - натуральный Балаганов, вовсе не козел, а вор в законе, уважаемый человек, юнга на корабле, в команде с тремя, ему казалось, козлами натуральными, и одним любимым братом - командором.

Вот он наяривает какую-то дикую песню, и сам себе подблеивает, раскручивается на своем синем галстуке, и ничего нет - ни боли, ни смерти, ни прошлого - одно только светлое будущее, потому что всегда есть, от чего взять, да и очухаться, а там впереди - сундуки с золотом и сто пятьдесят Катерин Матвеевен - и все, как одна, опрятные, работающие, немые.

- Стоп! - орет он самому себе - в отражение, получается, что блеет. - Если это не я давлюсь, значит это уже не я! Я - вот он, стою с козлиной мордой, смотрюсь (любуюсь, значит*) на себя в зеркало, как в чистой воде, сейчас просто умоюсь, и разгоню от себя все эти рога с копытами.

Но вот он стучит в стекло - расходятся круги, как на той самой чистой воде, но морда козлиная остается, и дышать все тяжелее.

- Нет, это еще не конец, это какая-то новая фишка! - соображает он своей козлиной головой, но в это время в мозг прокрадывается новая коварная по небывалости своей догадка, - а не коза ли я?

- Ну, уж нет, я слава богу, я - самец, самцом и подохну! - мыслил спастись Балаганов, лизнув себя по яйцам (вот это я настоящий мужик – подумалось ему), однако, не веря своим козлиным глазам, он вдруг понял, что это у него - вымя, когда он вдруг почувствовал на себе самое пошлое ощущение изо всех поганных чудес - мыслимых и нет - он понял, что его одновременно и доят, и дерут - всю жизнь, все, кому не лень.

Он вдруг вспомнил всё свое бедовое бытие - и детство, и отрочество, и юность, и тюрьмы с лагерями, и страшные морды урок, и их дурацкий воровской закон, по которому он, Шура Балаганов, бывший Рыжий, а ныне Лысый, подлежал очурбаниванию и консервации в самогонной четверти - сиплым сифилитиком через горло, а стало быть - по частям.

- Не-е-е-ет!!! - заорал он, что есть мочи.

Он открыл глаза. Слава Богу, перед ним пребывали бимсы, полубимсы шведской лиственницы, и тиковые доски палубы, в общем - потолок. Тот, с козлиной мордой - был не он, но в его сне. Или это был он, но в чужом сне - таким образом Балаганов, русский вор "в законе" пришел к общему заключению всех доисторических философов вместе взятых - "мы чей-то сон", - говорят Учителя.

Он посмотрел вправо от себя - там летала чья-то голова. Она лепетала что-то по-итальянски (на четвертый день он уже выучил "Аванти"! - так всегда орал этот халявный поп, прежде чем отсосать из своего штуцера).

Голова, говорила с трудом, и только присмотревшись, Балаганов увидел, что голова летает с каким-то обрубком во рту.

- Колбаса, - подумал Балаганов, понимая тупую бесконечность этого кошмара, и прощупал у себя член - он был на месте.

Однако голова желала что-то показать, и тыкалась обрубком этой самой колбасы куда-то вниз, в кучу парусов, как в грязное белье.

- Прачечная, прачечная, - только и сказал юнга, ткнул пальцем в летающую голову, после чего та взорвалась, как мыльный пузырь - что самое обидное, вместе с колбасой.

Балаганов порылся в парусах, и нащупал какую-то резину, потом он разгреб тряпье по сторонам, и увидел человека - всего резинового, а на

груди у него было кривыми буквами выписано знакомое до боли слово:

«ИКС», «ИГРЕК», и до боли русское «Й».

Балаганов заплакал. Он стал тискать и обнимать резинового человека, до того он показался ему родным и знакомым, пока из какой-то дырки не посыпался серый порошок.

Шура лизнул его и прозрел.

- Ханка!!! - заорал он во всю глотку, да так, что его едва не вырвало на все крейсерские переборки, двинул локтем по потолку, какая-то кость вновь хрустнула, как «прошлая солома».

По сравнению с той процедурой, которой Балаганов подвергся в давишнем детском кошмаре, летающая башка, жующая колбасу - похожую на домашнюю немецкую сардельку, казалось бьющейся в клетке ласточкой.

Балаганов, морщась от боли, выбрался через форлюк на палубу - вновь возникшая из небытия голова с колбасой, которая только что указала юнге на источник наслаждения, помахивая ушами, взвилась в самую что ни на есть небесную высь.

- Куда-то она тыкала этой колбасой, как будто что-то хотела показать, - думал юнга, с трудом выбираясь на палубу.

Был полный штиль - пространство застыло, как будто готовилось к какому-то прыжку, или к неизбежной катастрофе - в это предрассветное время подобное состояние Земли было особенно ощутимо.

В своем гамаке дымил Хулио, и неподвижными глазами готовился встречать восход светила, которое его предки - людоеды-любители, называли Ра.

- Слышь, Вениту, - сказал переломанный весь Балаганов, присаживаясь рядом с гамаком на корячки (он долго пристраивался, и в результате повалился на спину, но потом умудрился-таки принять какое-то положение.*) - Там, внизу, столько черни, а ты тут солому травишь. Махра, она махра и есть.

- То, что тебе показала эта летающая голова - подарок Дьявола, - сказал Хулио на языке, мало кому ведомом. - Он всегда носит за ухом этот красный цветок.

Балаганов сплюнул, поковылял было в сторону кают-компания, но потом вернулся, и стал качать индейца в гамаке, как младенца в люльке.

- Слышь, Маугли. Рот на замке. Усек?

Хулио улыбнулся, и кивнул.

Шура посидел на палубе, поплакал, сгонял в кают-компанию, взял бумагу, карандаш, и нарисовал своей ежевечерний волосатый портрет.

Он потрогал себе лысину, и в таком положении застыл - погрубевшие от матросских работ пальцы явственно ощутили щетину типа сортирного щитка, на зоне называемого “зубная щетка”. (У буддийских монахов - “хоссу” (им обычно бьют они по пяткам своим тупым ученикам*).

Он чесал свою покрывшуюся рыжими пятнами лысину до полного рассвета, и чувствовал, что понял в своей жизни нечто такое, чего раньше не знал - он вдруг сообразил, что все эти дурацкие годы прошли зря - он спал, и только и делал, что видел сны - но один из них, самый лучший, сбывался на глазах - он ненавидел всех, кроме командора, он ревновал его ко всему миру, он чувствовал острую необходимость сделать что-то такое, что быстро бы вернуло ему тот самый воровской авторитет, который он, уже будучи в Рио, малость подрастерял, особенно после того, как получил физдюлей от

Одноглазого Блондинчика.

Он ненавидел и немого попугая, что так же обстановки не разряжало.

Попугай улучил момент, сложил крылья, и спикировал к юнге, дабы ударить юнгу своим железным клювом прямо в темя, однако, не преодолев до цели расстояние примерно в метр, он случайно взглянул в сторону Антарктиды, и чуть не упал Балаганову в объятья: то, что он увидел, поразило его птичье воображение.

Примерно с версту по правому борту, с той стороны, откуда всходило красное Солнце, прямо на него летел огромный парусник - под гул накатывающейся волны, которую нельзя было назвать иначе, как музыкой сфер.

Корабль, скользящий над зеленой океанской гладью, едва касаясь ее своим гигантским килем, был огромен. Он умножался в размерах, отвоеывая пространство, и подавлял величием - черные паруса были надуты утренним бризом, которого сейчас просто не было.

Балаганов, увидев корабль, стал сомневаться, жив ли он, и с ним ли все это происходит - козлы смешанного рода, которых, как ему казалось, он видел во сне, пребывали в большем правдоподобии, чем эта громада черных парусов, беззвучно несущаяся навстречу им — со стороны зори.

Его сковал страх - такой, который он не испытывал ни когда в жизни - его скрутило изнутри, как будто он заглотнул змею, и сразу стал ею беременен - она ползала в брюхе, как чертов плод, - он вновь ощутил себя женщиной, и успел самому себе напомнить (и сообразить), как хреново ею быть 1*.

-----
1. Тот из рыцарей круглого, стола. что отдавал предпочтение всем остальным видам охоты - подводной (то есть ГОНялся он за рыбой -

под водой, но, бывало, постреливал из своего изобретения и морских животных) встал, и сказал:

- Я больше остальных знаю, что испытывает женщина, когда беременна бешеным плодом.

- Что?! - возопили любознательные рыцари, и приготовились записать - каждый свою историю.

- Это было в западном Казахстане, когда он был еще русским, - начал свой рассказ тот, кто взял нынче слова, и не отдал его. - Вдоль Эмбы (это река, по которой когда-то проходил великий шелковый путь) - прямо напротив нефтяного месторождения, называемое Жанажол (если бы у наших освоенцев хватило ума, мы бы разбурили все его этажи одними и теми же скважинами - месторождение "многоэтажное", - в этом его уникальность*), тянулась система глубоких грабенных озер, в которых ловятся сазаны - я загорпунил одного, потом взвесил - в нем было 56 кило. Прямо, как в нашем коте Муррзе.

- Врешь, - отозвались мы хором, а больше всех - Муррз.

(Тут он показал на стене слайдовый снимок, где он стоял с разбитой рожей, и держал еще с троими такими же "разбитыми" молодцами - мы узнали их, - они были среди нас, только не хотели об этом вспоминать. (Это была их самая большая в жизни оплошность, как оказалось*).

- А рожу-то у всех что такие разбитые, - спросил почтенный Патрекей.

Рыбак хитро оглянул присутствующих, и сказал:

- Мне лично эта рыбка разбила рожу хвостом, маска разлетелась на стекло .

- А остальные рыцари? Уж не перебздели ли они?

- Нет, - отвечивал подводный охотник. - Остальные рыцари захотели газировки, и стали заправлять газом обыкновенный баллоном (такие стоят в "Трокадеро" - в каждом буквально номере, - нажимаешь рычажок, и булькай потом, сколь душе угодно*)

- И что же? Заправились?
- Да. Такими компрессорами заправляют обычно американские, однобалонные акваланги “Дрегер”, предназначенные для работы в открытых нефтяных фонтанах - там даже есть специальный клапан, чтоб некоторые дураки (он окинул взглядом присутствующих - грозен был*), не лезли с ними в воду, но мы...
- Мы?!
- Да, мы, - смущенно признался докладчик, - изобрели приспособление, позволяющее ликвидировать эту узкоспециальную направленность нашей деятельности.
- А что за деятельность?
- Да все, что угодно.
- Ясно. А как же с беременностью?
- Секунду. Те рыцари, что захотели газировки, оказались травмированными - головы у них раздулись больше обычного, даже с похмелья, и обыкновенная маска на челе не уместалась, как та прическа у вашей музы.
- Не трогай музу, гад, продолжай.
- Ага. Не трону.
- В чем дело? Раскол? Фракция? Да вы тут, что ли, с ума все посходили? Я ж тут председатель?
- Бунт на корабле.
- Бунт был в прошлой главе. Она так и называлась “Бунт на корабле”.
- А что с рожей-то твоей, подводный ты охотник?
- Разбита.
- А как с беременностью?
- Нету ее у меня.
- А что ж ты так орешь? Садись, два.
- Я ее ощутил, но беременным не был. (С него вдруг слетела всякая спесь и смесь - углерода с кислородом*).
- Ну...?
- У гермокостюма есть резиновый пояс - когда закатывают костюм, пояс надевают сверху - что, значит, не раскататься, и не промокнуть. Я, например, всегда одевал под костюм резиновый

(он еще в морском спецназе называется “гондон”) - обыкновенный ватный - рекомендую.

- Мы оденем на тебя твой ватный костюм, когда захочешь, только не тяни ты из нас жилы, гад.

- Однажды я подстрелил карасика - вот такого (он показал - таких карасиков, как и хренов у бразильских министров юстиции, что у наших, что у вашей генеральной прокуратуры вместе с собачьим питомником “Красная звезда”, подарившего миру такие породы, как “черный терьер” и “московская сторожевая”, ни на что не годных, проблеснувших в самом начале нашего повествования, не бывает*).

Я засунул его себе под резиновый пояс, он начал биться, как бешеный плод. Вот, собственно, и все.

Собрали консилиум, это было как раз во время юбилейного саймета НАТО, где Б. Клинтон и Т. Блейер сидели, как после обряда по зомбированию колдунов Вуду, - и перестали вникать тому подводному охотнику, чтоб он не отвлекал нас всякими байками - то у него “собаки лают, то руины говорят” (спел нам Владимир Семенович*). Сазан 56 кило! Тут один недавно приходил - показывал шкуру от бобра, и тоже, сказал, что тот был старше Надежды Константиновны Крупской, и тоже весил 56 кило. Что за мания - все время говорить эти две ни о чем не говорящие цифры! У нас тут обитает кот Муррз, так в нем вот - точно 56 кило, вон он идет, крыша прогибается - похоже, он сожрал какую-нибудь гончую из балагановской стаи, и, похоже, это все-таки была Физда - ибо все мы слышим, как он проваливается сначала с четвертого этажа на третий, потом с третьего - на второй, к нам, и потом глубже - на первый этаж, пробивает крышу нашего темно-вишневого “Хорьха”, и летит в преисподнюю - там его и место, но вся печаль в том, что Конфуций опять пришлет его, ибо в его философии нет ничего, кроме этого кота. Который как-то зыркнул жёлтым глазом, как дальней фарой, и свалил в пампасы. Навсегда.

Корабль разрастался в объеме - под бушпритом шевелила своими бесчисленными косами-змеями Горгона (та самая, которой нельзя было смотреть в глаза, так что знай Балаганов мифологию, понял бы, что если он до сих пор не окаменел, то мир вокруг него - чистая фикция*);

открылись пушечные порты, высунули свои темные стволы орудия - послышалась пиратская «феня», на фоне которой все лагерные хороводы вспомнились, как колыбельная по радио.

“Аминь”, - только и смог прошептать Шура Балаганов, - дальше он молиться уже не мог - челюсти свело от страха.

Расстояние до громадного корабля быстро сокращалось - вот он уже полностью убрал под собой Солнце, и горизонт стал застлан этой чернотой, имеющий четкий рельеф того страха, равным которому обыкновенное желание отправиться на ТОТ свет казалось, по старому выражению Великого Комбинатора “детской игрой в крысу” - это не был страх смерти, это был страх небытия.

Из кают-компания на палубу вышел капитан - он увидел зрелище, и залюбовался им, не на секунду не воспринимая летящий на них огромный парусник, как какую-то угрозу экспедиции.

Картина его, напротив, восхитила: после всех своих отроческих мечтаний, когда они с Киеве с пацанами лепили из пластилина корабли, качали велосипедными насосами внутрь воздух, и топили их из поджигов.

То был и не корвет, и не барк, и не клипер, и не тендер, не галеон или галеас, это была ни галера, ни каравелла, не фрегат - это было НЕЧТО - под всеми возможными и невозможными парусами - прямыми, косыми, латинскими, - взгляд Горгоны попадал прямо в карманное зеркальце капитана; на огромном, похожем на нос гагантского марлина, бушприте, заполоскали «шпринты», блестели в первых

солнечных лучах, воронные стволы, как тот самый сундук, что мерцал где-то на призрачном острове, которого, по здравости какой-нибудь несуществующей логики, не было.

Как черная грозовая туча, неслась, надутая несуществующим пассатом громада парусов, высоко вознесенная на стенгах - брамселя, лисселя, топселя - поднято все и полно ветром, которого нет.

Трещал рангоут, ветер - тот самый мечтающий бродяга, который случается в снах, и грозит переменами, пел фантазию, рожденную от топота матросских ног, отплясывающих под мелодию концертино.

Капитан перевел взгляд на Вождя - тот заворожено взирал на призрак, на тот неповторимый образ, что был широко известен в “узких” кругах, как “Летучий Голландец”, или “Флагман без головы”, а значит, без команды - только голоса.

Никита Оттович был настолько очарован зрелищем, что на мгновение пришел в ужас от того, что это беспредельное мужское великолепие когда-нибудь растает, как дым, и он его никогда больше не увидит.

“Летучий Голландец”, счастливый призрак - морской скиталец, его вечно парящий, бессмертный дух, наверное, услышал мысли сочувствующей души - той, что родилась не в свой век, и на мгновение прервал свой бег - капитан всего-навсего протянул вперед руку в волшебном манжете, и жестом повелел кораблю остановиться.

Он узрел, как Призрак капитана восседал за своим столом в огромной капитанской каюте, и писал в судовой журнал:

“Ром кончился, наша компания в дьявольском замешательстве. Ведутся разговоры об отделении, эти сумасшедшие ослы оговорили правила дележа: я получаю две доли, помощник - полторы, доктор и боцман - по одной с четвертью, остальные - одну каждый. Поклялись на Библии. Аминь”.

1*.

-----
1. А синематограф! - заорал какой-то ненормальный рыцарь - “Остров головорезов!” Ямайка, Порт Рояль, 1668-1 год! Генри Морган, как ее играла Джина Дэвис! А какая у нее была обезьянка - по-моему, это был капуцин Уистити (его в титрах не было*).

- Рыцаря этого, - сказал тот, кто председательствовал (а это были нынче МЫ*), - в “диалоги о животных”. Или - в “мир животных”. А всю прибыль от интервью - Бриджит Бардо, ее кошкoлюбoсть предсказал Берталуччи в своем “Конформисте”, только там были мопсы, а мать уже была с приветом.

Капитан Шмидт-Паниковский рыдал от счастья - он увидел своих кумиров: убитого индейцами Лолонойса, Монтабара, пропавшего без вести, и возникшего здесь, на этом едином дьявольском “душеносце” спустя столько лет с тех пор, как его видели последний раз.

Он видел того же Тича (Чернобородого), когда тот закончил эту запись в судовом журнале, и когда размышлял, какую дату ему выставить (он каждый день ставил на ней точку, и каждый раз его накрывало его двадцать посмертных ран; Никита Оттович ясно зрил, как Робертс свалился от попавшей ему по горлу картечью, - он видел, как на него тут же понадевали золотых цепей, усыпали бриллиантами, засунули в запястья пару пистолей на шелковой перевязи, прицепили к груди огромный золотой крест и пустили в море - они делали это всякий раз, все равно он возвращался, кромсая католические каноны о бессмертии, и лажая все заповеди, ежедневно клявшись на Библии о порядке дележа - кто их проклял и когда, какие такие святоши отправили Эдварда Лоу, убитого французами, Хоуэлла Дэвиса, расстрелянного португальцами, и Вейна, казненного на Ямайке - а преисподнюю? Кто был счастливее этих джентльменов удачи?

Никто.

Насмотревшись вдоволь на этот, столь сильно поразивший

воображение присутствующего здесь “пахана” в должности бюллетенящего юнги, капитан Никита Оттович Шмидт-Паниковский, погладил подарок Хулио - свой волшебный манжет, и, как только призрак старого корсара подлетел к борту “Крейсер Шмидт”, он вновь воспользовался чудодейственной силой заколдованного муравьиного яда.

Он врезал нависшей над ними Горгоне прямо по глазам - “Летучий Голландец” исчез.

Индеец, не вставая с гамака, проделал классический жест приветствия, после чего указал присутствующим членам команды на небо - там, на своем дымящем Харли, пронесся ряженный в православного попа старый знакомец - с маковым цветком за ухом.

Он вспорол небо, как будто то был нож аборигена, тот, что прогулялся по брюху акулы-молот, и исчез в той самой заветной точке, где Пространство соединялось со Временем.

- Где ж ты, моя романтическая Фуэрта-Вентура? - думал Великий Комбинатор, только что отошедший от прекрасного, детского сна, который он, как оказалось, нечаянно перехватил.

-----
1. Ему приснился тот же крашенный комикс, что в 1940-м капитану Фрицу Клаусу, который, делая в Канарах рекогносцерку, записал в судовом журнале:

“С наступавшими сумерками мой чудный Остров населяется призраками”.

Клаусу это привиделось в доме, соединенном с морем подземным ходом. В то время на острове пребывал сам немецкий капитан, и 80 тысяч коз, и, соответственно, козлов - в этой “Испанской Сибири” называют этот остров - одичали все - и

немецкий аскет, выбравший себе для Рая остров без единой пальмы, и, стало быть, плода; и козлы, видевшие себя в сумеречном зеркале бухты, собственными козами.*

Глава тридцать первая: "Полет Чкалова".

СМЕНА ПЛАНА ДАЛИ ОДИССЕЯ

- Кстати, сегодня наконец-то открыли директорию – а то всё как-то обходились, - сказал Одиссей (*), когда Посейдон выставил его на палубу Ковчега тем же движением, что когда-то изумрудный пузырьёк с посланием.

Это было в то время, когда нас любили Богини и Боги. Мы трубили в рога.

Мы клялись на крови, а под утро устроили танцы.

В нас было столько любви, что наши отвердевшие сердца плавилась, как лёд о пламень.

Мы были спасены от уныния в этой жизни только тем, что смотрели вперед, как положено бродягам, особенно в пустыне – что в желтой, что в синей, что в зеленой, а то и красной – от крови.

Была ночь, поднялся ветерок, Шура Балаганов нес вахту.

Он стоял у штурвала и рулил туда, куда показал ему только что сменившийся капитан - прямо на Луну.

Перед этим Никита Оттович долго смотрел юнге в глаза, оглядывая все его поломанные концы - то бедой, то обстоятельствами, потом сплюнул, и сказал:

- Луну знаешь?

- Это как? - не понял Шура.

- Это так, на всякий случай. Вон она. С колесом не балуй - я не могу все время не спать. - Потом Шмидт-Паниковский как бы прислушался, и что-то услышал, хотя слышно ничего не было.

- С каким-таким колесом? - переспросил бортмеханик, мозгами настраиваясь на корабельную аптечку.

- Со штурвальным. - Ну, вот! - заорал капитан, как будто желал проверить себя на глухость. - Когда не сплю больше четырёх суток, слышу джаз, и хочется нажраться.

Потом он подошел к правому борту, свесился к воде, и стал разговаривать то ли сам с собой, то ли с царем Посейдоном, как бы сообщая свое алиби:

- Если не сплю больше десяти суток, то видится вертолетная атака где-то в южной Азии, огонь и Вагнер. Еще пару дней не сплю - какая-то река, трупы, и конец света - как будто я мессия, меня предвидел Нострадамус, и я в ответе за все человечество - начинаю лить слезы и сходить с ума. А когда уже свихнусь - это если я еще суток трое не посплю, да так, что вся башка по швам лопается - начинается видение про то, что я - царь Александр, оторвавшийся от своего войска, Дарий силен, и меня окружают «бессмертные».

Шура и так был поражен длительностью этого гнилого, как ему показалось, “базара”, но Блондинчик не унимался:

7. Когда засыпаю, - доверительно обратился он вдруг к юнге, доставая из “холодильного” рундука банки очередной “пузырек” с кубинским ромом, и тут же, из другого, “сухого” рундука, свернутую там же сигару, - думаю всегда, что умер - летаю над телом, а потом засыпает и душа. Сигару? После сытного обеда что может быть лучше хорошей сигары?

Как и у каждого существа, ползающего под Богом и Светилом, у Балаганова всегда имелась стандартная людская возможность - от поворота с военной тропы к истинной дороге добродетели. (Все колебания “лево - право” во всем мире извратили партейцы*).

Поэтому он тут же забыл о своей мечте отрезать блондинчику голову (она зародилась, как только они встретились в ювелирном магазине Шлюхенмана*), и стал размышлять о дружбе до гроба, совершенно забыв о богатстве, и о своей маниакальной претензии на половинную долю.

Капитан засунул сигару в балагановскую пасть, дал прикурить из своей фронтовой зажигалки (зенитный патрон 12,5 мм*), и удалился, отхлебывая ром, и размышляя о сундуке и мертвецах, в сторону каюты, сказав на прощанье:

- Шура - ты герой. Хороший парень, аки стих, не нуждается ни в каком воплощении. Они вполне самодостатчны.

Балаганов так и ахнул. Только сейчас он уяснил, что Блондинчик пребывал в “полной отключке”.

Единственный глаз его, голубой, как само море, стал красным и втихую заплывал: капитан в ночи напоминал разбойника-космополита.

Он, как будто желая оставить о себе в эту ночь особую память, круто развернулся у входа в каюту, и блеснул зеленым огнем. Потом

он, зловеще улыбнулся, и крикнул в небо:

- Никакого Вагнера! Только самба-румба. И немного звездного танго.

Тот самый демон, что отвечает за незнание христовых заповедей, вновь пропарил по мозгам изломанному бортмеханику нехорошую мысль про то, что если владеть общаком, то по традиции - всем целиком, а не частями, и не хрена “голубей пугать”, а надо, в натуре, “медведя брать на аркан”.

Он услышал, как капитан свалился с лестницы, а потом возник голос пленного попа, выбитого из сонных объятий Морфея:

- Я ж не женщина, я ж католический священник!

Никита Оттович, пробасил в кают-компании : “Пятнадцать человек на сундук мертвеца”, а Шура Балаганов стал размышлять, как ему сотворить благой замысел, то есть, как говорилось в его близких, патриотически настроенных кругах, “записать в бедноту проклятых конкурентов”.

Потом послышался звон разбитой бутылки, и сонный возглас любимого командора возвестил из недр каюты:

- Эй, эй, потише, капитан! Я ж в тоже в сумасшедшем доме сидел, хотите расскажу? Ну ладно, завтра.

-----
1. Ограбить ближнего*.

Балаганов, крутя колесом, и гордясь доверием, отмел от себя ложные сантименты, похлопал демона по хребту, и прикинул, как говорится в “местах” - “хрен к носу”:

Вот гребет бугор*, он, Лысый (пахан!) его, незахезавши**, тромбует***, потом - кидает за борт. Или нет - засмолить быка этого засерю****, ну а уж потом - к попу - на исповедь, и на капитанские нары - соснуть*****. Или вот еще - бритвой его по горлу, и в колодец.

Потом он подумал, и проорал на весь океан:

“То же мне, бляха муха, ВЕЛИКИЙ МАСТУРБАТОР”!!!”

-----
* Основной, здесь - капитан.

** не испугавшись.

*** Избивает.

**** Здесь - убить, застрелить Шмидт-Паниковского,

***** Здесь - выспаться.

***** великий мастурбатор - великий политработник в ИТУ, здесь - “великий” лектор, пропагандист.

Оторвавшись и намечтавшись, Балаганов правил на Луну. Прوماхнуться было невозможно, даже при всей его инвалидности - ночное светило было нынче таким, что занимала пол-океана - “Крейсер Шмидт”, шёл в бакштаг, под штормовым комплектом парусов: риск «вальнуть посуду в брочинг» был минимальным.

Яхта неспешно скользила по играющей желтым светом океанской глади, слегка шурша огромным корпусом, белым и гладким.

Зеленые огни приборов, красненький огонек, подсвечивающий главный компас, переливались в сумерках - луна светила, как “ошпаренная”.

Балаганов задрал голову, должно быть, по чьей-то немислимой воле – темно-синие небо было полно звезд, которые чем дальше были от Луны, тем ярче светились.

Верхушка высоченной мачты как будто скребла по небесному своду, а парус, в ночи казавшийся белым, как свежие сливки, то обмирал, то оживал.

Его, наверное, впервые за все это время пребывания за границей СССР, перестала мучить ностальгия, вернее, он просто забыл о ней.

Балаганов, сидя на самом почетном месте на корабле - кокпите рулевого (он задницей чувствовал, что за стульчик сжимает своими бывальыми ягодицами*), мечтал в этом положении нарисовать свой очередной автопортрет, с шевелюрой, как у классического диснеевского Бармалея (он это как-то видел в Рио - с витрины, его показывали по телеку*).

Ему было до того хорошо, в этом ночном одиночестве, он не заметил Чкалова, мирно покачивающегося у себя в гамаке - на передней палубе.

Хитрый Вениту приспособил свои “качающиеся” нары таким образом, чтобы при боковой качке гамак просто развивался по ветру - таким образом он извлекал из ситуации максимальное удовольствие.

Напоминаем: ветер был практически попутный (если бы Шмидт-Паниковский сам стоял за штурвалом, то непременно поднял бы всю возможную парусину, и расправил бы “вооружение” “бабочкой”*), и Вениту качался у себя в авоське сам по себе - прямо вокруг натяжки внутреннего штага (каким образом индеец добился такого эффекта - капитан, обладавший врожденной инженерной смекалкой, сообразить не мог*).

Он мотался черным маятником с ясно очерченной, в пол-локтя, самокруткой, на фоне огромного, все возрастающего, казалось, теплого светила, и мешал юнге сосредоточиться на созерцании великолепного зрелища - Балаганов уже собирался что-то крикнуть так, что бы тот понял, но тут он увидел то, что не могло его не поразить даже после нескольких дней похода, ни большая белая акула,

ни «Летучий Голландец», ни капитанский нокаут, сразу после бунта, им учинённого.

Индеец исчез - словно прочел нехитрые балагановские мысли по воздуху - уловил, так сказать, средоточение энергетического балагановского знака, и воспринял его, как надо. (Испарился*).

Через мгновение Чкалов появился: он гулял по тросу фальшборта со стороны правого борта, прямо от “носового релинга”, вдоль “бака” яхту клонило в небольшой крен.

Балаганов, хитро улыбнувшись, крутанул изо всех сил штурвал вправо, надеясь, что вредный индеец свалится в воду - но ничего не произошло - “лодка” шла тем же курсом - на Луну.

До юнги дошло: его сидение здесь, верхом на кожаном насесте - чистое “фуфло” - рулила механика.

Злоба на капитана воскресла с новой силой - это был удар по самолюбию, ибо речь шла о конкретной рубке за “идею”.

Хулио Чкалов шел по леерному тросу - от стойки к стойке, легко, как Ангел - не прикладывая к своему шествию хоть каких-либо усилий.

Индеец шел по своей проволоке, независимо от движения корабля, от центра тяжести, силы притяжения, и колебаний ветра - он просто двигался перед собственным вакуумом - по направлению к Шуре, с носа - к корме.

Он шел по бортовому лееру, выставив перед собой обе руки, как будто ощупывал ими пространство: индеец играл своими длинными пальцами на невидимых клавишах лунного фортепьяно.

Глаза его были закрыты, на тонких губах блуждала двусмысленная улыбка, - в зубах торчала самокрутка.

Хулио был абсолютно нагой - то есть на нем отсутствовала единственная деталь туалета - его семейные черные трусы с красными попугаями. Меж тощих ног мотался дюжий член - какой-то, как показалось юнге, странной формы. (В чем была его странность, он себе объяснить не мог - не хватало анатомической смекалки*).

Балаганов засуетился - он “машинально” стал искать вокруг себя какой-нибудь твердый предмет, чтобы в случае чего звездануть вождя по башке - там, где он провел лучшие свои годы, так было принято - частенько лагерные “петухи” косили под лунатиков, так, что лунатикам натуральным там было просто не выжить - их так или иначе держали за (ПИСК)доров, и во время их хождений “по проводам” били либо кирками, либо лопатами, а потом легко списывали с довольствия - своих хватало иждевенцев.

Предмета не оказалось, однако во время поисков Балаганов упустил штурвал, - “Крейсер Шмидт” тоже “машинально” поменял галс (это за него сделал автопилот*), заполоскал штормовой стаксель, судно потеряло тот бодрый скользящий ход, что имело накануне.

Чкалов встал прямо напротив Балаганова, и, казалось, прислушался.

Потом он расправил руки, как будто вознамерился сделать ночную зарядку, и медленно воспарил.

Он убрал от себя эту последнюю точку опоры так, как будто это вообще не составляло для него никакого труда - взять и взлететь.

Он расправил руки в стороны, и полетел рядом с яхтой, прямо на Луну, указывая несущему вахту юнге правильный курс.

Балаганов “машинально” привелся под ветер (обмер и замер автопилот, бездушная машина охренела*), и когда он вновь увидел летящего прямо над лунной дорожкой Чкалова, то рядом с ним уже реяла, наслаждаясь свободой, птица Феникс.

Единственным предметом, снимающим с этой картины бирку

“идиллическая”, пребывал свисающий “попендикулярно” бесконечной воде, божественный чкаловский фаллос.

Присутствующий на корабле греховодный люд, молча очнулся от своих дум и снов, и движимый одним необъяснимым порывом, повставал с мест, расселся по «лавкам», и стал смотреть, как парит ангел.

Было тихо, райская птица сопровождала ангела, не издав ни единого звука.

Ночь, преисполненная томным величием, пела свою тихую песнь 1*.

- **Куда нас ведет эта бесконечная река? Нет предела этому руслу. Скоро мы расплывемся по разные стороны этого мира, так бывает всегда.**

Впервые я сказал, - нету вас, и слава Богу.

- Кто Ты?

- Отец ваш. Сразу после Второго Пришествия.

Всем соглядатаям этого лунного чуда стало ясно, что пределы возможного рухнули окончательно.

Ночь плавно наполнилась теми звуками, которые и были - сам океан.

Какая-то немислимая волна надвигалась из-под киля, из безраздельной океанской бездны - то была музыка сфер.

Ничто не могло с этим сравниться - вода своими лунными бликами подыгрывала тому, что должно сейчас было случиться - происходила какая-то неизбежная причина явления, которое могло произойти не везде и не с каждым - только сейчас, здесь, в эту секунду.

Летящий по воздуху Вождь, плавно взмахнул руками, как крылами, из-под воды всплыли огромные черные спины - все ахнули.

Киты резали эту сказочную поверхность своими громадными плавниками, не беспокоя ее, они и были - сама вода, её необъятная чаша.

Эта была последняя встреча со старыми друзьями: сердце защищено каким-то особым забралом от непомерной тоски - прощаться с каждым, любя его, восхищаясь им, надеясь на него.

Чкалов оглянулся, уловил устремленные на него взоры, и плавно присел на спину самого большого кита.

Тут случилось самое невероятное - огромный “горбач” ударил о воду гигантским, хвостом, и выпрыгнул из воды - тонна брызг обрушилась на тех, кто дивился этому небывалому зрелищу.

Потом индеец, столь заметный на горбатой спине, сколь бывает видна точка на экваторе, пришпорил своего долгожданного скакуна, и они поднялись над морской гладью:

полет длился столько, на сколько у Создателя хватило на это вдохновения. (Стало быть и полет длился вечно, ибо Создатель вдохновенен – Всегда*).

Затем они, ангел и кит, кит и ангел, плавно, без единого всплеска, приземлились в океан, и киты ушли под воду - индеец, на мгновение исчезнувший под водой, и, как многим показалось, навсегда сменивший среду обитания (он и там был мастер*), вынырнул из воды, вновь воспарил, и продолжил полет - расправив руки и подвесив “кара” 1.*.

---

1. * Член.

Пролетев лишь только «в кайф», и ни на секунду дольше, ангел и сопровождающая его немая птица, возвратились на свои места - птица на мачту, индеец - в гамак, они убрали пространство и время возвращения - не было того пути, который они преодолевали, просто кто-то огромными ножницами вырезал этот кусок - можно было выудить из-под подушки справочник по материализму, протереть зенки, и сказать, что ничего этого не было. Но это было.

Бендер вместе с Шмидт-Паниковским подошли к вахтенному рулевому Балаганову, сели кто куда, Никита Оттович молча извлек из бокового рундука бутылку кубинского рома, разлил по стаканам - все выпили.

- Ну, как? - первым нарушил тишину лунной ночи капитан.

- Он летал, я видел, - сглотнув остатки спиртного, сказал Балаганов - человеческим языком.

- Ну, так, - сказал Великий Комбинатор. - Он же Чкалов.

- Да уж, театр – модель Вселенной. Особенно, ежели хорошо подсветить.

- Это был Храм — не театр, - проронил архиепископ. - Картина — не копия.

Примерно час они пили молча, крепчал ветер. Они глядели на Луну. Потом капитан все-таки сделал подвиг - сплюнув, он в одиночку раскрутил ручку лебедки и поднял еще пару стакеслей, сплюнул еще раз, воткнул в спинакер-гик, подошел к приборной доске, убрал рукой Балаганова, и нажал на левую, светящуюся зеленым огнем кнопку - раскрутилась электролебедка, вверх, прямо к краснеющим небесам, взмыл спинакер - яхта полетела так, что едва стала касаться воды - она летела, как только что летел Чкалов - она как будто не желала оставаться перед путешествующем на ее борту ангелом в долгу - от такого немислимого нагромождения парусов яхту накренило, и она сразу стала шуметь, налегая на собственную волну.

Всходило солнце. Начинался следующий день похода - в неизвестность. В ту ночь никто не вспомнил, куда и зачем они идут -

золото все больше меркло, и все слабее светили в снах моряков его манящие, как это обычно было, некогда поражающие своим всегдашним великолепием, блестящие солнечные зайцы. 1.*

---

1. Ведущий американской двадцатки МТВ назовёт свое музыкальное хозяйство - "Одиссеей маразма". Но это случится через пятьдесят лет.*

Прошёл день. Капитан Шмидт-Паниковский сначала решил, что он уже может и не ложиться, потому что управлять лодкой, кроме него и автопилота, было некому, но на минуту все же увалился в свое законное убежище - кресло дона Карлеоне, и, что называется, "манёхо вырубился".

Ему привиделось, что он стоит посередине средневекового военного лагеря, воспетом Тацитом в трактате «Германия», вдохновившего Гиммлера на создание «СС», в окружении большого числа воинов, которые смотрели на него прекрасными, ясными глазами - там не было там ни денег, ни измены, ни смерти.

Все говорило о том, что предстояло идти в поход - он держался за рукоять своего карающего меча, и ждал, когда ему подведут коня.

Он ждал своего коня с мутной тревогой, ибо те, которых водили вокруг - были высоки в холках, ретивы, умны, но среди них не было того, кого он ожидал.

Потом он увидел того старца, что спас ему пять лет назад жизнь в дальневосточной тайге - он смотрел на него так же, как и в тот день, когда он нес его на руках - в свой староверческий сруб.

На узде он держал огромного коня, - это был гнедой великан, который был - совершенство.

Капитан проснулся с запахом конского пота и свежей сыромятины от седла - в своем, двенадцать раз поломанном носу.

Он решил спастись от сумеречных дум традиционным способом (двенадцатью мощными глотками из бутылки со спасительным зельем).

Когда он подошел к штурвалу, и глянул на приборную панель, то со злобным удовлетворением отметил - стрелки приборов крутились, как будто под крышку забралось стадо взбесившихся тараканов.

Автопилот, вместо обычного, мерного журчания, издавал какие-то клокочущие звуки; штурвалы не блокировались, триммеры, которые в простонародии называли элеронами, не управлялись; стрелка основного компаса показывала двенадцать концов света в секунду; запасной компас застыл, указывая северной стрелкой на мыс Горн, пребывающий, как известно, на юге.

Капитан, с горя добивший остаток бутылки, постучал по стеклу компаса, стрелка отвалилась. Тут он почувствовал, что у него под ногами что-то хрустнуло - то был сектант. Как он оказался под ногами, оставалось только гадать.

Он взглянул на небо - ни Солнца, ни Луны, ни звезд, видно не было, небо затягивалось тучами, ветер усиливался.

ОН уже собрался сказать сакраментальное, исконно воронинское: “мдунец, отплавались”, как почувствовал сначала на своем широком плече острые когти Феникса, который сначала подмигнул своим замшевым веком, а потом кивнул на нос - туда, где задувался на фордевинде спинакер-стаксель (“толлбой*”), и раскачивался по ветру, увеличивая парусность своим дырявым гамаком и черными трусами с попугаями в красных подштанниках, премудрый индеец.

«Кто видел спящего тебя, тот знает о небесном царстве», - вспомнил он четверостишье московской поэтессы Инны Кабыш, ему же посвящённое (когда-то*).

Капитан застопорил штурвал, слил последнюю каплю в бездонную глотку, и отправился к бушприту.

Держась за шкоты и штаги, он добрался до оккупированной “впередсмотрящим” зоны, и откашлялся, чем заслужил одобрителный взгляд Хулио.

- Ты заболел, отец? - спросил Чкалов.

- Нет, - ответил капитан, и вновь откашлялся.

- Жаль, - сказал Хулио. - У меня есть хорошая штука - от всех болезней.

Он протянул Никите Оттовичу самокрутку, но тот замахал руками так, как будто вождь во второй раз предлагал лизнуть между рог царевне лягушке, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

- Приборы отказали, друг мой. Мы не знаем, куда идем.

- Не волнуйся. Мы идем туда, куда нас гонит ветер, - со всегдашним значением высказался индеец, и взмахнул перстом прямо по курсу - туда уносился дым от его папирасы, и где формировал вокруг себя соответствующую стихию, его величество - СМЕРЧ.

Капитан Никита Оттович Шмидт-Паниковский поднес к левому глазу бинокль адмирала Канариса, тот вариант фидиевского Илисса, который Великий Сальвадор изобразил лишь через четыре года после этого массового путешествия - параллельными курсами, на “остров мечты” - в виде любой ему с детства носорожьей фигуры: 1*

ИЛЛЮСТРАЦИЯ. Кат. № 2, стр. 240.

«Носорожья фигура фидиевского Илисса», 1954

- Капитан увидел то же, что было изображено на холсте 100 на 129,5см - маслом, как по маковой булке.

-

Он зрел: на фоне наворачивающей свои обороты, воспетой Меллвиллом и запечатлённой Айвзовским, морской стихии, по начинающей темнеть, соленой воде, плыла облезлая зеленая субмарина, на башне которой кривыми буквами было написано до боли знакомое русское слово.

Одноглазого морского волка от всего этого сразу стало тошнить. Он терпеть не мог встречаться с соотечественниками в Рио - как правило, это были официальные делегации то сборных по шахматам, то симфонических оркестров, которые сразу перлись к шлюхам, магазинам, сэкономили на гондонах, и уродовали по отелям утюги - поджаривая на них сырые бифштексы.

Такая встреча на море его глубоко разочаровала, и первое, что ему пришло в голову - это сменить курс, задрать люки, эвакуировать инвалидов и т.д.*), а, как выразился вечный герой: “все утопить”.

Шмидт-Паниковский всмотрелся в левый ствол трофейного бинокля, держа его на манер отсоединенного оптического прицела.

Он увидел картину, напрашивающуюся в журнал порнокомиксов, главным редактором которого был знаменитый на всю Бразилию, Фернандо Мандиччиас.

На капитанском мостике немецкой субмарины с русским словом, стоял бодрый старикан с бородой, который был гол по пояс, а на груди его читалась милая каждому русскому (особенно за рубежом*) надпись - та же, что и на башне.

Рядом с ним сидела немецкая овчарка, и выла в небо (это было видно по движению ее беззубого рта - она складывала его трубочкой*).

Капитан периодически чесал себя во всех местах, рвал на груди остатки тельняшки, и что-то выкрикивал в назад, - там, в кильватере,

он собственной тягой волок на привязи какие-то лохмотья и деревянные, бывшую кабину, судя по неплохо сохранившимся (раз до сих пор плыли*) понтонам - гидроплан.

Шмидт-Паниковский передал бинокль подошедшему Великому Комбинатору, тот взгляделся в окуляры, и увидел в кабине бывшего “Ньюпора”, душераздирающую сцену - Ганс Шванц (от мужей заметим - в тысячный раз*), насильно секретаршу искомого Альфонса Шлюхенмана по имени Гретхен, как показалось Бендеру - в извращенной форме.

Через минуту подробного осмотра Бендер сообразил, отчего Бриман вынужден был буксировать весь этот публичный дом на понтонах, ибо узрел меж обломков винта “Ньюпора”, на самом его носу торчащий ствол, имеющий на самом конце раструб. Это был тот самый пулемет, на счет исправности которого Остап осведомился, во время того памятного визита на остров архипелага Кагаррас.

Бриман периодически пригибался к мостику, и прижимал к палубе бессмертную Блонди, (должно быть машинально). Это говорило о том, что Ганс, между актами насилия, автоматными очередями подгонял геройского капитана, сломавшегося под СС-совским сапогом.

- Эти люди тащат за собой свою бурю, - неспешно произнес Чкалов, качаясь в гамаке, и пуская конопельные кольца - ветер уносил их прямо по курсу, выстраивая из них, для причудливой картины - мгновенную раму.

— Аккуратный, видно, мужик - этот ваш подводник, - сказал Шмидт-Паниковский Бендеру-Задунайскому. - Даже фал красными ленточками перевязал.

— Бы не пошёл к ним третьим номером, - сказал командор. - Тем паче — в такую душную погоду.

Бендер вновь воспользовался оптикой, и встретился с огромным,

моргающим глазом Юргена - тот смотрел на него через перископ, и что-то орал, подпрыгивая, и уворачиваясь от коротких очередей.

- Сценка впечатляет, - сказал, помолчав, командор. - Глаз вопиющего в пустыне, герой войны, стрельба и насилие. Прямо порнографический триллер. А скажи, сынок, - обратился он к индейцу, и даже покачал его в гамаке. - Это не ты вчера катался на огромном, горбатом ките?

- Нет, отец. Это тебе приснилось.

- Больше вопросов не имею. Ему надо было бы погрузиться под воду - ведь у него подводная лодка, если я не ошибаюсь? - обратился он к капитану, и увидел его взволнованным и преобразившимся: любитель прицельной пулевой стрельбы уже слетал за своим дальнобойным пулеметом “Баррет Файрармз Мэньюфэкчуринг” (М 82), и прицелился в оптический прицел “Леупольд Ультра Скаут” МЗ - 10-кратного увеличения, который, как уже неоднократно упоминалось, обеспечивал прицельную стрельбу до 2000м. Расстояние было предельным.

- С такой дистанции срединное отклонение не превышает 510мм, - доверительно, как отец отцу, сообщил капитан командору. - Эта эсэсовская горилла больше не будет сношаться посередь океана, и поганить нам вид.

- Не пораньте девушку, - попросил командор, но капитан уже примостился у носового релинга, и стал методично посылать пулю за пулей целясь единственным, левым глазом, и в очередной раз вспоминая, что не все, что делается, к лучшему.

Бывший эсэсовский офицер и телохранитель Альфонса Шлюхенмана, Ганс Шванц, почувствовал, что с него сорвало шляпу, и впервые за эту неделю расслабился. Он тут же выпустил из рук вожденную Гретхен - та выпрыгнула в воду, распушила рыбий хвост, и сказала ему последние слова:

- Да я лучше утоплюсь, чем дам тебе в 1001-й раз, грязная немецкая вонючка, - с этими словами она нырнула в пучину морскую, и стала сиреной, прибавив к перечню основных мотивов подобного превращения еще один - многосуточное соитие с нежелаемым самцом.

Царь Посейдон, потчующий в это время своего любимого пленника - хитреца Одиссея, отборными мидиями, от которых тому уже хотелось блевать, возрадовался новой своей дочери, которая, в отличие от многих, знала в подобных приключениях толк. Одиссей (*), в ознаменование сего события, спел ему отрывок из Одиссеи, перебирая пальцами по лире, пуская пузыри, и развивая светло-кудрявые патлы по Гольфстриму, аки по ветру 1.*

1.*. Это была четвертая песнь:

*“Спутник желанный пловцам по хребту многовидного
моря*

*Мы уж истратили все путевые запасы и люди
Бодрость теряли, как, сжалась над нами, спасла нас
богиня,*

365

*Хитрого старца морского цветущая дочь Эйдофея.
Сердцем она преклонилась ко мне, повстречавшись
со мною,*

*Шедшим печально стезей одинокой, товарищей
бросив:*

*Розно бродили они по зыбучему взморью и рыбу
Острогобенными крючьями удили - голод терзал
их.*

370

*С ласковым видом ко мне подошедши, сказала
богиня:*

*“Что же ты, странник? Дитя ль неразумное?
сердцем ли робок?”*

*Лень ли тобой овладела? Иль сам ты своим
веселишься
Горем, что долго так медлишь на острове нашем,
не зная,
Что предпринять, и сопутников всех повергая в унылость?”*

– Этот маньяк теряет хватку, сказал китобой Нэд Лэнд профессору Аронаксу, если я не ошибаюсь, на борту “Наутилуса”, - продекламировал Великий Комбинатор, отрывая бинокль от глаз.

– Ангел мой! Извращенка моя фильдепёрстовая! БДСМ-щица ненаглядная! Взялась мозг е(ПИСК)бать, так давай, не прерывайся! - рвалось как фейерверк, над океаном, - прямо над дорогой Атлантов, идущей по дну, от Бимини до Гибралтара. - это был немецкий язык.

- Однако тот, кто оказался на Наутилусе, может покинуть его только одним способом, - сказал Никита Оттович и разлил по стаканам охлажденный кубинский ром, который потом разбавил немецким шнапсом.

- Каким, интересно? - осведомился командор.

- Через водолазное очко.

Друзья рассмеялись.

Бриман, узрев побег немецкой шлюхи Гретхен - в объятия Посейдона, плюнул на риск быть застреленным из собственного пулемета, скинул овчарку в “очко”, спрыгнул туда сам, и задраил люк, сразу дав самому себе команду на погружение.

СМЕНА ПЛАНА

ДАЛИ ОДИССЕЯ

- Ну что, поймаем птицу за яйца?! - вскричали мы, и ринулись в разные стороны – искать счастья, но в конце концов набрали в гремящем лесу всё на того же Патрекея, который, стало быть, вышел на крыльцо, почесал яйцо, и пригрозил, если мы не перестанем куда-то двигаться, то сразу и погрязем, так что тут все средства хороши, даже зоологические – в природе живём, на Луну прёмся, от Солнца кроемся.

- О, братие! – он рёк. – Настал поганый век. Во всём уже себе не сходен человек.

А если кому плясать мешают благодатные му(ПИСК)де, то свистите Муррза – он вам их заиграет – по белу свету.

- А душа?

- Душа – это вам не тампакс, его в третье место не вставишь!

Тут Патрекей немедленно продемонстрировал на Муррзе это чудесное изобретение, этот поглотитель – раздражитель, за изобретение которого можно было бы дать этой самой женщине гинекологу, которая его изобрела, премию Нобеля, того самого, который подорвался на собственном динамите, давно надо было ввести в Швеции сухой закон;

Патрекей, лучший на Руси (и в мире, и везде, чего там мелочиться – мы всегда знали, с кем имеем дело, ибо этот дедок разбирался в рокн-ролле и знал тайный смысл – никуда и не за кем никогда не следовать*);

тот самый Патрекей вlepил тампакс «в никуда» – вот вам и третье место, оно, как наше виртуальное пространство – устроено строго по схеме.

Вот одна из них: Одиссей (*), ещё в той, в мирной жизни, делал так, чтобы Пенелопа не ревновала, и зазря не трепала себе нервы, а также для того, чтобы утвердить её в вере, носил такой трусняк, что, как сказывал тот всеядный проконсул Шекспира

(Ретлинга*):

**«... а в Альпах
Ты ел такую падаль, говорят,
Что видевшие замертво валились.»
(Перевод Б. Пастернака.);**

но на самом деле в них (*) только выходил со двора, а далее раздавал хлебосольным селянам, сплошь всем до одного – мародёрам;

но мы то знали, что (*) был всегда в такой спортивной форме, что завсегда мог снять трусы вместе с портками, портянками, и претензий к нему быть не могло, ибо царскую задницу те прикрывали.

Бывало, он ГОНял на красном «Кадиллаке», с тигровыми сидениями за своей мечтой – по рельсам в метро, а когда увидел, что она зашла в последний вагон, машет ему платочком, и целует помадой стекло, и «Кадиллак» развалится, а вагон уйдет.

Бывало, что мы подходили к ней, этой трепетной пятнистой оленице, охотничьей нашей удаче настолько, что легко могли ее похлопать по заду, да что говорить – мы могли отиметь её по всем статьям, но никогда не делали этого, опасаясь за мироздание;

когда же появилась стая, то часть мозга, соображающая за перевоплощение, отмирала, ибо за нас всё стали делать собаки, мы, собственно, уже лет сто, как с этой ноты начали, и нота эта – оптимистическая, скажем, «ДО»*):

нас покоряла Мадонна в своем лимузине, она только что оставила новорожденного – буквально на пару часиков, приглашенным рассылали золотые цепи в белых кожаных

чехлах, - вот они.

- 8. Смотрите, не пропейте, - сказал Патрекей, расплываясь в пространстве. – Это вам на чёрный день.**
  - 9. Какой ещё, к матери, чёрный день?! – взмолились мы, ибо думали, тех дней, что мы пережили, чернее быть не может.**
  - 10. Дети! – донеслось из прозрачного, утреннего воздуха. – Как загнётесь, так и отмаетесь.**
-

Глава тридцать вторая: «Легенда о колоде и черепахе».

СМЕНА ПЛАНА ДАЛИ ОДИССЕЯ

- Возвращаясь к предмету, Эсмеральда, - сказал в день нового путешествия Одиссей (*) нашей безымянной музе, которая, с тех пор, как ее с утра приволок наш гулящий Муррз, нас так ни разу и не покинула (разве что по малой нужде, а что за нужда такая - никто не знает*). - Что именно ты хотела узнать?

- От чего же умер кардинал?

- От того же, от чего едва не померла Урма Турбан, и или Турба Урман, хрен ее знает, у себя в “Криминальном чтиве”, а так же древний медик Авиценна – от передозы, - с присущим ему тактом сказал Одиссей (*). - Везде, где присутствует какая либо турбина, сразу возникает риск “ПЕРЕтурбации”, так что остается божественное и неповторимое, то, к чему призывал МАСТер.

11. К чему же?

Здесь Одиссей промолчал и, улыбнувшись со свойственной только ему хитрожопистотью пошел в свою каюту, выполнять великую миссию собственного уединения. (Музу на одном из первых заседаний круглого стола, было решено не уестествлять, дочь Зевса, не хрен собачий, да и женщина на корабле – преступник, из-за них воюем – на мысль возмём хотя бы Трою – не жилось этой суке Елене во дворце, вернуть бы их всех обратно в девственность, так и войн бы не было*).

12. Так может, их и не рожать вовсе? – спросил мудрый Патрекей.

13. Точно! Пусть рожают одних мужиков. (Мы вспомнили, что у морских черепах есть такая практика: там, в зависимости от температуры песка, вылупляется либо пятьсот мужчин, либо пятьсот женщин, оставалось высадиться на Остров мечты и измерить температуру: мы за эти четырнадцать лет путешествия (еще немного, и мы предстанем перед Зевсом, чтобы сделать из него болвана, и водрузить на его золотой трон – наше распятие*); столько сожрали этих самых мужчин и женщин, что можем превратить планету либо в сплошной лесбийский оазис, либо сделать в сборище педерастов.

А судьи - кто?

14. Те же, кто и судьи.

Мы все переглянулись – не без злобы, а тут ещё вылез Геродот: дескать, идите в Храм Афродиты, и займитесь любовью. (Священной проституцией*), потом набрался наглости, и ляпнул: а что вы хотели?! Богини соития! Иштар – в Месопотамии, Астарта – в Финикии – божественное блядство. Мужчины – храмовые псы, жрут на средства храмов.

_ - Фасонную на пробор?

Проходит сорок лет.

- Побрейте задарма.

Время деградирует нас.

Как-то под вечер неизвестно какого дня похода, когда попутный ветер нес “Крейсер Шмидт”, аки юношу на крыльях любви, вслед за предсказанным великим комбинатором НЛО (он назвал его “махолет”), вор в законе, и проч., и проч., и проч., Александр Степанович Балаганов, подполз по палубе к премудрому вождю древнего племени «Наска», Хулио Валериевичу Чкалову, стрельнуть на косячок, и вдруг до него дошло, что Вениту, до сих пор не то что бы ни разу не нес вахту, но даже почти не вставал с гамака - один раз только, пролетался над водой, никакой пользы этим не содеял, а только “шнягой” своей сотрясал. (Концом*).

- Уж это-то, б(ПИСК)ля буду, все видели, кто надо и не надо, - тихо сказал бортмеханик, сам себе. - Даже этот паскудный чижик (он имел в виду Феникса*). И даже этот лихой поднарник.

Затем Шурик обратился непосредственно к собеседнику:

- Ты почему, филон зачухованный, давишь тут, руки в жопе?

Фуцин-задохлик, хрен бессилёдкин?

Хулио продолжал мирно качаться в своем гамаке и пыхтеть своей вечной папиросой.

Балаганов, полностью к этому времени скопировавший признаки того вора, что родная советская братва звала Культа, вообразил по этой простой причине себя "ультроосновным". ("Уж с этим умником, цацей задроченной, я ципу поднарную изделаю, б(ПИСК)ля буду", - делился он соображениями с пьяным, но живым еще архиепископом, который в этот момент, как сетовала одна саратовская артистка на своего дебелого мужа, «безобразно раскис», и безнадежно спал (во сне и помер*)).

Он продолжал оскорблять "Вениту", как мог, пока не оглянулся, и не увидел одноглазого капитана, наливавшегося ромом - это была та бутылка из серии «последних», чудом нашедшаяся в оружейном сейфе - она присоседилась вместо магазина к его любимому пулемету.

Оскорбления немедленно прекратились, однако Вождь сказал Балаганову на своем языке такие слова (хотя, знаем мы и ведаем мы, что любые родные слова мертвы в переводе (вернее, еле живы*)*):

- Эх, Босая Голова. Никогда ты не попадешь в колоду 1*.

---

1. Эта легенда, по мнению Великого Мистификатора Борхеса, носит чисто просветительский характер, и веры в нее не требуется.

И далее:

"Из шести судеб, которые дозволены людям (некто может быть демоном, растением, животным), самая сложная судьба - быть человеком, и мы должны

воспользоваться ею, чтобы спастись.

Будда представляет себе черепаху, живущую в глубине моря, и деревянную колоду, плавающую на его поверхности. Каждые шестьсот лет черепаха высовывает голову из воды, и было бы редчайшим совпадением, если бы она попала головой в отверстие деревянной колоды.

Итак, Будда говорит: "Счастье родиться человеком столь же маловероятно, как и удача черепахи, сумевшей попасть головой в отверстие колоды. Мы должны воспользоваться нашим человеческим существованием, чтобы достичь нирваны". 2 *

---

2. Ты известен, как знакомы друг с другом три кости в игре - все заранее ясно. По мнению того же Борхеса, Иисус может сказать своим ученикам, что если они собираются вдвоем, то он будет третьим. Будда же просто завещает свое учение.*

Прослушав такую невиданную по продолжительности тираду (даже капитан у штурвала перестал глотать свой ром, сказав: "Знаешь, Шурик, даже очень хорошему танцору яйца только и делают, что мешают. Хошь, отстрелю? "**), на неведомом никому на свете языке, Балаганов почувствовал себя плохо и удалился на свои блатные нары "покумарить нераскумарившись". («Несолоно хлебавши»*).

Он уходил отсыпаться в свой героиновый подвал (теперь уже бывший, ибо водолазный костюм предали воде вместе с усопшим кардиналом, но не хотелось бы сегодня о похоронах*), и твердил себе под нос одно и то же:

«Беспредел, бл(ПИСК)ядский беспредел».

Ему встретился капитан, смерил его взглядом, и сказал:

- Деньги на острове есть. Но ты не похож на парня, который их получит. Вот ты, юнга кучерявый, как думаешь Вопрос - святая Русь, это третий мир?

Ответ - (он говорил сам с собой*) Россия, пока на ней твориться этакое бля(ПИСК)дство - это САМЫЙ ТРЕТИЙ МИР! Ты мне должен за моральный урон, Балаганов, но я тебе долги прощаю, на то оно и "прощенное" воскресение - нигде больше такого нет, что бы раз в год, накануне Великого поста, можно было пройтись по всем кредиторам, или как их там (кому должны), и перед всеми извиниться.

Шура ни черта не понял, рухнул в свою парусину, потом говно вскипело, и он решил «мочить всех, пока тёплые, оставить одного командора, старикашка крикнул – тянуть нечего».

Он подскочил на нарах, чтобы быстрее сообщить бесконечной веренице добрых своих друзей, о своём благом намерении, утопить всех, не дожидаясь крещения, но шарахнулся башкой (отнюдь не кучерявой*) о центральный полубимс, и потерял сознание.

Так что дальнейшее его пребывание в том состоянии, которое принц Сиддхартх назвал "нирваной", сном назвать было уже никак нельзя, так что назовем эти видения не снами, а "глюками" ("Видениями, бредом" - по Д.С. Балдаеву*).

Он видел Глюк - себя в белой шляпе, белом пиджаке, в белых штанах, у него были оба глаза, и сияли они как два фонаря на батарейках; он был - смуглый испанский красавец, с усами, торчащими вверх, и королевской тростью с набалдашником из носорожьего рога.

- Сколько величия в костыле! Сколько достоинства и покоя, - сказал глюк, и завертел трость с такой скоростью, как будто это был пропеллер. (ИЛЛЮСТРАЦИЯ)

СМЕНА ПЛАНА

ДАЛИ ФОТО

Потом он протянул прямо в нос Балаганову, его собственную родословную, то есть показывал ему справку, длиною в жизнь, что он эту самую жизнь закончил.

"Я помер", - пронеслась в мозгу мысль, как желтая канарейка, выжатая накануне обманутым мужем Елены Тальберг - тоже Тальбергом, и упала на дно его персонального чердака, как лимон - в граненый стакан с имеющейся уже там водкой, а потом ему проглючился некий Б. Моисеев, выбегающий из здания с надписью «ИНКОНБАНК», прямо напротив Православного Храма на Чистых прудах (он узнал это место*), и орущий:

«Кинули на тридцатку – вот кто настоящие пидарасы!»*)

Очнувшись от кошмара, Балаганов извлек свое изломанное тело с пробитой головой на палубу, и посмотрел перед собой – там пребывала всё та же ненавистная вода.

Припекало солнце, из всех звуков, бывающих в такую погоду в Атлантике, слышны были только стук мелких волн о днище несущейся вперед лодки.

Балаганову казалось, что все эти стук приходится прямо ему по черепу, как будто в нем собрались черти, и хотят выгнать из его чердачного пространства мысли, как диких сизых голубей.

Он подошел к тому месту, из которого у таких же яхт сто пятьдесят лет назад торчала дубина под названием "бушприт", и под которым обычно болталась сетка, чтобы тот, кто работал на парусах, не вывалился за борт, и зацепился за носовой штаг тем местом, где в изнанке локтевого сустава складывалась еще левая рука. Он плюхнулся задницей в Хулеовский гамак - самого не было.

Сначала Балаганов закрыл глаза - свежий ветерок немного успокоил его мятежный дух, но потом он вновь стал засыпать, но страх встретиться с новым кошмаром быстро прогнал подползавшие уже было новые сновидения.

Боль была,
На литруху наскребла,
И не смогла,
И не умела, -
сочинил невидимый поэт.

Он увидел метрах в тридцати прямо по курсу, которого уже второй день, как не наблюдалось - плавающую деревянную колоду, какой-то странной, треугольной формы, и колода ли это была - но главное, что она искрила в солнечных лучах, как бриллиантовая.

Он услышал новый всплеск, и увидел, как из-под воды, целясь головой в колоду, вынырнула непомерно огромная голова гигантской черепахи, приподняла ее над водой. открыла свою беззубую пасть, подмигнула ему, Балаганову, и стала быстро приближаться к яхте, неся колоду высоко над водой.

Законному вору стало себя так жаль, что он даже слегка подвыл, он вдруг понял, что он один на всем белом свете, и всегда был один, и никогда в этом мире ничего не видел, кроме одиночества, а теперь его сожрут, им же подотрутся.

Он вдруг вспомнил, что ушла от него любовь, которая грела его все это время - ненужных мыканий, сучьих исканий, горьких испытаний, и что он начисто забыл про свою Катерину Матвевну, что она ушла из него вместе с этими ежедневными кошмарами, которыми его одаривал стравливаемый в душный парусный склад его сатанинское величество Мак, припрятанный в год победы над Германией итальянским мафиози, ныне покойным.

Балаганов развернулся вокруг своей воображаемой оси,

запутался в гамаке, перевернулся чердаком вниз, несколько раз дотянулся воображаемой шевелюрой до палубы, потом вывалился, и, вставая, падая и опять вставая, бросился к штурвалу - туда, где попивали охлажденный ром руководители экспедиции.

- Мальчик-то мой не выдержал нагрузки. Не знаю, что с ним и делать, - сказал Великий Комбинатор, принимая в объятия рыдающего юнгу. - Время прошло и не настало. И не было его.

- Там, там, - тыкал пальцем воздух позади себя Балаганов.

15. Там - девочки и лакей японец. Белый пароход. Много жратвы. Остров, река, березы, березы, березы, пополам с неплакучими ивушками и ветвистыми дубами. Самый хоризма тичный мусор.

16. Самая титястая артистка.
А на голове у тебя уже растут рыжие кудри до пят, а внутри будет много, много мозгов.

Балаганов разразился рыданиями, плюхнувшись башкой командору, в колени, как мордой в салат - капитан и командор разложились возле штурвала, поливали себя холодной пресной водичкой, и допивали свой последний ром.

- Сядет аккумулятор, издохнем от этой жары, - сказал капитан.

- Почему? - спросил Бендер, думая, куда эвакуировать израненное тело молочного брата.

- Лед кончится. Господа присяжные заседатели.

- А что - на моторе нельзя дойти?

- Нельзя.

- Почему?

- Топливо кончится.

- Ну, так пусть оно кончится, и забудем о нем. Курс по

звёздам, когда разбит компас. Волна не ёб(ПИСК)нет, моряк не взглянет.

– Любая система навигации – гибель моряка. Слабеет обоняние.

Прошёл ровно месяц со дня конца света, и мы не вспомнили, о чём говорили мастера Иллюзии, это было последнее индейское предупреждение, - он кивнул на правый борт, где парил когда-то Чкалов, он же — Будда, он же — Гуатама, Бдящий, и проч.

- Не робейте. Остап Ибрагимович. Нынче нас отнесет к Антарктиде, но от туда веселей смотреть на небо - оно там имеет такой же овал, как в советском планетарии. И вообще - земля плоская.

Они помолчали.

- Больше вопросов не имею, - сказал Остап Бендер.

Тут они увидели, как из воды на борт, взобрался с ловкостью обезьяны Хулио, а на шее у него висел веночек из белых лилий - над головой у него порхал попугай Елены Боур Феникс, выделявая в воздухе фигуры высшего пилотажа - все те же бочки, мертвые петли, вертикальные и нисходящие пики с последующим уложением на крыло и заворотом через жопное хвостовое оперение - Феникс шевелил закрылками, и, казалось, хохотал от счастья, и колом свалился в кучу несложных парусов.

Хулио снял с себя трусы, выжал их, и, повесив на носовую ванту, болтая членом, направился к друзьям - братьям Шмидтам, которые в честь своей знаменитой фамилии называли корабль.

Индеец, пыхнув своей праздничной самокруткой (на этот раз она была свернута из салфетки того самого кабака "Трокадеро", в котором свихнувшийся к этому времени юнга рассказывал старшему Шмидту про свою планетарную ссылку), снял с себя веночек, и стряхнул морскую солёную каплю с дюжей

писи.

- Сынок! - нетрезвым голосом сказал Бендер (они пили за светлую память “бессмертного” кардинала*). - Ты опять ходил по воде? С твоим-то языком, и в жопе?

- Каникулы кончились, - сказал Чкалов, протягивая своему земному отцу венки.

- Кончились? Нам опять пора на заседание парламента? Последний член - и расчленился?

- Ангелы нынче поют свою небесную песнь, - торжественно сказал Хулио.

- А что за праздник? - спросил великий комбинатор.

- Скоро начало.

Ветер дул в паруса. Легкая, волшебная рябь бежала по зеркальной океанской глади.

“Крейсер Шмидт”, налегая на правый борт, пошел в галфинд.

Остап Бендер выпил последний граненый стакан охлажденного «баккарди», и закусил его галетой. Потом он молча выбрался из рулевого кокпита, спустился в кают-компанию, лег и уснул.

Ему немедленно явился Великий Мистификатор, и сказал:

17. “Подведем итоги. Я предложил различать два вида причинно-следственных связей. Первый - естественный: он - результат бесконечного множества случайностей; второй - магический, ограниченный и прозрачный, где каждая деталь - предзнаменование. Первым оставим симулянтам от психологии”.

Капитан гадал на Гомере. Он открыл книгу, там была песнь восьмая:

***“Шея его жиливата, он мышцами крепок; годами
Также не стар; но превратности жизни его
изнурили.
Нет ничего, утверждаю, сильнее и губительней
моря;
Крепость и самого бодрого мужа оно сокрушает”.***

И далее:

***“Бодрому мужу ничто на земле не дает столь великой
Славы, как легкие ноги и крепкие мышцы, яви же
Силу свою нам, изгнав из души все печальные
думы”.***

Капитан закрыл глаза, взмолился, и вновь открыл “Одиссею” на новой странице - это была пятая песнь:

293

***“...Ветры противные; облако темное вдруг обложило
Море и землю, и тяжкая с грозного неба сошла ночь...»***

Капитан вспомнил, что слепой старец еще ни разу не ошибался, оглушил пару стаканов, и пошёл ловить ветер.

Он подрегулировал управление триммером (среднее колесо штурвала*), заблокировал штурвал для одновременного управления обоими рулями (малое колесо*), устроился поудобнее, и стал рассказывать подлетевшему попугаю в красных подштанниках о парусном вооружении корабля.

Потому что:

его звали Феникс, а науку, с него начавшейся - “фениксологией”). 1*

-
- Великий Мистификатор, недавно явившийся Великому Комбинатору, своем “Бестиарии” (раздел, как нельзя более подходящий к нашему бессмертному попугаю*), описывает птицу “Феникс”- безупречное, вечно живое доказательство воскресение во плоти, а также “Симург” - бессмертную птицу. (Как отмечает один из переводчиков “1001” ночи” - Эдвард Лейн, безусловный ориенталист, переведивший эту сказку, в пику Галлану: “Это напоминает легенду о Фениксе”.*)

Итак, Феникс:

“.....В монументальных изваяниях, каменных пирамидах и мумиях египтяне стремились обрести вечность; вполне закономерно, что именно в их стране (мы бы перевели с испанского - “их краях”, да простит нас ученый муж Е. Лысенко*), возник миф о бессмертной, возрождающейся птице, хотя последующая разработка мифа совершена греками и римлянами. Эрман пишет, что в мифологии Гелиополиса Феникс

(benu) - это покровитель юбилеев, или больших временных циклов; Геродот, (агитирующий нас за секс, как королей за монархию*), в знаменитом пассаже (11, 73) излагает, с оговорками о своем недоверии, первоначальную версию легенды:

“Есть там другая священная птица, которую я видел только нарисованной, имя ей Феникс. Увидеть ее вживе удастся редко, настолько редко, что, что, коли верить жителям Гелиополиса, прилетает она в Египет один раз в пятьсот лет, а именно - когда погибает ее отец...”

На этом месте речи премудрого консультанта - по всем имеющимся в мироздании вопросам, мы вздрогнули, потому что поняли, почему попугая так тянуло к Хулио, ибо был он по фамилии Чкалов.

“.....Ежели по величине и форме она такова, как ее описывают, то ее облик и стать весьма напоминают орла, а перья у нее золотистые, частью красные. (!!!*)

Чудес же о ней рассказывают столько, что, хотя, на мой взгляд, они не слишком заслуживают доверия, я должен о них написать. Дабы перенести тело своего отца из Аравии в Храм Солнца, птица Феникс прибегает к следующему способу: прежде всего она лепит яйцо из мирры, по величине такое, чтобы у нее хватило сил его нести, и потому, пока его лепит, все время пробует на вес, справится ли с ним; затем она выгребает из него середину, пока углубление не вместит тело ее отца, которое она там закрепляет кусками мирры, заполняя ими полость, пока вес яйца вместе с трупом не сравняется с тем весом, когда оно было сплошным; затем, залепив отверстие, кладет яйцо себе под спину и летит с ним в Египет в храм Солнца. Вот такое рассказывают об этой птице, правда, это или ложь”.

Лет через пятьсот, Тацит и Плиний подхватили чудесную историю: первый признал, что всякая древность темна, но, судя по легенде, срок жизни Феникса тысяча четыреста шестьдесят один год (“Анналы”, V1, 28). Также и второй автор занимался продолжительностью жизни Феникса; он отметил (X, 2), что, согласно Манилию, Феникс живет Платонов, или великий год. Платонов год - это время, за которое Солнце, Луна и пять планет возвращаются в изначальное положение; Тацит в “Диалоге об ораторах” определяет его как двенадцать тысяч (!!!*) девятьсот девяносто четыре обычных года. Древние верили, что по истечении этого огромного астрономического цикла

мировая история повторится во всех подробностях, ибо повторятся влияния планет; таким образом, Феникс становится как бы символом или образом вселенной. Для большего сходства стоики учили, что мир погибает в огне и возрождается в огне и что этому процессу не будет конца и не было начала.

С годами механизм рождения Феникса упростился. Геродот упоминает о яйце, Плиний - о червяке, но Клавдиан к концу 1V века уже описывает в стихах бессмертную птицу, возрождающуюся из пепла, наследницу самой себя и свидетеля многих веков.

Миф о Фениксе - один из самых распространенных. К уже упомянутым авторам можно прибавить Овидия ("Метаморфозы", XV), Данте ("Ад", XXIV), Шекспира ("Генрих V, 4), Пельсиера ("Феникс и его естественная история"), Кеведо ("Испанский Парнас", V1), Мильтона ("Самсон-борец", in fine" (в конце*). Упомянем также латинскую поэму "De Ave Phoenice" ("о птице Фениксе"*), приписываемую Лактанцию, и англосаксонское подражание этой поэме в VI111 веке. Тертуллиан, святой Амвросий и Кирилл Иерусалимский приводили Феникса как доказательство Воскресения во плоти. Плиний высмеивает терапевтов, прописывающих снадобья, изготовленные из гнезда и пепла Феникса.*

- Я прошел прямо между родным советским берегом, и островом Хонсю, - говорил капитан птице, столько раз возродившейся из пепла, - затем прошел 170 градусом восточной долготы.

Между мысом Поворотным (СССР) и заливом Вакаса. (Майдзуру, Япония), прямо по середине Японского моря, я взял курс в океан - благо, на шхуне, которую я увёл у этих проклятых японских браконьеров, был компас.

Я прошел мимо островов Гарднер и Некер, потом Нихоа, и

только тогда позволил себе первый раз вздремнуть – как будто у благословения того колдуна в деревне староверов выработался ресурс.

СМЕНА ПЛАНА

(ИЛЛЮСТРАЦИЯ. “Апофеоз Гомера”, кат. № 2; стра. 219.)
«Тут триумф всего, чего не выразишь иначе, чем в сверхконкретных образах», - сказал Дали.

Знаешь, что такое ресурс, Феникс?

Капитан Шмидт-Паниковский, подтравив шкот, и с удовольствием убедившись, что птица про ресурс не знает ни хрена, продолжил:

18. Помянем кардинала, Феникс! Вода ему пухом. Он был надёжен, как наш крейсер. Пиратский флаг не дам порожняком гонять, нигде и никому. От того и зовут меня:
19. «Весёлый Роджер».

Тут птица прихренела, пару раз поргнула и кивнула.

20. Я оглянулся в сторону бухты Гонолулу, и увидел яхту, - Было странное чувство, что я усовершенствовал свои вредные привычки, - сказал капитан, наблюдая, как вожденная лодка летит под двумя стаксеями и гротом, и слегка подтравил гика — шкот. - Любовь возникла во сне - ты просыпаешься с этим, и это преследует тебя сначала, как болезнь, а потом превращается в единственную цель. Она всегда будет одной, она, как звезда - вокруг много звезд, их так много, что можно всем взять себе по горсти - прямо в ладонь, но твоя звезда -

она только твоя. И ты знаешь, какая она, и я решил: бороться надо не за страны, а со странами – за Землю.

Моя звезда сияла прямо перед носом - метрах в двадцати от берега - я знал об этой лодке все, потому что даже на зоне мне в руки упал (буквально*) яхтенный журнал, - это была “Сирена”, та самая, которую тот самый мафиози, что прислал нам Дордини, (он прожил веселую жизнь, если можно, конечно так выразиться), построена к сезону сорокового года по шведскому проекту, на голландской верфи Мааса. Благодаря умелому использованию допусков и положенных обмерных правил, какой-то шведский инженер (не помню фамилии*), спроектировал судно, имеющие довольно низкий обмерный балл, и и сохраняющие высокие ходовые качества.

А стаксель! - уже почти кричал Никита Оттович, и восторг его передавался всем, кто нынче с ним пил и плыл - в одной команде. - Этот чудный, узкий, длинный стаксель - он просто висел на мачте, как глаженная штанина.

Такой стаксель ставят в пределах переднего треугольника. Это был совсем новый парус, который настоящие морские ГОНщики только что придумали, и ставили вместе с генузэй или на спинакером на попутных курсах.

Знаешь, как он называется?

Феникс не знал.

- “ТОЛЛБОЙ”!

– С ума сойти, - только и развел руками Бендер, он так и не смог заснуть, и пришлось переменить план – пойти напиться.

- Я там блеванул в дисплей, протёр белоснежным манжетом. А он не кажет.

– Накрылись (ПИСК)здой приборы, Остап Ибрагимович.

- Н-да. Рыла-то в пуху, а мы:

«Экклезиаст, Экклезиаст!!!» вышли из воды, туда войдём. Хоть трижды.

Шмидт-Паниковский торжественно занес пальцы над какими-то кнопками, до сих пор неизвестными ни присутствующими здесь, в рулевом кокпите, командору пробега, ни, тем более, Фениксу - его ангелу хранителю.

(Кнопки по ночи светились зелеными огнями, и Чкалов иногда пробирався на корму, что бы просто посмотреть, какими они ему будут казаться.*).

Выдержав паузу, которую можно в полном смысле назвать “рекламной”, капитан хлопнул по «красной» кнопке - завертелись лебедки, зазвенели блоки, зашуршали штаги - к небесам, на которых к этому времени уже была сплошная облачность, как приглашение к ядерной войне,

Вождь Мира Всего у себя в гамаке радовался этому все больше и больше (он действительно до сих пор не разу не проявил такой восторг*), вознёсся тот самый “толлбой”, который нынче пел капитан.

Остап Бендер не смог оценить в полной мере достоинства этого паруса, с той лишь разницей, что он был белей остальных, и гораздо уже - действительно похож на ту хрустальную мечту, где все в таких вот, парусиновых штанах, потому что там, в этой мечте всегда тепло, и потому не надо рядиться в штаны ватные, цвет которых всегда - черный (Великому Комбинатору вдруг показалась до дикого простой такая система доводов в пользу жизни в Рио - вот он, Господи - белое и черное! Белое - это черный загар, а черное - это мытарства по местам, которых и в природе нет - белым пятнам, Ему показался из будущего нарастающий рейтинг российского белого генсека,

(он пребывал в белом кимоно, и спрашивал меня, что там за иероглифы начертаны у него на чёрном поясе, и сказал я: на левом конце — стиль, на другом — вид, смотри не перепутай, и это случилось в утро 28.03.2014; второй ген. Сек. Американский, с виду не похожий ни на Эрнста Хемингуэя, ни на Роберта Пенна Уоррена, явился в чёрных трусах, с чёрной

бабой, которая

тут же заявила, что как-то хлопнула по жопе английскую королеву, мол, мечта босоногого детства, и вытянул губы для поцелуя, однако Великий Комбинатор сурово отворотил лицо этого, как ему показалось, агента Аль Каиды:

(Если бы данную писанину создавал О, Генри, то он написал «двум злодеям», но здесь я воздержусь от комментариев*)

Ибо он любил только капитана, и верил в то, что радость индейца - хороший вестник (подул, например, ветер, это означало, что на небесах собралось бесчисленное множество богов (из них только двадцать миллионов одних индуистских, а значит — остальные и все).

- Этот парус особенно незаменим в слабый ветер, - сказал капитан, заморожено глядя на изящную, (действительно, она отличалась на фоне всех остальных парусов неким изяществом*), парусиновую тряпицу - белую, как та островная земля, где они должны были слиться в едином порыве с Альфонсом Шлюхенманом, потом заглянул через форлюк в недра яхты, и сказал кому-то: «Ещё раз высунешь е(ПИСК)Пало, или куда-нибудь засунешь = буду стрелять», а потом сменил тон, и вновь продолжил свою речь в адрес Хулио.

- Его галсовый угол обычно крепят на расстоянии 40% основания переднего треугольника от форштевня с помощью двух галс-оттяжек, проведенных к леерным стойкам или специальным олбушкам на фальшборте, и третьей, носовой оттяжки.

Регулируя оттяжки (капитан подрегулировал - оттяжки зашевелились*), “толлбой” стоит лучше по отношению к спинакеру.

Вновь капитан с таинственным видом хлопнул по кнопке - в небеса взмыл, переливаясь всеми цветами радуги, спинакер - Хулио взмахнул ресницами, и осветил взглядом то разноцветное крыло, что сразу затмило этот самый любимый капитанский “толлбой” (как и все американское, он был огромен,

и в то же время оптимален, - сразу думалось, данный парус был (и есть), – идеальное искушение – для знатока.

СМЕНА ПЛАНА

ИЛЛЮСТРАЦИЯ. Кат. № 2, стр. 225 (1946г.)

«Искушение св. Антония»

- С этой картины всё и началось, - сказал Одиссей Хитроумный, а мы вспомнили, как всё на самом деле было

- На фордевинд галс “толлбоя” выносят на наветренный фальшборт, чтобы увеличить подставленную ветру парусность и сделать так, чтобы грот не хлопал под тот ветер, что уходит под спинакер.

- Господи, - взмолился жалобно отец и учитель. - Когда же будет про попугая? Я хочу историю про птицу феникс, вы мне про легкую хлопчатую промышленность, Никита вы Оттович. А какой он, кстати, породы? - спросил Великий Комбинатор.

- Это - помесь, - авторитетно заявил капитан Шмидт-Паниковский. - Южного Амазона и Аквамаринового Ара.

– Может, Аметистого?

На немецких субмаринах времён второй мировой (хотя, по мнению современных историков, была одна война, эпохи Александра), палубы были деревянными, это говорит о том, что отношение к солдатам и матросам сильно изменилось.

- Помянем кардинала.

- Помянем. Всё папство и попство: на самом деле – реслинг.

- Согласен. Мне-то лично по х(ПИСК)ую, но ты-то, наверное, захочешь знать, где действительно находишься?

- Нас всех сгубило чувство превосходства, - донеслось с гамака Будды, - он смотрел в небеса, и разговаривал с богами.

- Гермофродитность Ангелов – это человеческий диагноз.
- Ангелам?
- Людям!

- А счастье – это жизнь во волеизъявлениях.
- И на свободе.

- Правильно, потому что мой корабль – конь морской, как говорил Бернارد Шоу. И свобода. Я облазил всех известных орнитологов, тех попугаистых специалистов, что могли определить, откуда у этого гада красные подштаники.

Они разлили по стаканам, и дружно посмотрели на Феникса - тот сидел на кормовом релинге, смотрел на растворяющий позади лодки кильватерный след, и боролся со сном - в какой-то момент Хулио плавным движением направил на него свою всемогущую руку - ибо птица уже болела головой.

1.

– Однако о красных подштаниках — Феникс, ибо Командор пробега и Капитан похода упустили генеалогическую ветвь ангела, хранящего Корабль Мечты: он был потомком: со стороны отца - амазонского попугая, из 26 возможных разновидностей которого он представлял “синелобого амазона”, который был весь зеленый, и погиб во время опыления химикатами маисовой плантации, матушка же его была редчайшим экземпляром так называемого Каролинского попугая - единственного вида, распространенного в Северной Америке. Этот вид населял территорию от Северной Дакоты до Миссисипи и Флориды, и его истребили эти сраные ковбои, точно так же, как истребили и скормили свиньям странствующего голубя, или бизона, или мустанга, красного волка и т. д. Последние сведения о каролинском попугае относятся к 1920-му году.

Он был, в общем, тоже зеленого цвета, передняя часть головы и бока были оранжево-красными, а темя, бока головы и

горло - желтые. Так что по отцовской линии Феникс унаследовал короткохвостость и горловитость (это все было в прошлом, напомним соболезнующим - ныне он молчал*), а от матушки - все свои красные причендалы на зеленом фоне - в том числе и красные подштанники, на которых через бинокль Канариса можно было, как в микроскоп разглядеть бесчисленные портреты улыбающегося Хулио - как раз такого, каким он был сейчас.

Мы подписались: группа орнитологов.

---

21. Скоро шторм, - сказал Хулио, приблизившись к пьяным отцам, - Верхний смотрел на них с неба. Труссы его на заднице продувались свежим попутным ветерком, глядя на все это, капитан поставил парусное вооружение "Крейсер Шмидт" "бабочкой", так что лодка стала напоминать чайный клипер, и полетела по мягким и прозрачным волнам так, что присутствующие на ней живые существа стали испытывать ощущение невесомости.

Откуда-то сверху, прямо в объятия индейца упал Феникс. и чмокнул его клювом.

- Мы скоро придем на наш Остров, - продолжил Чкалов. - Там меня должна ждать моя огненная колесница.

Я должен ее увидеть сразу же после того, как птица возродится из пепла.

- Да мне по х(ПИСК)ую.

- А мне по (ПИСК)зду, но я не уверен. Но на самом деле, конечно же, мы так давно уже не думаем, - добавил пьяный капитан, и не думавший убавлять площадь парусов, не смотря на всё крепчавший, попутный океанский ветер, а лишь проверил бакштаговые штаги.

В момент, когда “Крейсер Шмидт”, подгоняемый рожденными магией светлых, дружеских чувств, вселенскими вихрями, летел по своему единственному пути, отчаянный боец за свободу - одноглазый капитан, и его добровольный секундант заметили на лице технического директора разительную перемену - тот просветлел.

“...Одного хочу лишь я,
Свою петлю осуществляя,
Чтоб эта “мертвая петля”
Была бы в воздухе живая.

Не мир хочу я удивить,
Не для забавы иль задора,
А вас хочу лишь убедить,
Что в воздухе везде опора...”

Вспомнились стихи русского офицера Нестерова – автора «Мёртвой петли», - пояснил Остап Бендер. - Как сказал один непокоренный народ Великому Александру, который умел оценить чужую доблесть, “Боимся мы одного, что небеса упадут на землю”.

На парусах, внизу, в подпалубном пространстве, одинокого героя зоны охватило беспокойство: он вдруг явственно почувствовал, что его Катерина Матвеевна давно уже его не ждёт, продала, изменила, и трахается со своим татаринном, - и всё это происходило на другом конце света, куда доступ был невозможен – по множеству причин.

Жить расхотелось, грядущее богатство стало не в кайф, и тогда юнга твёрдо решил покинуть корабль.

"Ничего, блондинчик, за одного битого ЗЭКа двух небитых дают с довеском пайки", - думал он со злобой.

СМЕНА ПЛАНА

ДАЛИ ОДИССЕЯ

Обнявшись, мы прошлись по территории любви, потому что пронеслась шальная весть – женихи наседают (пока, а могут и налечь*).

22. Так могут, или налегают? – спросил Одиссей (*), но ловчий все его заявления проигнорировал – у него и так было дел до хрена, а у царя начались подозрения, ровно через сутки, переросшие в строгую догму: измена (он так и парился все свои последующие жизни, ибо от подвигов ратных уставал*).

- Царица, зачем ж ты представлялась Маргаритой!? Молчи, сука! ОН заявляет, что родители прослушали разговор и позвонят в ментовку, перекрылись, падлы!

Меняй ориентацию, Алкеной, у меня тут отремонтированный вибратор, - вот она, «косая» на батарееке (В народе – «Фиолетовый друг», купил рядом с Патриаршими прудами*). Я ж прошёл все моря, и всегда имел столько счастья, сколько захочу, потому что общался с Богами, и враньё, что я пошёл с ними в конфликт, прости Господи, просто Редактор нанят за харчи и койку. Такие времена.

Да еще, расскажи мне, до какой степени может загнаться женщина, рассказывая о своей большой любви, и раскорячась при этом перед тобой, обмылок.

Я вернулся с Троянской войны, я в одиночку воевал с этим долбанным цыганским табором, которые всегда только и делали, что награждали триппером аристократию, больше от них толку никакого нет.

Продали героин несчастным шахтёрам, и заграбили обоз, ну хрен им, нету больше никакого обоза.

Я разбился на Троянском коне, у меня были сломаны руки и рёбра, а ты, на другом Света...

Мне опять пора отправляться в поход, и биться с циклопами, а они, как и следовало ожидать, в супертяже, я же, как и положено измождённому многодневной гонкой моряку, уже не вешу вообще, («главное, чтоб воля была к победе»*) только я знаю одно – когда мне было двадцать лет, а это было двадцать, тридцать, сорок лет назад, я был в два раза быстрее вас всех вместе взятых, а вы взяли вохло(ПИСК)ёбы, и навалились на старичка, а старичок то перед этим добазарился с Афиной, ну ничего, старичок вам всем даст просрать, и всё потому, что - царь Итаки, а не (ПИСК) сосать.

Глава тридцать третья: "РЫБНЫЙ ДЕНЬ".

В тот чудный день, наша всемогущая муза (она действительно могла все*), подала нам к обеду рыбий хвост, которого с лихвой хватало на всех.

Быстренько нырнув на дно океана, дабы изыскать то самое винцо, что греки возили вокруг Крита, и которое воспевал Гомер

(их суда частенько разбивались о скалы, а вот амфоры - нет, как видно гончары были сильнее в своем деле, нежели краснодеревщики*), мы нашли то, что искали.

В одном сосуде проживал осьминог, в другом, - джин (мы приберегли эту бутылку для финального действия*), в третьем плескалася древняя виноградная амброзия*).

Предвкушая пьяный восторг, мы сели за стол.
(ИЛЛЮСТРАЦИЯ).

ДАЛИ ОДИССЕЯ

Мы долго спорили, от какой именно рыбы нам Вдохновенная (порой мы ее так называли*) приготовила столь изысканное блюдо, как вдруг тот из нас, кто как-то, во время Горбачевского голода и его же (мать его, и заодно такую свободу, равенство и братство*), сухого закона, подрабатывал абортами, тем голосом, которым обычно оповещают сортирную очередь, что пиво кончилось, и ничего уже не надо делать заранее, воскликнул:

- Братья! Так тут у нас вагина, а в ней - сельдерей. Ой, да тут еще и грибочки. Наверное, какие-нибудь заждавшиеся «глиуки».

- А девушки с Кавказа бросаются на славян отчасти из мести – за жо(ПИСК)пу соответствующей масти, - поделился батька Патрекей, наш мифический ловчий.

Потом он, сугубо профессиональным жестом стал изучать анналы деликатеса, там что-то щелкнуло, и он едва не остался без языка.

- Все ясно, друзья - ГОНчатнички, - сказал Одиссей (*). - Сказка – вред.

- Добрым молодцам - урок! - в один голос заорали мы, быстро

сообразив, в чем на самом деле была основная русалочья примочка, и чем она губит моряков.

- Вот вам - и роман с рыбой, - сказал тот из нас, кто только что был самый смелый, и обширно, с удовольствием, облизнулся.

Однако все это нас не остановило, - мы еще не такое едали, особенно во время добровольных, и не очень, ссылок, экспедиций, порой даже на тот свет. (“ А в Альпах, ты ел такую падаль, говорят, что видевшие замертво валились”*)).

Дружно воткнув четырнадцать вилок в чешуйчатый зад, плюс полный комплект виртуальных когтей Муррза (это он привёл с собой ловчего, которого не звали*), и сглотив по копченому куску, мы немного успокоились и склонились к беседе. (Как ни крути, вагина оказалось вкуснее ягодиц, что-то в ней все-таки есть, иначе б из-за нее не умирали, и не возрождались из пепла, аки попугай Елены Станиславовны Боур, целые цивилизации.

- Рыбы, они хоть хотящие, но верные, - заявил тот из нас, кто в разное время откармливал у себя львиц, скорпионов. - Этой рыбе ноги - хрен раздвинешь.

- Большинство спятило, изображая психов.

- И не дай Бог им (нам) в руки дадут по вилке концелярской.

- А кто нам, собственно, не даст?

- Да, - сказал на это Одиссей (*), дожевав свой кусок сирены. - Главное в домашнем хозяйстве, это...

- Мастурбация? - хором догадались мы.

- Да, - не стал спорить (*), хотя хотел сказать “корова”.

—
Для кого – лёжка тёплая, а для кого – огневой рубеж. И Первый, как Последний.

Поев русалку, и свершив, столь характерный для ацтеков, канибаллический обряд - лучшему воину достается на съедение лучшая часть; тот из нас, кто был лучший духовидец (это был Одиссей (*)), взмахнул железным кубком, и вскричал неповторимым гласом:

- Братья! Я как будто стал видеть усопшие тени, как говаривал наш любимый Гомер, “милых мертвых”. Считайте, что мы сожрали то, что заново откроет нам мир. Кого вы желаете выслушать?

Сначала со своего места привстал Патрекей, сказав:

- Казаки! А на вас на (ПИСК), всё равно с вами разговаривать бесполезно, - взвалил мешок запарки, и ушёл кормить свою небесную стаю;

мы решили, что если призвать дух Великого Мастурбатора, то он быстро уведет нас от дел своими притчами, и потому вызвали Великого Мистификатора - он сразу явился, вызвав общее головокружение, - оно у нас считалось признаком грядущего успеха.1*

-----
1. Если он не головокружительен, то это уже - не роман. Любовь с листом бумаги может быть и в клозете, однако это роман извращенный, характерный для чисто славянского, намешанного на всех народах бывшего СССР, эстеблишмента, где если и существуют сортирные книги, то исключительно с газетными текстами, - отсюда и их качество - откуда нам взять объективную прессу, если оной не бывает?!*

Борхес сел на почетное место, надел свои толстые очки, и извлек книгу Морриса, где речь шла о сиренах.

Мы сперва вытянули, а потом втянули наши могучие шеи - мало кто верил в существование этих замысловатых существ, до тех пор, пока сами не испробовали это неповторимое блюдо на вкус.

- Первые, подготавливающие образы - само очарование, - начал свою лекцию о бабах-рыбах, приглашенный Великий Мистификатор - Безмятежное море, душистое, как апельсин, дуновение бриза, таящая опасность мелодия, которую вначале считают колдовством Медеи, проблески радости на лицах безотчетно слушающих песню моряков и проскользнувшая обиняком правдоподобная деталь, что сперва нельзя было различить слов:

**And by their faces could the behold
How sweet in was, although no tale it told,
To those worn toilers o er the bitter sea 1 ***

**1. И по их лицам царица могла понять,
До какое степени это пенье трогало их сердца, хотя оно ни о чем не рассказывало,
Волнуя тяжких тружеников соленого моря. *.**

(Чем мы не самые тяжкие труженики (считай, каторжане - собственной музы*), а чем море наше - не самое соленое? (от наших безутешных слез - во имя мира*); воскликнул тот из нас, кто особенно к этому времени устал*).

- Все это предвещает появление чудесных существ, - продолжил Х.Л.Б. (*). - Но сами сирены, хоть и замеченные в конце концов аргонавтами, все время остаются в некотором отдалении, о чем говорится опять-таки вскользь:

... for they were near enow

To see the gusty wind of evening blow
Long locks of hair across those bodies white
With golden spray hiding some dear delight 2*.

-----
2. “...ибо они находились достаточно близко,
Чтобы почувствовать порывы вечернего бриза;
На их белоснежную грудь спадали длинные локоны,
Смоченные золотой росой, скрывающей какое-то
таинственное очарование”*

- Последняя подробность, - все больше распаяясь, рассказывал нам Х.Л.Б., - золотые брызги (то ли от волн, то ли от плескания сирен, то ли от чего-то еще), - таящие желанную отраду, - тоже несет побочный смысл - показать привлекательность этих чудесных созданий. Та же двойная цель просматривается и в другой раз - когда речь идет о слезах страсти, туманящих глаза моряков. (Оба примера - того же порядка, что и венок из листьев, украшающих торс кентавра). Ясон, доведенный сиренами до отчаяния и гнева, обзывает их “морскими ведьмами” и просит спеть сладкоголосого Орфея. Начинается состязание, и тут Моррис с замечательной скромностью предупреждает, что слова, вложенные им в нецелованные уста сирен и губы Орфея, - лишь бледный отголосок их подлинных древних песен....

И сирены поют, превозмогая счастье, быстротечное, как вода.

“Such bodies garlanded with gold, so faint, so fair” (эти тела, украшенные чистым и светлым золотом*), и, споря с ними, Орфей воспекает надежные земные удачи.

В этом месте рассказа тот из нас, кто был на данный момент самый любознательный, слепил летом снежок и забросил его в адское пламя, затем взмолился (это ему принадлежала идея

пригласить третьим из Великих - Мистификатора*),

- Будьте любезны, если можно - подробнее о самих русалках, и самое главное - от какой рыбы у них такие вкусные ... хвосты, - с этими словами, доводящих вопросы студентов и ответы профессора, до полного парадоксолизма, он извлек из широких штанин, "дубликатом бесценного груза", портативный компьютер, и приготовился записывать.

Пожалуйста!

«...и, споря с ними, Орфей воспекает надежные земные удачи. А сирены сулят бескрайнее подводное небо, roofed over by the changerful - "под кровлею изменчивого моря, как повторил бы бве с половиной тысячи - или только 50 ? - лет спустя П. Валери. Сирены поют, и толика их угрожающих чар незаметно закрадывается в целительную песнь Орфея. Аргонавты минуют опасный участок, но уже на порядочном отдалении от острова, когда состязание позади, высокий афинянин, метнувшись между рядами гребцов, внезапно бросается с кормы в море.

- За веком век они меняют обличье, - сказал Х.Л.Б. (*). - Их первый историограф, рапсод двенадцатой песни "Одиссеи" вообще не упоминает о том, как они выглядят. У Овидия - это птицы с розоватыми перьями и девичьим ликом, у Аполлония Родосского - верхняя часть их тела - женская, нижняя - птичья, у несравненного Тирсо де Молины, как и в геральдике, сирены - "полуженщины, полурыбы".

Не меньше спорят о природе сирен. Тирсо называет их нимфами. Классический словарь Лэмприра тоже причисляет их к нимфам, а словарь Кишера - к чудовищам, тогда как, по словарю Грималея, они - демоны.

Обитают сирены на одном из западных островов неподалеку от острова Кирки, однако останки одной из них были найдены в Кампанье. Звали ее Пантеопа...

Здесь Одиссей (*) загрустил, должно быть, вспомнил о доме.

- Она дала название Неаполю, между прочим. Географ Страбон был на ее могиле и описал гимнастические игры и бег с факелами, которые время от времени устраивали в ее честь. “Одиссея” утверждает...

- То есть Гомер.

- Ну да, Гомер, утверждает, что сирены завлекали и губили своим пением моряков. Поэтому Улисс, желая услышать их песнь и вместе с тем остаться в живых, залепил воском уши гребцов, а себя велел привязать к мачте крепкой веревкой.

Искушая Улисса, сирены сулили ему знание обо всем на свете.

(Появился Гомер, настукивая себе пол своей курортной палочкой*).

ГОМЕР.

**Здесь ни один не проходит с своим кораблем
мореходец,**

**Сердцеусладного пенья на нашем лугу
не послушав;**

**Кто же нас слышал, тот в дом возвращается,
многое сведав.**

**Знаем мы все, что случилось в троянской земле,
и какая**

**Участь по воле бессмертных постигла
троян и ахеян;**

**Знаем мы все, что на лоне земли
многодарной творится.**

- Да, - сокрушался кто-то из нас. - Теперь понятно, почему перед началом следующей тысячи Господь Бог спускает с цепи дьявола, упражняясь в попущении. Нынешние капитаны могли повестись только за бабки (наличные*). А на теток - наплевать. Попран

основной закон природы - знания размножения. Кентавр - он тоже помесь козла бородатого с пегой с кобылой, и что ж теперь, не исследовать этот вопрос, так сказать, со всех сторон?

(ИЛЛЮСТРАЦИЯ)

- Одно из преданий, - продолжил Х.Л.Б., дождавшись, когда студент устанет, - собранных мифологом Аполлодором в его “Библиотеке”, гласит, что Орфей, плывший на корабле аргонавтов, спел настолько слаще сирен, что они бросились в море и обратились в скалы; повинувшись собственному закону (!!!*), сирены должны были погибнуть, если кто-то оставался неподвластным их чарам. Напомню, что сфинкс кинулся в пропасть, когда его загадку разгадали.

Эта греческая метаморфизация пушкинского клише «чем меньше мы бабу, чем она чаще» слегка успокоила умы: надо петь слаще.

- А до нас поймали хоть одну? - допытывался тот, кто был рыбаком, и, будучи неподвластен обычному разуму, сам себя слал на испытание (за рыбой*).

- О, да! - воскликнул З.Л.Б. (*). - В 6-м веке на севере Уэлса местные жители поймали сирену и окрестили.

- Ни фиги себе! Прямо в рыбьем хвосте?!

- Точно. Под именем Мурган она упоминается в старинных сборниках как святая.

Тут мы все переглянулись, и поняли что у всех возникла одна и та же мысль, один даже подавился рыбьей костью, но ему быстро врезали по спине, и он успокоился.

Между тем, профессор продолжал:

- Другая сирена, в 1403-м году, проскользнула сквозь брешь в плотине, попала в Харлем и прожила там до самой смерти.

Никто ее не понимал, однако она выучилась прятать и, словно по наитию, поклонялась кресту. Хронист XV века решил, что это была не рыба, иначе она не научилась бы прятать, (хотя и поклонялась кресту), но и не женщина, поскольку могла жить в воде (женщины в воде не живут).

Английский язык различает классических сирен, и сирен с рыбьим хвостом. Последних описывают по аналогии с тритонами, божествами из свиты Посейдона.

В десятой книге “Республики” восемь сирен ведают вращением восьми небесных сфер.

“Сирена” - вымышленное морское животное”, - гласит зоологический словарь.

- А есть ли у них что-нибудь общее, скажем, с химерами? - задал, наконец, свой вопрос Одиссей (*), и немедленно получил квалифицированный ответ, - сразу было видно, что разговаривают два сугубых материалиста.

- Первое упоминание о Химере находится в шестой песне “Илиады”, - свказал Х.Л.Б. - Там написано, что она была божественного происхождения - перед льва, туловище козы, хвост змеи; она изрыгала из пасти огонь, и убил ее, как это и было предсказано богами, красавец Беллерофонт, сын Главка. Помните Главка?

- Ну конечно.

- Ну, так вот - голова льва, брюхо козы, хвост змеи - таково самое естественное ее описание, содержащееся у Гомера, однако “Теогония” Гесиода приписывает ей три головы, и как она представлена в знаменитом бронзовом изваянии из Арццо,

датируемым пятым веком. Посередине хребта у нее козья голова, на одном конце змеиная, на другом - львиная. Слишком она гетерогенна, вам так не кажется?

Нас всех аж передернуло, “Господи всемогущий! - думали мы. - Что ж мы сожрали на ужин?”

- Нам так кажется, - сказал Одиссей (*).

- Ну, так вот - сирена, это совсем не химера. У вашей девушки же, вы сказали, был рыбий хвост.

- Видите ли, - сказал тот из нас, кто первый заорал, увидев блюдо: “Гаси свет, будем знакомиться!”, - мы не видели остальную часть. Вы сказали, что у несравненного (хвала ему за это*), Тирсо де Молины, русалки...

- Сирены.

- Ну да, просто у меня от их воя просыпается генетическая ненависть к войне. Сирены - “полуженщины, полурыбы”. Так вот, от женщины там как раз осталось...

- А что, самое главное! - воскликнул тот из нас, кто в живой женщине никаких признаков, кроме вагинальных, знать не хотел.

- Пусть так, но там все равно была рыба, а вот ниспадающие на грудь локоны, сияющие морским блеском глаза, губы, ничего такого мы не видели. Мы попробовали хвост, ну и...

- Понятно, - сказал Великий Мистификатор (*). - Тогда это могла быть и не сирена, а, скажем, задняя часть тунца.

- А как же...?

- Самка тунца. А кто вам сказал, что это была сирена?

- Об этом нам сказала наша муза, - дружно застонали мы, мужья ученые.

- Муза всегда права, - сказал Великий Мистификатор. - Так мыслил слепой Гомер.

- А чем они, эти, сирены, они же - русалки в основном, занимаются? - сглотив пинту пива, спросил тот из нас, кто уже решил завести сирен у себя в ванной - вместе с крокодилами, это было видно по горящим огнем желанием глазам. (Похоже, он про себя уже все решил, и вопрос этот был задан исключительной целью забыть и химерах - они его и так достали - в гражданской жизни*).

- Они поют, - с уверенностью в голосе, сказал Х.Л.Б. - Сирены поют, и толика их угрожающих чар незаметно закрадывается в целительную песнь Орфея. Аргонавты минуют опасный участок, но уже на порядочном удалении от острова, когда состязание позади, высокий афинянин, метнувшись между рядами гребцов, внезапно бросается с кормы в море.

Мы повспоминали, самые свежие художественные “русалочки” выходы, - среди них оказался культовый фильм А. Рогожкина “Особенности национальной рыбалки”, где в прекрасной, магической истории про старинное мужское братство, связанное то ревушим, то плачущим “сороковым” градусом, златокудрая русалка, уводит рыбака сарай, похожий на сортир, оказавшийся в последствии электробудкой высокого напряжения, на которую местный егерь забыл прибить “Веселого Роджера”.

Далее шел MTV-шный клип “Игорь Сорин и Формация”, где показываются девушки, китовые хвосты, автор поет песню отчаяния, которая, как всем известно самая прекрасная песня. Текст ее короток и внятен, как пронзительный крик дельфина: “Русалка, плыви за мной”.

Один из нас, тот, кто узнал первое качество ГОНа в отроческом возрасте, сперва напрягся, а потом и вспомнил, что после просмотра японского полнометражного мультфильма “Русалочка” в 1976-м году (который тогда еще кинокоммерсанты не испоганили сериалом*), он стал писать стихи, и привязался веревками к тахте - до того хотелось любви.

Нынче он решил, что его постоянно преследуют всякие напасти после того, как Русалочка с раскосыми глазами возбудила в нем юношескую любовь. Он сказал, что последнее время взлетали на воздух все наиболее активно посещаемые им места - от 20-го этажа гостиницы “Интурист”, до расположенного неподалеку универмага в “Охотном ряду”, где он постоянно тренировал на игрушечном мотоцикле, дабы не потерять форму, и читал листовки компании дебилов, именующих себя революционными писателями.

Всем нам стало ясно, что он принял какое-то решение, мы молча вышли на палубу, а позже налечь на весла, но прежде мы выстроились по оба борта “Нового Ковчега”, дабы поднять боевой флаг (“Веселый Роджер”*) - всем стало ясно, что предстояло последнее сражение - за истину.

Между двумя рядами пробежал тот, кто только что жаловался на первую любовь, и по совместительству лучше всех плавал (это у него легкие были - все 12 литров*), взял за конец фал, и нырнул в воду - пожертвовав собой, он решил ловить сирен (русалок*) - на самого себя (любимого живца*).

Что делать – команда-то, одни еба(ПИСК)нутые.

На девятый день похода “Крейсер Шмидт” напоролся на мель, капитан сказал то же самое, что говорят на разных языках в этом мире капитаны всех времен, народов, цветов кожи и форм (фигур*) задницы; в нашем повествовании такое уже прозвучало:

(ПИСК). отплавались.*

Начался отлив, и “Крейсер Шмидт” заторчал посреди океана, как белая слива, медленно встающая на бобовое ребро.

Капитан и командор сидели в своем любимом отеке - рулевом кокпите, и грустно оглядывали порожнюю бутылку рома.

- Когда-нибудь об этом напишет какой-нибудь советский сказочник, - сказал великий комбинатор, глядя с возрастающего борта на уровень моря. - С поправкой на вранье.

- Чье вранье? - спросил капитан, и с отчаянной силой раскрутил штурвальное колесо - разумеется, вправо - то превратилось в пропеллер, и это означало, что перо руля “заторчало” над водой.

- Разве это похоже на правду?

Оба джентльмена, не сговариваясь, взглянули на нос качающегося, как та скала в Аризоне, показывающая на золото апачей, которое прикарманил честный шериф Маккена.

Хулио, качаясь в гамаке, прикармливал Феникса коноплёвыми зернышками, и тот, задрав крыла, расхаживал по палубе, и склевывал их, аки домовый воробушек.

— А как кончится еда?

— Изловим русалок, шибко глупую сожрём.

- Может, умную?

- Нет. Мозги раздражают меньше.

Из камбуза вылез хромый Балаганов, облаченный в кровавые атрибуты корабельного кока: поварской колпак, и фартук. В здоровой руке он сжимал тесак, и все это выглядело так, как будто из своей норы вылез людоед-извращенец.

- Н-да, зрелище не для беременных, - задумчиво произнес Остап.

У Великого Комбинатора был такой вид, будто он до сих пор не знал, что весь этот морской театр - давно не игра, и он быстро решил перевести тему.

- Короче, все перекрылись. А когда пойдём в плавание? Когда этот самый отлив?

- Здесь не может быть ни прилива, ни отлива.

- Что же происходит? - не понял Остап Бендер.

— Вот его спросите, - сказал Никита Оттович, и вытряхнул себе в рот, какую-то забытую каплю из пустой бутылки гаванского рома, тем самым демонстрируя основной риск дальнейшей жизни - на воде.

- Он-то знает.

— Кто, Балаганов?

— Да нет, птица Феникс.

- А вы что думаете?

- Согрешили.

- Да уж, - задумчиво произнес Бендер, и, сощурился, взглянул на Солнце. - А грешник что ни день, грехи свои усугубляет. 2.

-----
2. В борхесовском “Бестиарии” упоминается “Книга о царях” Фирдуоси, где собраны и переложены в стихи древние иранские легенды. Фарид-ад-Дин Аттар в XIII веке возвышает его до символа или образ божественности. Это изложено в “Мантук-аль-Тайр” (“Беседе птиц”*). Содержание аллегории, состоящей из примерно четырех с половиной тысяч двустиший, (наш роман, не смотря на свой внушительный объем, греется робостью, по сравнению с этим бессмертным трудом усидчивых мусульман*), прелюбопытно.

Обитающий где-то далеко царь птиц Симург роняет в центре Китая великолепное перо (конечно же, как в случае с нами - ангелами небытия - рулевое*); птицы, которым постыли раздоры, решают отыскать его. Они знают, что имя царя означает

“тридцать птиц”, знают, что его дворец находится в Кафе, горе, или горной кольцевидной гряде, окружающей землю. Вначале некоторые птицы выказывают малодушие: соловей ссылается на свою любовь к розе;

попугай (здесь мы не сможем проигнорировать того знаменующего момента, ради которого собрались - в числе двенадцать*) на свою красоту, ради которой он должен жить в клетке; куропатка не может расстаться со своими холмами, цапля - с болотами, а сова - с развалинами. В конце концов они пускаются в дерзновенное это путешествие;

преодолевают семь долин и морей; название предпоследнего из них “ Головокружение”, последнего (!*) - “Уничтожение”. Многие паломники дезертируют, другие погибают при перелете. Тридцать же, достигших благодаря своим трудам очищения, опускаются на гору Симурга. Наконец они ее узрели, и тут они понимают, что они-то и есть “Симург” и что “Симург” - это каждое из них и все они вместе.

Когда Господь одарил нас счастьем знакомства с этими комментариями Великого Мистификатора Борхеса, - не смотря на его посмертные заверения о том, что он ждет смерти, забвения и забвения, мы поняли одно - называйся мы людьми, птицами, рептилиями, кем угодно - мы все есть нечто, что каждое из нас. *

Индеец, перегнувшись через носовой релинг, привлек внимание великого комбинатора, и кивком показал ему вниз.

Остап присмотрелся - если бы он к этому моменту их коллективного похода не верил Хулио больше, чем самому себе, он бы решил, что под килем просто резвятся дельфины. Однако, как он не протирали глаза, и не делал упреждение на качку, солнце, нервные переживания, банкротство, обстрелы, стрессы и т.д. - внизу плескались девки с рыбьими хвостами, которые крутились вокруг вставшего на киль

“Крейсер Шмидта”, как персидские рабыни в лагере Александра Македонского (Дворогого), под предводительством дочери царя Дария - Азаты.

- Приготовься, отец, сейчас они тебе споют, - предупредил Чкалов, Остап взглянул на него - тот был серьезен, как никогда.

Великий Комбинатор бросился на корму - Балаганов спал сном праведника на куче парусов.

Капитан Шмидт-Паниковский, отрезав одним из своих охотничьих ножей куски от паруса, запихивал их в уши бортмеханику, - как только он закончил эту процедуру, океан стал наполняться какими-то звуками.

Никита Оттович вытянул жевательную резину изо рта, и любезно предложил командору пробега заткнуть себе уши.

Сам же он кинулся к мачте, и, прижавшись к ней, сцепил руки за спиной.

Капитан “Крейсер Шмидт” закрыл глаза, и стал ждать, пока окаменеет.

Остап с недоверием посмотрел на жевательную резинку, потом на Балаганова с торчащей из ушей ветошью, ввинченной капитаном ему в уши столь ладно, что, казалось, парусиновую тряпицу пропустили сквозь голову.

Песнь набирала силу, капитан у мачты стал стонать и обливаться потом.

Казалось, весь этот мир - и океан, и море, и горизонт, и яркое, как свет ядерного взрыва, солнце, все стало вибрировать, - “Крейсер Шмидт” превратился в авианосец, вокруг которого над водой зависли все его истребители одновременно - как один - вертикального взлета.

СМЕНА ПЛАНА

ДАЛИ ОДИССЕЯ

Случилось так, что Патрекей (кому до сих пор не ясно, кто лучший на Руси и в Небе ловчий, пусть даст ему займы, - он всегда отдаёт, но только через сто лет, если просить чаще, то это его раздражает, и говорит он при этом одно и тоже: ЛОВЭ, ЛОВЭ, ЛОВЭ...),

Выудил этот самый диск, который мы все имеем счастье поиметь, чем Бог послал, глазеть его и слышать, увидел автограф Мастера, подтерся салфеткой, а уж потом занюхал – всё вокруг благоухало.

23. Далифлор, - сказала Гала, прямо из склепа, ожили далианские зверушки. – Этот аромат затмевает любое дерьмо, это правда, как правда то, что Ниагара по сравнению с Игоасу, роняющим воды в глотку дьявола – струя младенца.

- Но только не Патрекеевское! – взмолились мы, но, как говорится, не упомяни, да в такой вдобавок суе.

За такой недвусмысленный комплимент ловчий рассказал нам, как со стороны выглядит влюблённый человек.

- Ну и как, - спросили мы, все подрят влюблённые – во всё, ЧТО ДВИЖЕТСЯ, И, ДВИГАЯСЬ, ГОРИТ.

24. То есть?

25. ??????

26. А, ну да – вот стоит человек, у него голова, в ней рот, а по бокам уши – так вот ртом он сворачивает трубочку, говоря. ллююю,

А из ушей у него вылетают ноты, соединяясь в единую мелодию этой самой «ллллюююююю».

Человек в это время выглядит счастливым, туда вам и дорога.

Нам оставалось выяснить немалый (и нехилый*) для себя вопрос: когда женщина начинает отличаться от богини, и кто из них – любви.

Или ещё конкретней: какое должно быть выражение лица у той, что попросту взяла тебя за хрен и повела куда следует – у неё для этого есть все отпущенные сатаной возможности, в тот момент, когда та испытывает оргазм, тот самый, когда каждый из нас (!)* мог бы начинать задумываться: кто это?

Тут за хрен взялся Одиссей (*), за свой, слава богам, за собственный:

- У неё должно быть красивое лицо, уж если мы в него так часто смотрим.

- И всё?

27. Остальное по мелочи: когда она «в оргазмах», то у неё в глазах должен быть прежде всего ужас, а потом уж – восторг, и та самая искра, которая высекается каждый раз – как в последний.

Это как в настоящем спорте – посмотрите в их лица, какие там страсти бушуют. Особенно у спортсменов – о мужиках не говорю, о

них позже (если доживём).

(Это при договорённости, что у них нет нас, у нас нет никого, иначе и речи не пойдёт о свободе, ибо как тут недавно выразился кто-то из нас:

ибо мужчина и женщина суть планет таких далёких, что вместе они не могут называться людьми).

28. Так что дальше?

29. Дальше тишина. Её рот (он чувственен, но не как ТА Самая Улыбка, о которой так и не спел Леонардо);

Её глаза растворяются по всем окружающим нас морям, ибо они занимают большую часть всего;

30. А страсти? Божественный Сидхарх учил от них избавиться. А Борхес перевёл с санскрита на испанский.

- Это может быть планета слёз, но слёзы эти – всё равно от лукавого, ибо накапали тот океан, что вас сейчас окружает.

31. А голос? Что с её голосом.

- Надо любить её голос. Ибо Господь подал нам знак: вокруг нас хреновых голосов не бывает.

Скажем: он отгородил нас от скверны, и оставил лучшее, что было, ибо уповали мы на то, что избраны услышать эти голоса.

Потом Патрекей написал нам письмо, то самое, которое приплыло в бутылке – прямо сюда – «То были голоса сирен».

В бутылке был, разумеется, сортирный рулон, расписанный, как школьная шпаргалка со шрифтом, только нам известном, ибо пузырьёк этот всем и нам, всего лишенным (болтаемся, не зная

наслаждений*).

Далее:

«А письмо сие гласило, милый Фрол я вся изныла», но это к делу не относится:

скажите хитрожоному (*), что голос сирен подобен не звуку, а сладкому яду, это как передоза (я напоминаю), после которой следует полет из того (ПИСК)здатого лона, которое - суть мать земля: царствие Аида.

Я сам как-то бурил на Тенгизе, и вскрытие это кончилось фонтаном того самого яда, после которого был взрыв, и множество наших тогда погорело, ибо яд этот пустила сама мать земля за то, что мы её дефлорировали не святыми молитвами, а железным турбобуром.

Я засунул тогда руку в рукавицу, а в рукавице сидела скорпионова самка, та, что вечно целит в стрельца, и тогда, загибаясь, я слышал эту песнь».

Мы прочли инструкцию, прошла Троянская война, и в следующую ночь нам приснилось, что мы уже не спасаем тонущий «Ковчег», а воем под луной, выстроившись на палубе, по щиколотку в соленой, мутной воле – от грота к носовому лееру:

NATURE BOY

Одиссей (*) сидел на носу у той Афины, что была к носу «Ковчега» прибита 150 мм гвоздями «люкс»;

и думал, как несправедливо, что в этом бесконечном плевке –

вперед он обделен обыкновенными житейскими удовольствиями.

Наши бабы – как олимпийские шлюхи в Сиднее двухтысячного, дают только золотым медалистам, а золото все – у нас в мешках, тех, что с перепоею.

Вспоминая этот, самый душераздирающий подвиг (*), Патрекей докладывал тоном освятившегося четвертью старца:

**- Самая дурацкая пословица: что не делается, к лучшему.
Во – первых, любых баб надо драть четыре раза в неделю, не чаще, и чтоб они раз в неделю размножались, и драть – вожжами.**

Во вторых, представьте себе: не трахнула бы эта самая Елена этого, маза фака, Париса, не встрепенулся бы муд(ПИСК)ями Менелай, не гнали бы стропила на Троянского коня, не налетели бы на этот проклятый столб, не была бы битва, не заплыл бы Одиссей сюда, в этот морской перекресток, где налево, направо, вверх, вниз – сплошное вранье; чтобы привязаться к мачте, и начать ползать придатку по порткам, чтоб забиться об ширинку – сразу насмерть.

Представляете, ребята, мы могли полностью охладить сердца, и заодно подлечить нервы, бывают же красивые обычаи в этом мире: вырывать из кузницы клинок, и закалять его на скаку, но кто, скажите мне, кто отменил эту красоту – бабу драть вожжами, и вожжами же привязываться к мачте?!

А привязывать их, и драть надо потому, что они потом каменеют, и превращаются в статуи - Великий Александр, тот, чьим именем (*) назвал своего Буцефала, собирал таких, и уставлял ими пыльные дороги Евразии – по совету Аристотеля.

Девушки! Нас нет с вами, потому что мы – вечные путешественники, и нам то прёт, а то не очень;

нас нет ни с кем, потому что мы – друг с другом;

за нас даже никто не беспокоится, потому что знают – мы всегда побеждаем, нет, случаются, конечно, и пьяные отклонения, но это было давно – в те времена, когда мы были молоды, более сильны, но менее (*), ибо теперь мы бьем сразу и насмерть, потому что хватит, времена, когда парням заявляли: становись и дерись, давно прошли – как-то раз один такой встал и сразу начал стрелять.

(Мы так завспоминались, что полностью забыли про сюжет, но Дива направила нас – она летала за облаком, мелькая черной кожей*).

Ее так и не отодрали, а выдрали сами себя, как та унтерская вдова, да еще теми же вожжами привязавшись – на такое способен только (*), и то, ребята, запомните, ребята – он отдувается за всех вас, он спасает вас, он ведет вас, он страдает за вас – потому что вы не слышали тех песен, что слышит сейчас он – ваши уши закрыты, и ваши сердца холодны – и не дай вам бог во всех последующих жизнях узнать столько страданий, сколько их перепробовал Одиссей (*) – это вам не наркоту месить.

Мы вняли Патрекею, и обратили взоры к покорённой Трое – в невольничий рынок.

Он сорвал с её то чёрной, то белой груди долбанного жука, скоробя, этот символ сучьей власти – катать перед собой шар, и думать, что катит мироздание – и все между ног.

Боже! Как он пожирал ее глазами – она стояла пред ним, синегалка из племени валав, и тихо одевалась, а потом раздавалась, и всё по команде, болея за расу;

он был привязан к мачте, и пожирал ее рыдающими веждами – моя Динорах! Моя дивная музыка! Я искал тебя столько лет, а теперь я

привязан. А Будда сказал – привязан не будь!

(Напомним, мы его стонов и её заморских песен не слышали, потому что выполнили приказ капитана – залепить уши, правда, неизвестно, сколько мы уже гребём – в глухую, но другого приказа пока не было, и сколько лет Одиссей (*) у своей мачты надрывается – не ведаем).

Эта черная статуэтка знает, что делает: она показывала, что этот мир полон любви, но мы, все те, кого носит и ГОНяет, закованы по мачтам собственными чувствами – и если их нет, то нет слова, а оно вначале было, и круг этот убивает, потому что потом – кроме боли – ничего, и зачем мы только уродились в этот свет, Господи, к чему эти вечные скитания, а как только перестаём пить и курить, так сразу становимся сами себе подозрительны; и только увидев все это (*) тысячу раз пожалел, что привязался, и не бросился богиням – навсегда, и застрял, как чопик в жопе.

Она была стервозна до такой степени, что Одиссей (*) почувствовал, как ходит по ветру его жилистый член, как он начинает извиваться, подниматься, опускаться, и, наконец, унижаться перед (*), то есть – самим собой, мол, давай, вперед – ибо для (*) его внутренним голосом всегда был его член, и только он.

Но главное не это – главное, что он всегда был нам КОМПАСОМ, и когда эти магнитные поля (Сирены*) начинали чумить нас по кругу, и кружить нам сердца, то сразу становилось ясно, что вот он, этот образ мудрого Патрекея, который говорит нам:

«На вас благодать, а вы даёте этим голосистым тварям убивать вас – медленно и верно.

Идите в лес, метните ГОНчих, послушайте голоса тех, кого за то, что врёт, стреляют на месте, и наши ГОНчие в тысячу раз счастливей нас, потому что у них единственная страсть – это ГОН,

а когда ГОНа нет, когда у выжлеца начинается спокойная жизнь, то он уже ни на что не годен, и он идёт за это на смерть.

У нее светились в ночи ее черные глаза – зеленым огнем, и была она – совсем из другого мира, примерно из того, где шастает наш черный кот Муррзик.

Тот, которого нет.

От нее по спине Одиссея разливался героиновый смерч – от верхнего двоежопия, вверх, и бил по затылку своей страшной волной, которая была – смерть, которую никогда нельзя передозировать.

Потом она на глазах привязанного Одиссея (*) слилась со всеми нами, и тот заорал, чтоб его отвязали, но мы его не слышали, ибо он сам велел залепить нам уши.

Одиссей возопил, мол, развяжите, гады, это же я вас усадил в Троянского коня, это со мной вы побеждали врагов, что ж вы теперь со мной делаете?!

Но мы не слышали его: глухи мы были, и делали своё дело – имели сирен, которые улетали, как музыка над синим морем, показывая нам то белую, то черную, то желтую прическу, и розовый язык – где же вы, где же вы, мои верные гребцы?! – надрывался Одиссей, и в это время справа ударила волна, как война – и если бы веревки не разорвало, то от него осталось бы голое мясо – и только тогда, когда накрыло волной.

Тогда мы пропели заветный псалом:

Рука трусы снимать устала!

Нога трусы снимать устала!

И ты устала!

И ты устала

Устала ты.

Нас накрыло новой волной, а потом еще и еще, нас било о палубу ковчега, как будто на нас падало вместе с морем еще и небо, нас хреначило обо всё, что можно, но мы рыдали, смеясь, потому что всё равно – не было счастливей нас, никого и никогда.

Хоть и било яйцами о палубу дубовую – да так, что они трещали по швам, все равно – ребята, в этой стране еще есть тюрьмы, и там творится такое, о чем даже подумать страшно даже нам, играющими с черноглазой смертью, ибо играем мы – на свободе того корабля, к мачте которой привязал себя Одиссей (*), ибо он тут командует, а мы гребем.

Много позже мы выловили бутылку с гомеровской новеллой, и начитались вдоволь – мы тогда не знали о всех страданиях Одиссея (*), ибо он виду не подавал, но в конце концов сдали нервы.

А вот ещё, в «довесок», как перебить этот сучий адреналин : регулярно являться в компанию объевшихся грибов побритых панков – в мексиканских пончо – и все, поголовно, оголяют свои яйца – у каждого по три корзины, а в корзине – яиц числом тринадцать;

быть на приёме у своего психотерапевта, точь в точь, как интеллектуальной порнухе (или порнуха для интеллектуалов, где при любом, даже самом идиотском сюжете присутствует стильная (ПИСК)зда, путешествие по которой и есть этот новый спорт – на все времена – мозголозанье;

отдавать голову на эти сладкие речи – они ведут в могилу, (ибо тогда (*) еще не привязался к мачте*);

держаться за руки кубинских моряков, когда они сбрасывают тебя в лунную ночь на спину горбатого кита, прямо на том месте, где поднял своего марлина старик Хемингуэя, еще секунда, и ты уже счастлив, как никто на этой земле и в этом бескрайнем море;

рождаться и сразу помирать, курить эдельвейс, за которым накануне была отправлена экспедиция – этот цветок нельзя рвать, а тем более раскуривать, просто до него надо вовремя добраться.

Переглянувшись и поняв, что мы уже давным - давно свободны, что называется, с утра, мы спросили про нирвану, и про тот самый колодец, о котором рассказывал (*), когда его, наконец, отвязали.

- Да (ПИСК)зда – этот колодец и есть, - сказал Патрекей, и предложил жестом трехпудовому Муррзу запрыгнуть ему в дырку из-под газырей, - тот, разумеется, смог, ибо не был таким слабым существом, как человек, и давал волю чувствам только в марте, он ходил идя на смерть зная, что бессмертен (да и не было его).

Когда история дала новый оборот – в круг этой бесплатной арены, где каждый, кто смотрит - пришел по контрамарке, мы в очередной раз вразумились, что (*) не ошибается, на то он (*) и есть:

Сирены сдались на его волю, растворили свою любовную песнь в волнах, и стали ласкать тех ракушек, что присосались к днищу;

вот так всегда бывает, что львиная доля кайфа достается тем, кто его, возможно, и заслужил, но всё равно – меньше нашего;

не имели бы мы своей доли предательской любви, рухнул бы Ковчег – прямо на дно, минуя бездну.

- Знаете, что было потом? – спросил ловчий Патрекей.

- Ну, конечно, это ж мы и есть.

- Ни хрена это не вы.

ТЕ были воины, а вон, впервые в жизни льёте слёзы не от горя, а от радости, да и то – всё по бабам, взглянули бы лучше на собственные члены – они у вас – строго через одного, отрублены в боях, а у кого

остались, то мочатся, как в сито.

Так что, друзья мои, найдите время и всплакните по себе.

Сирены взяли Одиссея (*) за член, и потащили за собой, но привязан он был, и стал его член не компасом, а перископом, ибо мы уже задривали люки.

- Друзья мои! – крикнул он нам на прощанье. - Только мои слова вылечат Вас от депрессии: вспомните дневники маршала Роммеля – высокий образец того, как можно проиграть битву, и остаться в веках: с этими союзными суками сражаться бесполезно.

СМЕНА ПЛАНА

ДАЛИ ОДИССЕЯ

Балаганов вскочил, обо что-то добил себе башку, бросился за борт, и стал наяривать хорошим, стильным, баттерфляем, по безымянной широте, - он плыл, преодолевая каждую новую сотню метров, с новым для всего олимпийского движения рекордом - сначала 51, потом 50, через 50 по сто - ноль, а потом в обратной последовательности, потом он преодолел антизвуковой барьер, но вся соль этого дамского коварства была в том, что ни сирен, ни пения, ни чего такого не было, ибо все это были сказки, которых не было также - был нарастающий поток звуков, которых могло и не быть, потому что ни кто в это время точно про себя не знал - есть он, или его попросту нет.

Долго еще над океаном громыхало: “врешь, не возьмешь”, - как эхо от вечного неудовлетворения, и жаждой быть всегда любимым, и никогда - преданным (и попраным*).

- Что, Крещение? Или народ пошёл топиться? - спросил Остап Бендер, но его никто не слышал.

Через некоторое время чьи-то ласковые руки, приняв достойную жертву, простили за перемену в названии судна, и опустили “Крейсер Шмидт” на воду: лодка покрутилась в “оверштаге” то вправо, то влево, как будто попала в гигантскую, ни с чем по силе не сравнимую, воронку, - для того, что бы развить такой вот финт, надо было иметь под килем глубину Марианской впадины 1.*

-----.

1. Небольшая историческая справка: в 1944 году из Японии вышла субмарина, несущая на себе 2 тонны золота.

Американцы запеленговали ее переговоры с субмариной нашего друга и любимца всех подводных флотов мира - своих и чужих, настоящий моряк не может не внушать к себе уважение, граничащее с тихим ужасом, немецкого капитана Ю. Бримана, и утопили ее глубинной бомбой и самонаправляющейся торпедой с воздуха. (Бриман тогда от злости чуть не сошел с ума, когда видел в своей перископ, как япошки бьются головами о переборки, задвижки и люки, падая на глубину, с которой не всплывает даже самое облегченное говно (то, что всю жизнь было на постной диете*))

Именно тогда выдал своему первому помощнику - как и положено, педерасту, реплику, которую потом столь часто повторял известный французский ловелас Ж.П. Бельмондо: “Как бы не были бескорыстны, это все таки впечатляет” (Фильм назывался «Игра в четыре руки»).

Позже, в 70-х годах, нанятое японцами геолого-разведочное судно, нашло эту субмарину “с первого захода” - то есть сделало то, чего не могли добиться кладоискатели всего мира в течении тридцати лет.

Однако, далеко опережая время (берем грех на душу, состарив одновременно такое количество молодых специалистов*), мы можем смело заявить, что золота в японской субмарине не было - его еще в Токио украл Шлюхенман, договорившись с императором о крупной взятке, которую, он , разумеется, императору не выдал, тот к тому

времени еще не испытал на себе ужас американской ядерной бомбардировки.

Все прекратилось столь же внезапно, сколь началось: паруса надулись свежим, прохладным атлантическим пассатом, и понесли яхту вперед, к несметным сокровищам Шлюхенмана.

Остап Бендер оглянулся - у своего столба все еще стоял, прикрыв единственный глаз, капитан Шмидт-Паниковский, у которого, с его прекрасного лица, все еще градом катился пот.

- Оргазм, - сказал певучим баритоном капитан, отваливая от мачты, и запуская моторчик авторуля, - гик сразу же переложил себя на правый галс. Потом Никита Оттович рванул на себя какой-то рычаг, и на фоне синего небо распустился, как огромная бабочка, красно-оранжево-желто-зелено-голубо-синие-феолетовый спинакер.

Яхта понеслась, как на крыльях.

- Двух человек потеряли, - сказал Остап Бендер, подходя к капитану, и обнимая его за плечо. - Помянем героев. Если тебя ставят перед выбором, сделай его сам. Ежесекундно вспоминая про то, что выбора - нет.

— Я бы помянул, да нечем, - сказал капитан, и вдруг вспомнил: там, прямо за тем томом Гомера, на которым он так давно не гадал, все еще грелся резервный пузырек.

Командор, видя перемену в лице капитана, сказал:

- Любая женская тайна, так или иначе, связана с сексом. Но не ядерную бомбу, в самом деле, она изобрела. Самая сильная воля у того, кто может отключить «любовный» центр, как говорят Мастера: отказаться от страстей. Но Мастера говорили о страстях, которые ещё не наступили.

- Вот видишь, папа. Боги взирают на нас благосклонно.
- Сынок! Даже если ты еб(ПИСК)ёшь Манну Небесную, никогда не сбрасывай Звонки. Папа начинает беспокоиться.
А на счёт покойников и дезертиров: Если ты внезапно (или плавно) помер – радуйся, во-первых:
А) Всё к лучшему.
Б) Не успел:
1. Сесть.
2. Согрешить.
- Это ты на счёт архиепископа? Я думаю: идут в попы
1.
От страха перед шпаной.
2.
От страха за грехи, вольные, невольные.
А страх – грех.

Сын трёх отцов кинул Фениксу конопельных семечек, улегся в гамак, и занялся своим привычным делом - стал излучать свет, который был - покой и воля.

Он сказал:

- Моя река, чудо ты мое. Что они с тобой сделали? Тебя просто нет.
Время прошло и не настало.
И не было его.

- Осталось немного, - сообщил он через некоторое время капитану и командору. - Скоро нас посетит счастье, ради которого мы отправлялись через эту широкую реку.

- Почему - ОН сказал про реку? - спросили мы у Великого Мистификатора, прежде чем позволить ему уйти от нашего дружеского застолья, где главное блюдо было - бабий хвост.

- Для нас Океан - это море или система морей, - ответил слепой старец, нам даже на секунду показалось, что Гомер и он - один и тот же человек. - Для греков это была река, кольцом окружившая землю. Все воды земные проистекали из него, и не было у него ни устья, ни начала. Был он богом или итак, вероятно самым древним, ибо Сон в XIУ песне “Илиады” называет его праотцом богов; в “Теогонии” Гесиода он - отец всех рек в мире, а их - три тысячи, и во главе их - Алфей и Нил. Обычная его персонификация - старец с пышной бородой; по прошествии веков человечество придумало для него более удачный символ.

Сказав это, Борхес, (а может это был Гомер*), встал и пошел - в небеса.

(А старец – вот он, - подкинули мы Патрекея, и давай его качать, -

-----
P.S. “Спасибо “ABBA” за музыку”!

И еще группа рыцарей круглого стола, принявших достойную эстафету от мужей ученых (началась военная эра, и всех ученых мы сослали в концлагерь что б не было больше у нас никаких термоядерных технологий, а так же нобелевских премий за все за это) - выражает уверенность, что английский исполнитель по имени “EMINEV”, демонстрировавший 15 марта по MTV, в лучшей европейской двадцатке клип с песенкой: “my name is”, очаровывающим набором идиотских слов, в результате превращающихся в яркое, световое шоу, с использованием дистанционного разделения пространства - в телевизоре, этом клопе 20-го века, который и породил нам 3-ю мировую войну.

Уверенность состоит из молекул спокойствия за то, что исполнитель скоро станет самым модным в Европе.

В русском же хит-параде на первом месте группа “Ковчег”, с текстом “На хрена нам война, пошла она НА!”, нас же в этом клипе интересует другое (кроме яркого антинаправленного

пафоса этого произведения, это, “как травы душистые веют над нами” - святое, или как высказывание Великого Фрэddie: “Я не стану звездой, я стану легендой!”*)

Это, о самое “другое” - вот что: впервые авторами этого клипа была раскопана документальная запись, где капитан Бриман позирует возле своего перископа. Так что, если у кого из обожаемых читателей есть в доме электричество, то пусть включит ТВ и узрит - тот мужик с черной бородой и стремительным, как торпеда, взглядом - и есть капитан Бриман - личный враг Шлюхенмана и Сталина. Несёшь Крест, не бойся убить ноги.

Глава тридцать четвёртая: "ПОСЛЕДНИЙ ШТОРМ"

СМЕНА ПЛАНА ДАЛИ ОДИССЕЯ

Мы шли попутным ветром – в фордевинд, нарядив «Ковчег» в спинакер – всех цветов той радуги, что обогнула земной шар – вплоть до того места, где она упиралась в северное сияние.

Порой мы самих себя выдергивали из трясины – вместе с лошадьми, и котом Муррзом. Патрекей ходил по дну, потом вдруг взял, да и включил бортовой ящик, подкрутив «Авакс», и поймав какого-то лопухого козла – тот вещал про мозги, и был он мозголаз, каких мало.

- Вот такого бы нам, сожрать на полдник – вместе с ушами, -

сказал кто-то из наших, и вздрогнули мы, побросав весла, ибо поняли, что грешит из нас один, а всё остальные только и делают, что раз(ПИСК)ваются.

- Бабы! - учил этот козел. – Если ваши мужики куда-то убывают (скажем, в своё бесконечное плавание), начинайте трахаться со всем, что под руку подвернётся – только такая весть вернёт их обратно, и заставит думать о доме.
- Вот так, - сказал Патрекей. – Заканчивается любая новая эра. Помните, светлокудрые вы мои ангелы, как были хороши времена, не было ящика, и с лекциями по миру ездил какой-то проповедник (может грек Гомер, а может – римлянин Вергилий), не было никаких компасов, мы бродили по звездам, и говорил он то, что надиктовывали ему мы: жены, что вы хотите от мужей своих?

Разве какой-нибудь нормальный огненный бык пройдет мимо стада, тем более чужого, - тогда это уже будет и не бык, и таких Отец Хем не пел в своих романах – ибо у таких, как он метко выразился «рога спилили».

Вот так сменилась эра – оказалось, что все те особи, что населяли этот мир, вагиной обладая, настроились именно на эту волну, и поверили тому, кого мы не засылали – ибо этого ушастого козла вогнал в мир демон, и началась эпоха скептицизма, а с ней и новая, война, на этот раз последняя.

Одиссей (*) сидел,
И задвигал своё, совсем весёлое:

«Моё сердце разбито на части,
И теперь его хватит на всех».

Мы столетиями не жрали в ожидании то войны, то долгов, то ментов, то сексуальных наслаждений,

пока не поняли, что джентльмены предпочитают блондинок потому, что натуральные брюнетки все, поголовно, стебанутые (способны на убийство из ревности*);

хоть у черных грудь, конечно, потверже.

Всё началось с бортового ящика: мы написали во главе этой директории страшное слово «ИЗМЕНА», начался самый сильный за всю историю шторм, такой что был когда-то на Юпитере;

прошла вечность, про это железо уже никто не вспоминал, но файл исчез: как только мы возликовали, «ИЗМЕНА» нашлась, вместе с мечом Ходзэ Мосанумэ, утерянном в сорок шестом, как думал мир тех, кому всё это интересно: навсегда.

Последний удар демона (этот был здоровее остальных*), был по сердцу потом и стихия разыграла – как никогда.

Он был с особой раскруткой, похожий на «уро-маваши», но вместо одного – с четырьмя оборотами, и каждый хлопок – смертельный.

Любой оборот этого удара носил одно название:

«Снятие информационного заслона»,

мы вдруг обнаружили на облаке белый экран, на котором показалась жизнь наших женщин – пока нас тут носило.

Мы молча пошли забивать магазины по самой гуманной схеме: полуболобочечный, трассирующий, бронебойный, дальше, в как дань Венской конвенции – три армейских, потом – всё по новой, ибо навалившееся счастье надо было гасить наверняка.

(Нам всегда всего то хватало, то было сразу мало*)

Мы шли на эту разборку с тем настроением, что ожидал своего утра маркиз де Сад – он прекрасно знал, что его срок не состоялся, и предстоит еще скомандовать республиканцами и устроить в сумасшедшем доме (это был Шарантон*), театр – на все времена.

Не стоит думать, что мы решили не колеблясь: глядя на «Ямаху» с движком 1300 мы порой думали, что ни одна муза не стоит этой ракеты, но день спустя довелось сообразить – стоит.

К тому же вниманию Читателя, Слушателя, Человека, ибо это звучит Гордо, который развит настолько, предлагается ко вниманию одна крохотная деталь – мелкая, как блошиная подкова.

В период этой дьявольской бомбёжки по нашим сердцам, когда забрало, падая, пропустило-таки эту ослепительную вспышку, похожую на огрызок копья в голове короля Генриха, после которой лед ложится на пламень, и где-то вдалеке видится узкая дорога добродетели (она раздражает*);

видение было столь коротко, что предстала на нем очаровательная дура, один раз давшая слово говорить правду, одну только правду, и ни хрена кроме правды, и говорившая только правду, от которой Одиссей (*) едва не сошел с ума, ибо была эта правда убийственна.

До нас вдруг дошло то, чего мы и так знали:

относительный мир на этой земле поддерживается только благодаря ЛЖИ, ибо она бывает во Спасение, а ПРАВДА - никогда;

потому что, если бы все разом прозрели, то мир одновременно

разделился на робких рогоносцев – с одной стороны, и буйных рогоносцев – с другой,

и остались бы в этом меняющемся мире одни только буйные рогоносцы,

а уж они-то в эти вагинально-пероральные шутки точно не врубаются.

- Ну, - завывали ветра, - кто здесь рулевой?

32. Ну, я здесь рулевой, - говорил Одиссей (*), и смывало его волной.

Первая ударила прямым с правой, и (*) был потрясён – мы видели его глаза, когда ему подбросило башку – мы видели его глаза – вы них были моря слёз.

Мы могли барахтаться по морям, нас жрала соль, нас клевали дорады, кусали акулы, таскали на дно гигантские кальмары, мы наматывали парус себе на копчик, навсегда осознавая, что можно не иметь брюк (вот их иметь не обязательно*) а вот ботинки - будьте любезны.

Мы годами ничем не питались, нас гоняли по лагерям, мы ГОНяли плоты, всегда мечтая о легкой жизни – Господи, вот сниматься в какому нибудь полупорносериале, и в хрен не дуть, а вот угораздило родиться сначала в СССР, а потом перебраться в Советскую Россию, потом в Россию «молодую», которой кто только не ломал;

а уж только потом в Амстердам (отступить некуда*),

и уж только себе же в мозжечок, потому что было как пьяно и спокойно, что отвлекали от дум не суетности жизни, а регулярные драки в кабаках.

Последний шторм, ребята! Вновь настала разлука, и ты дал себя заарканить, и когда ты вдруг почувствовал, что хватит, мол, болтаться на этих соломенных плотях, на которых даже путем нет;

помнишь, моя Богиня, моя дивная музыка, я раскопал тебя в музыкальном подвале на Тверской, с тех прошло сто миллиардов лет, но ничего не изменилось – жизнь без тебя была, как смерть, но я не находил тебя, потому что во время смерти надобно лежать в могиле и не дышать, чтобы не услышали ангелы и не оживили тебя, - а оживив не убедились,

что Одиссей (*) вновь пошёл на Трои, и Троя эта – неисчислима, как та любовь, которая смерть и есть, потому что жизнь, Господи, не справедлива – она вдет нас, чтобы искалечить, она пугает нас своими сучьими гримасами, она всегда рядом, а когда ты забываешь пристегнуть ей жало, то она пытается забрать тебя – в свою сучью нору, до конца которой никто из живых не долетал, потому что не доорал до верха этого колодца, который уже сверху – нирвана:

- Здесь нищтяк, пацаны! Море телок, водки, мы беседуем с верхними отцами, и они смеются над нами, потому что им, глядя на нас, черт возьми, хорошо....

Но мы не разу не слышали, вернее, мы не расслышали, что они там нам кричали, и все начинается сначала – мы верим в то, чего не знаем, а того, чего не знаем, мы боимся, потому что верим, а как начинаем верить, так сразу впадаем в грех, потому что строги эти правила, а мы всегда – против правил, потому что строги твои правила, Господи, и мы всех их упомянуть не в состоянии – не убий, а как же тогда хитрожопый, который при нас как то выслушал от Патрекея хороший рецепт:

если ты дошёл до такого извращенного состояния, что какая-

нибудь из твоих баб призналась не потому, что полная идиотка, а потому что ты уже озверел настолько, что знаешь все наперед;

если вдруг тебе не нужно самоубиение, ибо все мы по своему слабы, Господи, а нужно тебе спокойствие, найди того, кто вложил свой паскудный хрен в заветные ножны, и сделай ему из яиц элегантные шорты, и больше никуда не возвращайся, ибо любовь - ненависть к бродягам у всех имевшихся во Вселенной Пенелоп равна всему, что есть у вас в сердцах, а у вас то все, то ничего.

СМЕНА ПЛАНА ДАЛИ ОДИССЕЯ

На следующий день после того, как бывший вор в законе, (а в последующем - вне закона*) бортмеханик двух “Антилоп”, а ныне - боцман, разжалованный в юнгу, а по совместительству - судовой кок, Александр Степанович Балаганов, уплыл с лодки - преследуя пару (смычек*), океанских выжловок, по иностранному - сирен, а в простонародии — русалок, ветер усилился и стал посвистывать в снастях.

Капитан, всю ночь бессменно стоявший у руля, к утру повалился спать, и потому в рулевом кокпите нес вахту великий комбинатор - Остап Ибрагимович Бендер. Его дежурство носило чисто ритуальный характер, ибо “Крейсер Шмидт” несся вперед на автопилоте, ориентирующемся по неработающим приборам, а стало быть - по воле ветра, который, по словам Хулио Валериевича Чкалова, должен был пригнать пирогу “к последнему приюту”.

Полусонный Остап заметил, как гамак с индейцем стал раскачиваться с утроенной силой, а потом и вовсе завернулся в узел, напоминая рыбацкий “кошельковый трал”, стал похож на бабусину авоську, перегруженную текучими дрожжами, и закрутился, словно запускаемая “в никуда”, смертоносная праща.

Командор полностью уяснил себе творящуюся в океанских просторах разительную синоптическую перемену, когда задрал голову - дареную фуражку едва не сорвало внезапным порывом ветра, так что пришлось укрепить ее на голове характерным кавалерийским способом, на небритой челюсти.

Небо стало черным буквально за минуту, океан задышал и забурлил, как огромный, бесформенный, серый кисель.

На плечо к нему приземлился, отчаянно руля закрылками, возбужденный Симураг Феникс, и стал что-то орать - опять не по-русски.

На его красных подштанниках плясали микроскопические индейцы - в черных трусах, с изображениями попугаев в красных подштанниках - как стройная теория бесконечных ангельских перерождений. 1 *

-----
1. “Если принять тезис Заратустры, - сообщает Великий Мистификатор (а стало быть, и его любимый Ф. Ницше, - добавляем мы*), - непонятно, каким образом два одинаковых процесса в конечном счете оказываются одним. Достаточно ли одной, никем не проверенной последовательности? Поскольку нет особого архангела, ведущего счет, о чем говорит тот факт, что мы живем по тринадцать тысяч пятьсот четвертому разу, а не по первому в ряду или триста двадцать второму в двухтысячной степени? С точки зрения практики - ни о чем, и это не ущемляет мыслителя. С точки зрения интеллекта - ни о чем, а это уже серьезно”*

- Клара, - сказал Остап психующей птице. - Ты только что раскрыла рот от удивления. Пора переходить на просо.

Феникс, озлобившись на такие слова, посмел намахнуться на

Бендера клювом, и вновь полетел, сносимый штормовым ветром, на нос, спасти лучшего друга - но тот к этому времени зацепился рукой за носовой штаг, привязался к нему своим неизменным сыромятным ремешком, и сворачивал уже самокрутку.

- Ладно, сдаюсь, - сказал вслед птице Командор пробега. - Явно не девочка, загримированная под явно не мальчика.

Из кают-компания пулей выскочил красавец-капитан, с немного заspanным лицом, без своей черной повязки (он иногда ее снимал, особенно, когда спал один*), и заорал своим прекрасным баритоном:

- Паруса долой, вашу мать!!! Грот убрать, увались в фордевинд!

Кроме того, что было ясно всем и всегда, никто из присутствующих мореплавателей ни хрена не понял.

Пока Великий Комбинатор соображал, что подойдет из старых рекомендаций Р. Стивенсона, шторм крепчал.

- Вспомнил! - произнес впервые на все “сто” протрезвевший за все время плавания, Остап Бендер. - Как сказал Джон Сильвер: “Как видите, братья, погодка у нас - что надо. Кабы ветерку подбавить, было бы совсем хорошо”.

После таких слов, Феникс, по-вороньи каркнув в ядерные небеса, бросился на Бендера с явной целью атаковать его, но был пойман на лету за шею могучей рукой, и спрятан в рундук, где когда-то хранился ром. (Он давно уже собирался изолировать птицу (для ее же блага*), но все ждал подходящего момента*).

“Крейсер Шмидт” летел вперед, вооруженный по прежнему двумя стакселями, поставленными в “бабочку”: он резал поднимающиеся на его пути водяные холмы, готовые вырасти в горы.

Капитан с разбегу прыгнул в кокпит, корректным, но твердым жестом отстранил командора от штурвального колеса, и стал колотить

железным кулаком по рычагам управления судном: вся приборная панель, быстро превратилась в ничто.

- Черт бы побрал этот хулиовский манжет! - проорал капитан, содрал с запястья кусок плетеной кожи, взглянул прямо по курсу и замер.

Остап тоже посмотрел вперед, - там была водяная пропасть, в которую крейсер, ведомый двумя стакселями, стремительно влетал. Ему показалось, что они стояли в огромном, фешенебельном, общем гробе, на краю всемирного обвала, и не было никакой видимой привязи, - падение было неизбежно.

Они подняли головы — перед ними явилась огромная, небыстрая стена воды, с неумолимой силой идущая навстречу.

- Девятый вал, еб(ПИСК)ёна мать, - прохрипел капитан.

- Валяй... - сжав зубы, прорычал командор.

- Вниз!!! - гаркнул капитан, схватил Бендера за руку, и в мгновение ока перетащил по палубе, разделяющий кокпит от кают-компании, буквально забросил его подальше внутрь.

- Держись за кепку, Остап Ибрагимович! - только и успел крикнуть Никита Оттович, как возникла невесомость - корабль сперва застыл в воздухе, а потом камнем полетел вниз - на дно подводного каньона.

Капитан с командором схватились кто за что мог: Бендер обнялся с огромным глобусом, Шмидт-Паниковский зацепился за привинченную к борту, хромированную багету, на которой висела занавеска с изображением сирены – той, что увела бортмеханика - поплавать.

Они летели вниз, испытывая ту самую легкость, что является предвестником любого удара, Шмидт-Паниковский прильнул оком к иллюминатору, и увидел болтающийся, в летящих параллельно с яхтой, тоннах низвергнутой воды, хулеовский, сплетенный из

душистых лиан, гамак - самого в нем не было.

Перед умывающимися мутной водой стеклами, веселился Посейдон, - Бенедру показалось, что он увидел его лицо.

“Это - как облако”, - успокоил он себя, и приготовился к удару - таковой немедля последовал, сразу же после крика капитана: “Лечь на дно!!!”

Бендер бросился на пейоты, после чего возникла компрессия, непохожая на ту, что бывает в таких случаях на земле - кости превращаются в кашу, и джентльменов удачи выносят в собственной одежде, как в бесформенный мусор в задраенных мешках. Его просто мягко вдавило в дно - от такого давления у него перехватило дыхание, но это быстро прошло.

Как только он мысленно перекрестился, и поднял голову, последовал следующий удар, откуда то сверху, - многотонная махина волны накрыла яхту, послышался характерный треск - как будто чьи-то беспощадный руки разорвали крышу каюты на двое: в компанию хлынула вода.

Капитан дико захохотал, сверкнув глазом (Бендеру даже показалось, что он извергнул молнию, и она ударила куда-то в эту, низвергающие водопады, мутно-болотную, серо-черную стену - как ТОТ ГОНчий демон*),

- (ПИСК)дец, отплавались!!! - проорал стандартное для всех русских капитанов заклинание Шмидт-Паниковский, после чего они с Бендером-Задунайским, не сговариваясь, подняли головы к небу, дабы сотворить короткую молитву - каждый свою.

Они увидели через прозрачный палубный люк, умывающийся какой-то мутной зеленью, Хулио Чкалова - он сидел на гротмачте, верхом на верхней краспице, и размахивал руками, издавая какие-то горловые звуки, давившие завывания Посейдона, как слон клопа.

Индеец пел ту песню, что была и есть - такая сила, равной которой в этом мире не было, потому что она была сильнее океана - с его штормами, штилями, впадинами, сиренами и предательскими рифами.

ОН был один, как оркестр всех тех инструментов, на которых дозволялось играть лишь ангелам - он владел всем этим чудотворным комплектом.

ОН раскачивался на мачте, по тридцатиметровому радиусу, и дирижировал хором, оркестром, всем, что только могло быть.

Здесь не было великих духов - они забыли это никому неизвестное место на земле; а место это - было и есть - гибель и спасение, и та самая вера, по сравнению с которой все предыдущие чудесные взлеты и падения - были увертюрой.

Ни капитан, ни командор, не смотря на то, что вода быстро заливала каюту, не могли глаз оторвать от этого зрелища, и перестать слушать этот гимн небу и свободе.

На черной туче появился Дьявол, выставил своей волосатой лапой двурогий знак победы, и пустил огненную стрелу - полыхнула молния, индеец прикурил, и сотворил жест приветствия - тот, которому, научил его небесный отец - Валерий Палыч.

Однако сразу вслед за этим несравненным ритуалом, последовал удар следующей волны, сопровождаемый тем же самым гаубичным грохотом, только с перерывом, дабы вправить следующий снаряд.

Палуба над головами земного и морского отцов, потерявших своего общего сына, исчезла - ее просто снесло, однако она приняла на себя удар следующей волны, и лодку вынесло вверх - прямо к вершине следующего гребня.

Мачты не стало - она волочилась по воде с правого борта, болтаясь на остатках ахтерштага, притабанивая яхту двумя стакселями, как

самолет - тормозным парашютом, превратившись в плавучий якорь.

Через долю секунды мачта оторвалась, и лодка, безо всякого сопротивления, полетела к следующему провалу - на этот раз командор схватил капитана за пиджак, а сам зацепился за первый попавшийся предмет, - это было основание того самого глобуса.

Это падение напоминало спуск гондолы бобслея: “Крейсер Шмидт” скользнул вниз, опережая общий поток.

Они оглянулись назад, к корме: бурлящий, фосфорицирующий след яхты расходился во впадине, и терялся где-то вверху - у самой вершины преследующего их, гигантского водного вала.

Они стояли по пояс в воде и оглядывали каюту: прямо перед ними, пополам с «дельными» вещами, и не очень, плавала открытая книга.

С наполовину смытых соленой водой строк, которыми премудрый, слепой пророк, вещал двум оставшимся на корабле мореплавателям, светились слова:

*...Светлой царице отвечивал так Одиссей
хитроумный...*

*... Демоном брошен, когда мой корабль
сокрушительным громом...*

... Зевс поразил посреди беспредельно-пустынного моря.

*Спутников всех (поглотила их бездна) тогда я
утратил...*

*...Бед колыбатель земли Посейдон непреклонный
готовил:*

Ветры подняв, заградил предо мной он дорогу,

и море

*Все беспредельное вдруг затревожилось; был
я не в силах,*

Жалобно стонущий, судном владеть

на взволнованной бездне:

Буря его изломала в куски, и, в кипящую влагу

Бросаясь, пустился я вплавь....

Никто не сумел прочесть этих пророческих стихий, капитан схватил любимого Гомера, и засунул его под брючный ремень.

Волны уменьшились, но вода прибывала с катастрофической быстротой: отцам казалось, что они очутились посреди разбушевавшейся горной реки, которая жила автономно ото всей остальной, дьявольской пляски, вечно стремясь переурочить мироздание.

Корабль нырнул форштевнем, и стал быстро погружаться.

Тучи немного рассеялись - над ними была ночь, и даже было видно несколько бликующих звездочек.

Увидев звезды, капитан, казалось, очнулся от гипноза, и опять стал орать:

- Тонем, Остап Ибрагимович! Стой здесь, никуда не уходи, я щас!

- Куда ж я пойду? - только и спросил Бендер, но капитан его уже не слышал, - он, цепляясь за все, что можно, полез в сторону кормы, сражаясь с водоворотом.

Никита Оттович выбрался на палубу, - там царствовали хаос и кромешная тьма: казалось, “Крейсер Шмидт” замер перед тем, как пуститься в свое последнее плавание - строго на дно.

Он бросился на корму, выхватил из поясного чехла нож, и перерезал найтовы контейнера со спасательным плотом, потом изо всех сил рванул на себя красное кольцо, - плот зашипел и стал наполняться воздухом, разворачиваясь за кормой.

Внушающее надежду зрелище вселило некоторое спокойствие, а зря - литье не был прикреплен к кормовой лебедке, и Никита Оттович едва не упустил плот в ночной океан, лишь в последнюю секунду изловил конец, и привязал его двойным «беседочным» узлом за кормовой релинг.

Оглянувшись, он не увидел ничего - ему показалось, что носа яхты уже не было над водой, а стало быть, командор, оставаясь на своем месте, вполне уже мог хлебать соленую воду.

- Бендер! - сложив ладони в трубу, изо всех сил заорал капитан, но океан шумел так, что он сам не слышал собственный голос.

Никита Оттович на ощупь полез обратно за командором, и наткнулся на него в метре от кормы: в одной руке тот держал свой акушерский саквояж, другой цеплялся за все, что под руку подвернется.

- Что ж вы так орете, - спокойно сказал Великий Комбинатор, извлек из саквояжа фонарик, и посветил на плот. - А говорили, что все забыли в Рио.

- Этот запасной. Пересаживайтесь, Остап Ибрагимович. Мы покидаем Корабль Мечты.

С этими словами капитан подтянул плот, перешагнув в него, и подал руку Бендеру. Тот воспользовался помощью и пересел вслед за

Шмидт-Паниковским.

Был отдан конец, и, как оказалось, вовремя: крейсер как будто ждал момента, чтобы не увлечь своих матросов в бездну.

Их быстро отнесло в сторону, затем плот перестал дрейфовать, и встал на месте, как будто сам выбрал позицию для прощания с кораблем.

Зрелище было воистину величественным: огромная яхта завалилась на правый борт, потом нырнула носом, поставив корму вертикально набегающим на нее волнам, потом медленно, очень медленно, выпуская наверх остававшийся в отсеках воздух, удалилась в сторону положенной ей могилы.

Они молчали. Их лица освещала подвешенная в куполе хлопающего свои откидным пологом тента, маленькая лампочка.

Ветер, сделав свое дело, стал стихать. Через неопределенный - то ли короткий, то ли длинный кусок времени (что он был в этом бесконечном пространстве - им было неизвестно), в ночном океане воцарилась такая тишина, что странно было думать, как эта самая вода, которая лежала под ними, как нескончаемый блин, только что разломила, как им казалось, непотопляемый крейсер.

- Как вы думаете, что стало с индейцем? - первым нарушил молчание Бендер.

- Я думаю, ни хрена с ним не стало, - холодно ответил капитан, смахнув скупую слезу. - А вот что стало с Фениксом, вы как думаете?

- Ни хрена с ним не случится, на то он и Феникс, - холодно сказал Великий Комбинатор, щелкнул блестящими замками своего акушерского саквояжа, и вскрыл его, словно золотую клетку: попугай выпорхнул из него вертикально - во тьму небес.

Капитан просветлел лицом и засветился глазом.

- Спасибо, Остап Ибрагимович.

- На здоровье, сынок, - как порой говорил папа мой, турецкоподданный, - сказал Бендер, неотрывно наблюдая за порхающей, словно бабочка в небесах, птицей.

Попугай еще немного полетал над плотом, после чего улетел - в никуда.

- Я думаю, где-то рядом земля, - подумав, сказал капитан.

- Это неизбежно, Никита Оттович. Иначе бы весь этот бег по волнам был бы сплошной ересью. А что, капитан, - он выдержал воистину царскую паузу, - не плохо бы и спиртного выпить?

Капитан обалдел - от счастья.

- Ну, так угостите, раз вы такой хороший человек.

Командор ловким, молодецким движением выхватил из саквояжа плоскую бутылку.

- “НЗ”. Такого коньяка английский премьер Уинстн Черчилль выписывает себе по семисот бутылок в год.

- А что за коньяк?

- “Армянский. “Арагат”. Все это наше путешествие надо было бы отписать Альфреду.

- Которому?

- Хичкоку. Ожидание какого-нибудь дерьмового исхода - это в его стиле. Не зря он приглашал художником Дали. Оба этих джентльмена всю жизнь пытаются обрести веру. А им, похоже, слабо.

- Вы ее, похоже, обрели.

- Я - да.

- В кого?

- В “некто”.

Они выпили, и почувствовали себя заново рожденными.

– Позитивная страшилка.

– Это - ПЁРЛ.

- Странно, - сказал, захмелев, капитан. - Лоция обещала для этой части Атлантики минимальное число штормовых дней.

- А какая эта часть Атлантики?

- Завтра скажу. Может быть.

Потом они вскрыли герметичный мешок с комплектом чистого, белого фланелевого белья, и переоделись во все сухое.

Они улеглись на сухие матрасы, и погасили лампочку, дабы раньше времени не посадить аккумулятор - сквозь крохотное оконце в куполе тента были видны звезды, не сговариваясь, они откинули полог: звезды заполнили все небо, и отражали себя в океане так, словно собой любовались мириады Нарциссов.

СМЕНА ПЛАНА

ДАЛИ ОДИССЕЯ

**Нас крыло гигантскими волнами, и
мы молились:**

**Господи! Дай нам столько денег, что б было на что вышвырнуть
торговцев из Храма;**

**мы жили счастливо, как никогда, с кем угодно, как угодно и где
угодно, порой за деньги, ибо хрен стоял;**

**ибо знали – грядут наши времена, и пора «выставить» этот
коммерческий ларек – у пусть они там пошевелиятся на счет того,
кому в первой давать – на ваши сраные ракеты, или на нашу
гуманитарную науку – побеждать?!**

Вошел кошкодав Патрекей, придушил Муррза, и сказал:

- А кто тут был солдат, что спал на ложе Клеопатры?!

И сам себе отвечивал:

- Ну, я.

Мы заметили все эти признаки как раз во время, ибо выдал нам их Патрекей:

Ты можешь одновременно слышать дыхание кожи твоей Клеопатры, наблюдая сквозь восходящую Луну её божественный профиль, прекрасно зная, что утром тебе отрубят голову;

видеть и знать, что она и не собирается раздвинуть свои благоухающие ноги, сказав перед сном:

- Солдат! Что спишь на ложе Клеопатры, ты уже был. Твой секс будет завтра – к вечеру;

думать о том, что тому и быть – так вам и надо, шальная голова, беспутный год;

не иметь при этом эрекции, думая бежать и зная, что бежать бесполезно, ибо на них сейчас направлены тысячи глаз, этих глаз ровно столько, что можно увидеть того, кому мы снимся;

постоянно испытывать оргазм, тот, что вышибает из тебя слово, которое, если не вылетит на полную волю, то убьет тебя, как снаряд, который сначала через пасть влетает, а потом взрывается – в башке.

Это и есть полная свобода – та, которую обретаешь один раз,

и от которой потом нельзя отказаться.

Потому, что начинаешь видеть, что в этом мире столько любви, сколько хватит на всех – с избытком,

но знают об этом только стебанутые, потому что свободны от тех, за кого потом расплачиваемся.

А стебанутым, для того, чтобы жить, нужно, чтобы страсти полыхнули, а Всевышнему всё равно, какой найдется повод – может быть, и измена – та, что рождает шторм, всякий раз с надеждой, что последний.

– Нет ничего величественнее тонущего корабля, - сказал Одиссей Хитроумный. - А вечно тонущего — ещё круче.

Мы разглядели ночь в океане: наш корабль всегда был с нами, под нами, а мы в нём — истинное имя его было: Троянский Конь.

Глава тридцать пятая «ПОСЛЕДНИЙ ПОЛЕТ ЧКАЛОВА».

“Сто раз в этом романе наступал вечер, падало солнце и сияла звезда, но ни разу еще в этом романе вечер не был наполнен такой кротостью и предчувствием великих событий, как этот”.

“12 стульев”, И. Ильф, Е Петров (Глава 18, “И др.”, полная редакция*).

-----
*“Десять носившихся дней по волнам, на десятый
наставшей
Ночью на остров Огигию выброшен был, где
Калипсо,
Светлокудрявая нимфа, живет. И Приют
Благосклонно
Дав мне, богиня моя угощала, кормила, хотела
Мне наконец даровать и бессмертье, и вечную младость....”*

*К вашему берегу меня многошумные ветры и море;
Гибели б мне не избежать, когда б на утесистый берег
Был я волною, скалами его отшибаемый, кинут....”*

Гомер, “Одиссея”, Песнь седьмая, что
начинается словами:

*“Так Одиссей богоравный, в бедах постоянный,
молился.”*

СМЕНА ПЛАНА ДАЛИ ОДИССЕЯ

- Я, наверное, всё же ангел, - сказал как-то Одиссей (*), стоя на корме «Троянского Коня», глядя на зеленую волну. – Потому что я прихожу к тем, кто обо мне молится, и они же потом срут мне в душу.

Ангелы правят миром, не нуждаясь ни в чьих планах (даже если план таджикский*).

Ангелы на небесах занимаются любовью, хоть пророки и говорят, что они однополы.

А когда ангелы любят, то летят в ночном небе Млечные Пути.

(Это вам не министерство внутренних дел и внешних сношений любого из продажных государств – по Сведенборгу*)

Если Ангелы страдают, то от измен, ибо измена для Ангела хуже войны со всей этой черной сворой, и постоянного ожидания, что тебя вот-вот собьют из вражеских рогаток, и забьют нагайками.

Еще одна, чисто ангельская напасть: постоянная жажда мщения за измену, и нормальное нежелание вводить себя в грех, замочив какого-нибудь половозрелого, ибо Ангелы знают, кто вечно прав, кто вечно виноват.

Мы, гребцы ковчега, добровольные и отчасти мобилизованные спутники Одиссея (*), называли таковой симптом:

«РИСК ВСЕПРОЩЕНИЯ».

Вот нам, типа, срут в души, и мужики и бабы, и далёкие и близкие, а мы их всех прощаем, прощаем, прощаем, а говно кипит.

Ангелы любят друг друга, а сказки просят рассказать им Одиссея (*), ну он им, конечно, насочинял: первая про то, как одинокий медведь слонялся по лесу, вокруг озера, потом увидел на лужайке голую бабу, и та оказалась ведьма, и медведь посмотрел на себя, и сообразил, что он раньше был хотя бы мужчиной, хоть волосатым и шатающимся, а теперь он сам – как баба, и зимой замерзнет, и в огне сгорит, потому что в избу войдёт, и только потому, что позволил себе разочек при ведьме взвыть от одиночества.

Второй он не рассказал ничего (это была ангелица – соколица*), но понял, что возможен заговор, и удачи тогда – не видать (до поры*).

**ДАЛИ
ПАДШИЕ АНГЕЛЫ.**

У них, как и у сирен, всё соблазнительно, и песни – как яд.

(Небесный занавес, появляется (*)),

- Ну что, друзья, пропальпируем простаты, как говорится? И, во ад, в обнимочку с чертями-елдаками?

А что до горьких наших (и ваших) судеб, так вопрос стоит точно так же, как и течёт идея: наказание, это что, техническое недоразумение, или Божье провидение?

И сам провидец Алигьери, миновал напасти, которую назвал комедией, да ещё вдобавок и Божественной?

- Али как? - добавил Патрекей.

Что бы нам, суду присяжных, было о чём петь (а петь мы будем про вас, ибо все там будем, жариться на собственных хренах, как кататься на катках – по Красной площади, да до лобного, до места*).

А так же новая американская услуга – рисовать дружеским прахом живопись – на память – до этого не додумался даже Каменеч Куси Фаррес, маркиз Сальвадор Дали – Великий Мастурбатор, это правда так же, как правда то, что в Гурьев день (28 ноября по Новому, по стилю),

всякая поганая нечисть прячется от мороза – прям во ад - к Аиду, как раз туда, куда мы все скоро сходим на Экскурсию, если не утонем, переправляясь через Реку, вслед за Одиссеем (*).

А когда (*) вышел от Аида, на древесное это крыльцо, почесать своё третье яйцо,

то лишний раз сказал нам, что раз весь этот мир нематериален, то и бороться со тьмой может только истинный свет (а может, и совет), но не попской работник,

иначе у только что исповедовавшегося не было бы такое идиотское выражение лица, и глаза такие (навыкате*), как будто он только что заглотнул чистую истину, и душа пьяна грядущими деньгами.

Теперь о деле:

Падшим ангелом становится тот маньяк, которого пощадило правосудие, и заперло в чугунную клетку, забыв отстрелить ему его поганую башку, и развеять «до витру» его паскудные кишки.

Закончив свой жизненный путь, во время которого этот маньяк просветлялся, молился и думал, что простился с вредной привычкой – поедать младенцев или забрасывать гранатами дома престарелости, а то еще чего удумали, терпимости.

Так вот: по истечению тех испытаний, когда к новопреставленному направляются различные силы, в том числе и нейтральные (миротворческие*), данный маньяк сразу же попадает в когтистые лапы сатаны, который уже очистил для него место – предыдущая душа становится в нашем меняющемся мире следующим маньяком, век воли не видать, потому что так – до бесконечности.

Так что всякая пруденция делает маньяческой душе не медвежью, а крокодилью услугу, (потому что крокодилы плачут – натуральными слезами, то же и мы, суд присяжных*), ибо, убиенный маньяк предстал бы пред тем бородатым дядей, белым и пушистым, что мочит хрен в облаке, и потому наверху,

а не пред тем, кто черный и тощий, хрен варит в кислоте, и потому внизу - злой, как собака (это всё результат работы ангелов светлых, ибо они стреляют из гаубиц, во вражью подземелью, и черти страдают не в прямую, а от обломков, как те китайцы в белградском посольстве, во время третьей, едва не мировой*).

Внизу играет Вагнер на флейте, и играет только «Полет

валькирии», и ничего, кроме этого полёта, нам вот тут уже приносят записки, и вот первая:

33. Вы кто тут, ваще, такие?

Отвечаем: мы те, кто знает, отчего в аду играет Вагнер. Который Рихард, любимый композитор Людвиг второго Баварского, любимого короля Дали (который Сальвадор, бывший вдовец Гала (Елены) Дьяконовой (Девулиной), как её дразнили офицеры на таможне в Барселоне «Железная русская бабуся»).

Если вы в течение пяти секунд не разлетитесь, ангелы вы падшие, то я буду стрелять, и вы увалитесь под обломками, как законный вор с погоняловой «Крючок» под балагановской рельсой.

(Вынимает автомат*)

Включаем секундомер Великого Сальвадора (который Дали Каменеч Куси Фаррес, маркиз, б(ПИСК)ля дЁ Пуболь*).

(Ползут часы, вот они, поползли, - на них всегда полседьмого (ни то, ни сё*), как конец у дьявола, ему кислоты подливают жопастые чертяки*), время, которое у нас всегда точное, как и попадание, пошло.

За это время мы объясним – Людвиг второй Баварский, тот, что пригнул Вагнера, и который во время драки с собственным, б(ПИСК)ля, психиатром утопился (или его топили поклонники таланта, следствием не установлено), был любимым королём Великого Сальвадора, правда Дали всегда говорил, что короля утопил народ.

Поэтому Валькирия.

А полёт – это потому что в «Апокалипсисе» Марлон Брандо распоролся до такой степени, что так и не взлетел.

И последнее: в искусстве торопиться жить – главное не торопиться!

Время кончилось!

(Палит из автомата, нарастает Валькирия, (*) поёт:

б(ПИСК)ля буду, мама,

б(ПИСК)ля буду, папа.

И далее:

То же и елдаки наши: человеческого языка не понимают, а понимают только женский, и еще желательно, что он был в голове, а голова, как сказала Майя Михайловна Плисецкая, как и «святая Анна», всегда «на шее».

Что до остального, то порой и Ангелы небесные молят Господа Бога за то, чтоб он подкорректировал им судьбу, когда их сердцами завладевают валькирии – те самые жены, что собирают после побоищ души убиенных солдат, дабы препроводить его к Вотану (Одину), однако не так давно, всего пятьсот годков тому, их причислили к обыкновенным ведьмам, так что и для ангелов ныне валькирии – сплошная напасть, и пульс от этой напасти у них колотится со скоростью света, а сердца у них большие, ибо задача у них такая – любить ближних и карать демонов.

Утром следующего дня, после того урагана, что разбил “Крейсер Шмидт”, как яичную скорлупу, ярко-красный армейский спасательный плот неумолимо несло по тому течению, что, согласно неумолимому провидению, должно было на свои скользкие воды его подхватить.

Двое русских бродяг, оставшихся в этой жизни в который раз без всего, но, как всегда, не ставших (ни в коем случае*), банкротами, спали снами праведников,

Эти два поэта и многоженца, с различными уклонениями от тех кодексов, которые всякие полуплешивые паршивцы называли - “уголовными”, брюнет и блондин, всякий раз умудряющихся подыскивать соответствующие эквиваленты самым непонятным из всех в мире слов (любовь, счастье, свобода*), - как два новорожденных белых кита, оброненных, и забытых блудливыми мамашами, прибивались к столь желанному, столь и неведомому берегу.

Их несло сквозь серый, синий, розовый, туман, как через вселенский спектр; они не видели ничего, что было пред ними - они спали, им было все равно, умрут они, или нет.

Одетые в чистые белые одежды, как в девственный саван, они пребывали в объятиях Морфея, нежно прижавшись друг к другу - они спали, и не сопротивлялись вселенскому досугу - видеть сны.

Они давно наплевали на ложь, зовущейся смертью, они наплевали на кощунство, и всякие сучьи поклепы, порочащее мужское братство, они не думали ни о чем, и не вспоминали о желанном сокровище, потому что путь их был увенчан ратными подвигами: они разогнали морских демонов, повергнув в уныние царя Посейдона.

- С добрым утром, Никита Оттович, - первым рванул таинственную тишину Остап Ибрагимович, “давясь зевотой”, - и добавил: “я пришел к тебе с приветом, рассказать, что солнце встало, что оно горячим светом по чем-то там затрепетало...”, как бывало, поют на Волге - по утрам.

- По утрам на Волге поют:
“Выплывают расписные” - возразил, открыв единственный глаз, капитан.

- Как щас помню: “Он веселый и хмельной”, а потом еще - “что ж вы черти, приуныли”. Кстати, с пробужденьцем, - Бендер выудил из-под головы саквояж, достал вчерашний коньяк, отпил сам и подал бутылку Шмидт-Паниковскому. - Как сейчас помню - двадцать

седьмой год, синие купола Чебоксар. Извините, не к завтраку, одноглазые любители, впоследствии утопленники.

– «Ты уже не тот» («не та»), тебе могут сказать на любом свете, в любом возрасте, и в обоюдном поле. На ху(ПИСК)й всех, господин командор.

– А кто распорядится?

– Господь Бог! Слыхали о таком?

– Знаете, Никита Оттович, если вас кто-то называет своей «правой рукой», подумайте, не являетесь ли вы средством мастурбации. Если «левой», узнайте, может он левша.

–

- Как вам новая посуда? - переменял тему Никита Оттович, сполоснул морской водичкой пустую глазницу, опустил со лба свою пиратскую повязку, и осмотрел с ног до головы командора, - тот вытягивался, накрывая плот и треща костями.

- Если бы я вам сказал, что она мне нравится больше, чем погибший крейсер, я бы соврал. Как соврал Борхес, когда сказал, что на необитаемый остров он взял бы с собой “Историю западной философии” Рассела, и энциклопедию “Британика”. Как сплутовали бы вы, дорогой капитан, если бы сказали, что спасенный вами Гомер вам дороже вашей снайперской аркебузы.

На эту реплику Великого Комбинатора капитан задрал белую, фланелевую рубаху, и предоставил его взору любимый том Гомера, рядом с которым за пояс был заправлен блестящий, хромированный итальянский пистолет “Veretta” - сорок пятого калибра.

- Наследие мафии, - пояснил Шмидт-Паниковский, извлек из-за пояса книгу, и трижды поцеловал её — в суперобложку.

- Кстати, как называется этот супер - матрац? - спросил Остап, и хлопнул по надувному, красному борту, - глухой звук уплыл в беспросветный туман.

- Спасательный плот, стандартной, шестиместной модели “Эйвон”.

- Давайте не отходить от традиций, и окрестим судно. Есть предложения?

- Нет. После гибели “Крейсер Шмидт”, видите ли, паскудное настроение. Он, помнится, выдерживал разные шторма, и чего это он вдруг решил потонуть, я не понимаю.

- Во всем вините своего любимого Гомера, - сказал Бендер. - Любые упражнения в диагностике собственной судьбы, я думаю, имеют материальную силу.

- Ну вы и...

- Что?

- Материалист.

- О, да.

- - Я блефовал с привязкой к карте.

- - Три, семь, туз?

- - Нет, справочник для лохотронов.

- Да ладно. Хаос – есть самая порядочная структура.

Они помолчали.

- И вы не заметили в нашем походе ничего необычного?

- Нет.

- То есть как? - изумился Шмидт-Паниковский. - А падающие метеориты, летающие дьяволы, поющие сирены, летающий Чкалов?

- Он сын своего небесного отца, а нам он просто сделал одолжение. Чего рассуждать? Никогда не говори ничего. Когда засовываешь свой поганый язык себе как можно в глубже в жо(ПИСК)пу, это и есть – идеальный секс, ибо молчанье – золото, тот самый «Эльдорадо», которого Кортес не доискался.

- Согласен. Может, выпьем? Согласно Омару Хаэму

Вино - горячее для мозга.

Они разлили.

- Я предлагаю назвать наш спасательный плот, красный, как кровь

Спасителя, и надутый, как вся эта цивилизация - “Новый Ковчег”.

- Всякой твари - по паре? - осведомился капитан.

– Нам детей не рожать, - ответил Бендер. - Я как-то придумал слоган для рекламы фаллоимитатора.

– Движение по барочному экспрессивно!

- Хорошо. Голландия! Уже тогда там свободно торговали наркотой.

- Да, да, барокко столь пацифичен! Столь тонко морализирован!

- Поэтому Вермеера и забыли. На триста лет. А вот рубенсовские задницы проследовали в Лондон.

- Мне бы так!

Командор пробега извлек из своего саквояжа, черный маркер, перегнулся через толстый понтон правого борта, и, начертал на правом борту, по-русски:

“НОВЫЙ КОВЧЕГ”

- Если кто прочтет, то ни хрена не поймет, - сказал капитан.

- Почему?

- Потому что вверх ногами.

- Ничего, главное, что бы ясно было нам, - сказал Остап. - Предлагаю обмыть событие, а то не увидим никаких чудес. Возражений нет?

Капитан не возражал, и они выпили из своего бездонного пузыря.

- Так какую книгу бы вы взяли, командор? - спросил Никита Оттович, дождавшись, покуда великолепный коньяк, своим воинствующим жаром, расплзется по всему телу. - Может быть, Библию?

- Нет, капитан. Когда из утлого кармана вываливается полтинник, - звонкой золотой монетой, поздно менять склонности. Я бы взял то, что

попалось мистеру Сандерсону Пратту, когда он оказался с мистером Айдахо Грином. Если помните, они тоже искали золото, однако их домишко занесло снегом - на два месяца, по-моему, это было в горах Биттер-Рут, за хребтом Монтана.

- Что за книженция?

Бендер вновь щелкнул замками своего бездонного саквояжа, извлек от туда коричневый том с блестящей металлической окантовкой, похожей на лошадиную подкову, и подал ее Шмидт-Паниковскому.

Тот прочел:

“Херкимеров справочник необходимых познаний”

- Изъясняюсь, извиняюсь, намываюсь, отправляюсь.

Я почему-то думал, что вы сейчас достанете свой “1001 способ увода денег”.

- Это - когда доберемся до Шлюхенмана, - сердцем чую, он где-то рядом. А пока вот, наслаждайтесь.

- Я до сих пор был уверен, что этот справочник - плод воображения мистера О, Генри.

- Этого не знает никто. Однако, как приводить в чувство утопленников - здесь действительно есть. С некоторых пор.

Остап Бендер открыл книгу, и представил левому глазу капитана любоваться надписью, выведенную во всю страницу, и датированную 27-м годом:

“Дело спасения утопающих - дело рук самих утопающих”.

И следующая, датированная годом 50-м:

“ Лучший способ помочь утопающему - утопить его”

– Неплохо, - сказал капитан. -
Можно ещё?

– Да сколько угодно, время у нас есть, - он вновь открыл навскид
страницу. - Вот, пожалуйста, - он подал справочник.

- “С днём влюблённых, идиоты!!!” - прочёл капитан. - Прямо в точку.
Называйте цифру, Остап Ибрагимович.

- Конечно - двенадцать, - без промедления заявил Бендер.
- Почему?

- Да как вам сказать. На двенадцатый стул я так и не присел. А как
хотелось! (ИЛЛЮСТРАЦИЯ).

Дали, “Стулья” (кат. № 1).

Шмидт-Паниковский, сверкнув глазом, открыл 12-ю главу Одиссеи.

- Здесь кое-что промыло водой, - сказал капитан.

- Значит, остались только нужные нам места. Валяйте.

Никита Оттович прочел:

*“Бог громовержец Кронион тяжелую темную тучу
Прямо над нашим сгустил кораблем, и под ним
потемнело
Море. И краток был путь для него. От заката
примчался
С воем Зефир, и восстала великая бури тревога;
Лопнули разом веревки, державшие мачту; и разом
Мачта, сломаюсь, с парусами своими, гремящая, пала
Вся на корму и в паденье тяжелым ударом разбила
Голову кормщику; череп его под упавшей громадой*

*Весь был расплюснут, и он, водолазу подобно,
с ВЫСОКИХ
Ребр корабля кувыркнувшись вглубь, там пропал,
и из тела
Дух улетел. Тут Зевс, заблестав, на корабль громовую
Бросил стрелу; закружилось пронзенное судно,
и дымом....”*

Здесь пауза, Остап Ибрагимович.

- Дальше есть что-нибудь? - спросил разомлевший от утренней дозы, гроссмейстер О. Бендер.

- Да.

- Разрешите полюбопытствовать, хоть я и не силен в древнегреческом.

- Прошу.

Капитан еще схлебнул бодрящей амброзии, вручил Гомера Бендеру, тот прокашлялся и стал читать:

“.... Я ж, уцелев, меж обломков остался с тех пор,
покуда
Киль водой не отбило от ребр карабельных:
он поплыл;
Мачта за ним поплыла; обвивался сплетенный
из крепкой
Кожии воловьей ремень вокруг нее; за ремень
уцепившись,
Мачту и киль им поспешно опутал и плотно связал
я,
Их обхватил и отдался во власть беспредельного моря....”

Остап прервал чтение, они помолчали, оглядывая утренний туман, который можно было потрогать руками.

- В принципе, все сходится, - сказал Великий Комбинатор, устроившись в плоту поудобнее. - Допустим, Одиссеем можно было назвать каждого из нас (кроме кардинала и юнги, те не в счет), но если

выбирать на тот момент главного Одиссея - это, конечно, Чкалов. Если, он продолжил свое движение к небесному отцу верхом на мачте, голову расплющить должно было либо мне, либо - вам, так что кому-то из нас, считайте, крупно повезло, или тому, кого на корме не оказалось, а то б, как выразился старик, он “водолазу подобно”, и т. д. Вот вам и та самая историческая реформация, о которой вещал наш пылкий пессимист - Шопенгауэр.

- Там есть еще что-нибудь? - спросил капитан.
- Где?
- В 12-й главе.
- Попробуем:

*“...Так там, вися без движенья, ждал я, чтоб вынесли
волны
Мачту и киль из жерла, и в тоске несказанной я
долго
Ждал - и уж около часа, в который судья
разрешили
Юношей тяжбу, домой вечерять, утомленный,
уходит
С площади, - выплыли вдруг из Харибды желанные
бревна,
Бросился вниз я, раскинувши руки и ноги, и прямо
Тяжестю всею упал на обломки, несомые морем.
Их оседлавши, я начал руками, как веслами
править...”*

- Несколько строк, смыло соленой волной, - сказал Бендер, и продолжил:

*“...Ночью на остров Огигию выброшен был,
где Калипсо
Царствует, светлокудрявая, сладкоречивая нимфа.
Принят я был благосклонно богиней. Об этом,
однако,
Мне говорить уж не нужно: вчера описал я*

подробно

*Все и тебе и царице; весьма неразумно и скучно
Снова рассказывать то, что уж мы рассказали
однажды”.*

Все. Конец песни двенадцатой. Тот, кто был из нас - дежурный Одиссей, уже рассказал эту историю светлокудрявой нимфе. Только глубоко верующие люди не верят в убогость человеческого языка, ибо мнят себя венцом Творенья. На самом деле – это далеко не так. Язык вокруг нас – в сто тысяч крат богаче.

Никита Оттович взглянул на командора: то был явно увлечен новой для него игрой, ибо вновь и вновь вскрывал раритет, и все время - наугад.

- О! - воскликнул Остап, и глас его многократным эхом разлетелся в тумане, оборвавшись - где-то впереди, как будто там возвышалась вселенская стена. - Да тут, Никита Оттович, беда.

- А в чем дело? Рукописные чернила превратились в ангелов? Или таки - в чертей?

- Сейчас посмотрим, - сказал великий комбинатор, и стал читать: Песнь одиннадцатая.

*“...Демоном злым погублен я силой вина
наказанной....”*

Похоже. Далее:

*“...Бросаясь вперед, я упал и, затылком ударившись
оземь,
Кость изломал позвоночную; в область Аида
мгновенно
Дух отлетел мой....”*

Пронесло.

*“...Холм гробовой надо мною насыпьте близ моря
седого;
В памятный знак же о гибели мужа для поздних
потомков
В землю на холме моем то весло водрузите, которым
Некогда в жизни, ваш верный товарищ, я волны
тревожил.....”*

Строки эти вызвали у спасенных уныние.

- Есть там еще что-нибудь? - спросил капитан.

- Есть:

“...Избранное и меня уж в народе считают погибшим?”

- И все?

- Нет.

*“...Кончилось так и со мной; и моя совершилась
судьбина...”*

Теперь - все.

Остап Бендер легонько тронул за плечо капитана, лицо которого стало каменным.

- Брось, морской отец, - сказал он. - Писатели, как дети. Им иногда бывает себя жаль.

Капитан Шмидт-Паниковский протянул руку, на которой когда-то носил волшебный манжет, дающий невероятную для смертного силу; он раздвинул туманный занавес, как грязную, целлофановую плёнку, из которой только что вытряхнули мертвых крабов, - в глаза им ударили

солнечные лучи такой силы, как будто в них отражалось все золото мира.

Великий Комбинатор на ощупь достал из саквояжа свои бесценные очки, и когда водрузил их на нос, то увидел Остров Мечты.

Перед ними был театр, со всеми его шекспировскими атрибутами (буквально «Глобус», спонсируемый графом Ретлингом), сценой служил золотой песок, декорацией - фантастическое сооружение, неизвестно откуда сюда попавшее, занавесом же служил утренний туман, который расходился по “Мужской” и “женской” сторонам, растворяясь по своему медленному ходу, как тот серый бархат, что поражает пришедших сюда за деньги и бесплатно своим колониальным великолепием.

- Театр Колумба, - грустно сказал великий комбинатор, - Капитан! - сказал он, почему-то с грустью. - Приплыли. Запишите в судовой журнал.

Когда их затуманенные долгим морским переходом, отвыкшие видеть сушу, вежды, немного привыкли к столь яркому свету, они увидели Остров во всем его великолепии - прямо перед ними была сказочной красоты бухта; по золотому, солнечному берегу гуляли беззаботные Ангелы.

(ИЛЛЮСТРАЦИЯ).

СМЕНА ПЛАНА

Дали «АНГЕЛЫ» 1950 г.

Их было немного но они пребывали во множестве - не было видно их лиц, они были, кто в белых, полупрозрачных одеждах, а кто и вовсе - нагие.

Команде “Нового Ковчега”, того, что надувался воздухом, был красного цвета, и плыл по волнам - по воле теплых течений и ветреной судьбы, открылся Театр, на сцене которого Создатель позволил собраться всем, кто пожелал по собственной воле на нее взойти: где-то здесь, на мелководье они сбросили свои военные знамена, ибо стали братьями.

Была музыка, которой никто не сочинял, она была здесь всегда, ибо была это - песнь песней.

Ветер подносил их Богом спасаемый плот по прозрачной, как чистая, счастливая слеза, освященной солнцем воде, к последнему берегу.

Очень скоро, и Бендеру-Задунайскому, который не верил в приметы, и Шмидт-Паниковскому, который в них верил больше, чем в свой пулемет, звезду и благородное происхождение, стала видна, лежащая в воде та самая исполинская мачта с обрывками вант, на которой в буйное море ушёл Хулио Чкалов.

- Слава богам, сыночек - здесь, - с чувством облегчения сказал командор, взялся за обрывок каната и стал подтягивать плот вдоль мачты к берегу.

Когда они причалили, то долго не решались высадиться, - что-то их удерживало.

Ангелы управляли этим, замкнутым со всех сторон водой, миром, не нуждаясь ни в чьих планах, и не вызывали у Великого Комбинатора ни удивления, ни восторгов - это были люди с крыльями, как у белых лебедей, больше ничего. Он чувствовал себя в этом новом мире зрителем, но никак ни актером, и просто не решался (да и не желал*), сойти со своего уютного, плавучего кресла.

Он взглянул на капитана, тот, после долгой подготовки, перенес-таки ногу через борт, с минуту так посидел, и, в конце концов, вывалился на мелкую воду.

Капитан опустил в лагуну лицо и открыл глаза: лагуна была, как в пустыне по весне - расписной оазис, полный неведомых кораллов, пестрых коньков, перламутровых рыбешек, прозрачных, размером с ноготь, разноцветных медуз.

Его поцеловала в нос крошечная, змеевидная рыбка - карибский каракус, прячущаяся в заднице у медленно ползущего куда-то - морского огурца.

Капитан встал на ноги, и сразу свалился, обдав брызгами Бендера, потом произвел еще одну попытку, и вновь - неудачно, так что ему пришлось вынуть из-за пояса, одной рукой - своего любимого Гомера, другой - блестящий и красивый итальянский пистолет, и стать похожим на высаживающегося к папуасам Новой Гвинеи классического пирата, закосившего под католического миссионера.

- Осторожно, капитан! - крикнул ему Великий Комбинатор. - Не изломайте “кость позвоночную”!

Бендер повернул свою могучую шею налево - там, по пояс в воде, опустив концы оранжевых крыльев в голубую воду, сидел рыжекудрий, краснобородый ангел, и любовался на себя в чистой лагуне, как в зеркале.

Он трогал свое отражение рукой, потом долго, по-доброму, ухмылялся, а дождавшись, когда разойдутся круги, трогал его вновь и вновь.

Остап собрался ему что-то сказать, но изо всех имеющихся в памяти оборотов, адресованных женщинам, купцам, дипломатам, аферистам и послам дружественных держав, не имелось ни одного, подходящего к ангельскому сословию.

А по сему он решился-таки высадиться из “Нового Ковчега” на теплое мелководье, однако, не смотря на весь уже имеющийся зрительный опыт

такого десантирования (капитан уже в третий раз пытался встать и удержаться на ногах, но привычная качка роняла бывалого морского волка, как груша - собственный плод), Остап встал на все имеющиеся точки опоры - а их было, не смотря на скромное количество с утра выпитого, все еще четыре.

Когда он, наконец, встал, и, выписывая своим здоровенным телом, различные дуги, подошел к Ангелу, дабы “засвидетельствовать почтение”, то откуда-то (как ему вначале показалось - с небес*), он услышал знакомый глас, и до боли в голове, душе, зубах и суставах, памятную формулировку:

- Командор... Забурел.

Тут Остап повнимательнее всмотрелся в красно-рыжий лик богоподобного Ангела, и заметил, что тот почесал свою лопатообразную, кудрявую бороду, очень знакомым движением, - страшная догадка заставила его плюхнуться задницей в воду - прямо белыми, фланелевыми штанами.

- Забурел... командор? - вторично переспросил Ангел.

У молочного брата был преисполненный спокойствием взгляд, который говорил одно - дескать, произошло нечто такое, что он уже пережил, а командор еще нет (или – уже*).

Рядом по воде заплюхал капитан - он, переборов «привычную» качку, подошел к сидящему в воде краснокрылому Ангелу, и без вступительных церемоний, выдернул у него из крыла - длинное, саблевидное перо.

- Таким он себя последнее время рисовал, - сказал Никита Оттович Шмидт-Паниковский, сунул перо себе в шевелюру, вынул из-за пояса произведение итальянского оружейного искусства, сильно размахнулся, и что есть мочи забросил его подальше - в океан.

- Замах был столь силен, что капитан вновь рухнул в воду.
- Да уж. Наша претенциозная кляча пришла-таки первой.
  - И сразу оперилась.

Бросив на свое отражение прощальный взгляд, рыжий Ангел стряхнул воду с крыльев и побрел вглубь острова, что-то бормоча себе под нос (должно быть – молитву, он даже услышал несколько впечатляющих формулировок, например:

«Прощаю вас, всех, кого замочил, и тебя, кто замочит меня», или «я в рот всех видел, кто скажет, что чурбаны – мне теперь не братья, потому что все мы, кто если и ворует, то всегда по совести, одно говно месим, месили, и месить будем, потому что оно – золотое»*), не оставляя на желтом песке никаких следов.

Остап захотел его окликнуть, но вновь не нашел подходящего определения, - язык не поворачивался обратиться к нему с прежними, привычными, ясными персональными формулировками.

Это не мог быть ни бортмеханик, ни юнга, ни кок, ни Балаганов, ни Шура, ни “авторитет”*, ни “деловой”***, ни “джага”***, ни “жужу”****, ни Александр Степанович.

- “Крылатый”(1.), - помог командору капитан, и они с изумлением взглянули друг на друга, ибо поняли, что стали понимать друг друга без слов.

-----
*,
**
,***,
****,

1. “Крылатый” - вор в законе, авторитет (словарь Д.С. Балдаева*).

- Сегодня утром сочинил стихи, - решил поделиться с капитаном

командор, - когда в который раз сообразил, что жив.

- Прошу.

- “Vive Dios, que mi espanta esta grandeza!”

Капитан был поражен, - до того ему понравилось, и машинально перевел текст - на русский:

“Жив Господь, как страшит меня это Величие”!

После этого он лег на живот, вытянул вперед себя руки, и вновь опустил голову в воду.

Дождавшись, когда капитан вынырнет, Бендер продолжил:

- Теперь, после встречи с Крылатым, я бы перевел по-другому. Знаете как?

- Нет.

- “Ах, как дивит меня такая пышность”!

- Так еще круче.

- Подозреваю, что немного погодя, я переведу со свойственным для всех моих соотечественников тактом:

“Как давит на меня все это....”

- Ясно. Лысый вновь стал Рыжим, да вдобавок еще и Крылатым, а у нас вообще - непонятно, что за черт знает такое.

И никаких тебе перерождений.

Как говаривал Ченгиз Хан:

«Всё просто, когда знаешь, как»

И почему.

- Да. Особенно, когда я вспомнил, что строку о величии лет триста назад произвел на свет Сервантес, (1*) -

-----
1. “Дружественное Сервантесу время внесло правку в его корректуры”, - метко выразился на этот счет Великий Мистификатор Борхес. *

- с грустью сказал Великий Комбинатор, после чего они, помогая друг другу, как два свежеконтуженных морских пехотинца, с трудом оторвались от райской лагуны, как от долгожданной, теплой ванны, и, шатаясь, как те пьяницы, коих силой вина несказанной, погубил злой демон, побрели вслед за Крылатым.

- А нужны они нам, крылья эти? - спросил, вновь без слов, капитана командор.

- Что, совсем не хочется полетать? Не есть, не пить, не серить, увлечься чем-нибудь подобным?!

- Чтоб потом, долететь до самого солнца, спалить перья, и пи(ПИСК)дануться, прости Господи, в самое, самое, самое? По самое «нихочу». Это – любовь, капитан. Она обязательно пройдет, но если начать падать где-то на взлёте, то последствия – хуже смерти, уж я-то знаю.

- Значит, надо будет парить где-то посередине.

- Ни хрена. Мы скользим по лезвию – вот она. Настоящая грань. «Одна на всех понятная».

- Крылья,.. Тот же самый параплан, - сказал командору капитан, одним только взглядом, единственного своего глаза.

С ужасом для себя, он увидел за спиной у Великого Комбинатора плавно возникающие из небытия крыла – чёрное и белое.

- Что это с вами, Никита Оттович?

Капитан провёл у себя по спине – рука скользнула вверх, по шёлковым перьям.

- Вы тоже.

Их крылья повторяли друг друга в законе шахмат: правое – белое, левое – чёрное.

Они огляделись: поражал этот самый, необычный по ясности и яркости свет, однако довольно необычным был и сам остров.

Они пребывали на небольшом клочке суши, поросшим редкими пальмами, в центре которого возвышался песчаный холм, похожий на вулкан: там, на самой его вершине, словно огромный берет, сродни тому, в котором отправлялся по дороге Атлантов Картес, торчала НЛЮ.

К ней бесконечной цепочкой тянулись Ангелы, движения их были спокойны и неторопливы.

Весь остров, и окружающий его океан, на просматривался, как поминал карту турецкого адмирала Перерейса, созданную до Меркатора, во времена, когда Антарктика была безо льда - и командору, и капитану казалось, что никакой другой суши, никаких малых или больших континентов больше в мире не было и нет - был только океан, с дрейфующим клочком суши на его беспредельном лоне.

- Это - кальпа, - сказал Великий Комбинатор.

- Кальпа? - спросил капитан.

– Да, кальпа - железная стена. Шестнадцать в высоту, и через каждые шестьсот ее протирает тряпкой ангел. Он протирает ее тонкой тканью. Когда сотрется стена, та, что шестнадцать в высоту, пройдет первый день одной из кальп; боги живут столь же, сколько длится кальпы, затем умирают. Короче, “как архангел я висю, сверху землю вижу всю”.

- Не сидел, не отзывайся «по понятиям».
- А что?
- Откуда вы всё это знаете? Были на небесах?

Остап Бендер провел большим пальцем правой руки по тонкому, белом шраму у себя на шее.

- Мы все когда-то «отойдём»

Куда-нибудь,

И как-нибудь.

- Даже если это лучшие слова, на хера ими травить душу?
- Да будет вам. Мы ныне ангелы, хоть и ГОНяемся за золотом.

Они переглянулись.

- Вы что-то сказали?
- Нет.

Стало ясно: беседа шла без слов, в традиционном смысле этого слова.

Шагов через сто этого молчаливого, но насыщенного беседой, пути, Великий Комбинатор резко остановился, посмотрел сначала капитану в его голубой, левый глаз, потом поправил очки и обратил взор себе под ноги, - он медленно присел, взял в руки горсть песка, и поднес его себе прямо к глазам.

- Поздравляю, Никита Оттович, - странным голосом сказал Бендер. - Мы загребаем своими нагими ступнями чистое золото.

Никита Оттович последовал примеру старшего товарища, и поднес горсть к лицу, - песок заиграл золотыми бликами, на его единственном, голубом глазу.

Заметив на прекрасном лице капитана тень сомнения, Бендер расстегнул золотую цепь, и кинул свой орден Золотого Руна в капитанскую ладонь, - вся масса слилась в едином, желанном блике.

- Как вы думаете, Никита Оттович, сколько сможет вместить ваш шестиместный “Новый Ковчег”?

- Самую малость, - сказал капитан, вернул орден Одиссею (*), и присел на корточки. - Воистину, за все бури и корабли на свете - вот она, достойная цена. Гамбургский счет.

- Я, похоже, закончил свой роман, - сказал Великий Комбинатор, оглядывая бродящих по острову магнетические, крылатые образы. - Остается теперь только его написать.

- Что это у Вас с ушами.
- сказал голос, - на этот раз прямо с небес.

Друзья, сощурившись, подняли взоры к небу - там порхал Симург Феникс, попугай Елены Боур в красных подштаниках.

- Мне так Бог дал, - сказал Остап Бендер, взмахнув крылами.
- Ни хрена себе! - вскричала птица человеческим гласом. - Ну, идите. Только, никакого айкидо. Мастер У(ПИСК)есиба умер. Да здравствует кувалда.

- Что это значит? - возмутился Остап. - Ты мне еще скажи, что этот Остров - не золотой?

- Остров - золотой, - подтвердила мудрая птица, - твоя книга усмехнется над тобой.

- Это еще почему? - ни чуть не удивившись тому, что немой попугай наконец заговорил (эка невидаль*), спросил Бендер.

- Потому что ты идешь ногами по золоту, не оставляешь следов, говоришь - без слов. Кто ее будет читать? Такого не бывает даже в снах.

- Во снах бывает всё, - сказал капитан, и попытался выхватить Феникса за хвост, но тот поднялся на метр вверх, и завис на новой высоте.

- Тогда попробуй, проснись, - выдала вердикт мудрая птица, и упорхнула на вершину. 1 *.

-----
1. Очарованный сценой, тот из нас, кто был в этот момент самый сентиментальный, вспомнил забытого Кеведо, его сонет четвертой книги “Испанского Парнаса”, где “воспеваются подвиги любви и красоты”:

**Я, точно Феникс, яростным объят
Огнем и, в нем сгорая, возрождаюсь,
И в силе мужской его я убеждаюсь,
Что он отец, родивший многих чад.**

**И саламандры пресловутый хлад
Его не гасит, честью в том ручаюсь.
Жар сердца моего, в котором маюсь,
Ей нипочем, хоть мне он сущий ад *.**

(В книге X своей “Истории”, - напоминает нам Борхес, - Плиний заявляет что саламандра очень холодна, что от соприкосновения с нею гаснет огонь.*)

Проводив глазами свою путеводную птицу, которая вела себя, как бывалый гид, они оглянулись - следов за ними не было.

- Значит, Остап Ибрагимович, вы теперь - ангел, - сказал капитан.

- Да и вы, Никита Оттович, не лучше, - сказал командор, и оба они услышали голос Феникса - золотой горы:

- Ангелы не видят своих крыльев! Они на них летают!

Капитан и командор переглянулись: крыльев больше не было, а полёт – был.

- Значит, крылья можно увидеть только один раз, - заключил капитан.

- Стыло быть, я не ангел, - сказал командор.
Не в тот момент, не в нужном месте.

- Входите в образ.? Заранее страдающий?
- Слегка от(ПИСК)женный.
- Подуе(ПИСК)бло меня это ваше вдохновение.
- Наше.

Даже и не пытаясь взлететь (они пока не представляли себе динамику этого, абсолютно нового для себя, действия), они подошли к подножию золотой горы, и встали в очередь, - вслед за тем, кого они не знали, но который все же им был знаком (“Где-то я видел это лицо”, - подумал О. Бендер, а потом решил, что перед ним, должно быть, стоял раскаявшийся демон, ибо вспомнил, что изменчивы ликом - ангелы падшие. Пригляделся, - кажется, это был капитан немецкой субмарины Юрген Бриман. «Должно быть, в очередь за долей», - подумалось ему*).

Бригада старателей, которым уже и искать было нечего, и стараться было незачем — медленно продвигалась к вершине, загребая ногами золотой песок, в полнейшем покое - если в этом мире и была какая-то точка, если в этом кайфе и был какой-то натуральный центр, если и соединялось где-то бесконечное время с желанным пространством - то только на этом Райском Острове, и нигде более.

Молчащая компания плыла, не шла - влекомая вечным инстинктом

преодоления - взобраться на то, что еще можно было преодолеть, чьим-то призывом: командор прислушался, понял: где-то там, на вершине этого золотого холма, пребывал Хулио Чкалов.

– Ядерный хеппи энд, - сказал

Остап Ибрагимович Бендер-Задунайский, командор Пробега. - Я умер.

- Морально? - спросил Никита Оттович Шмидт-Паниковский, того ж Пробега капитан. Разумеется, без слов.

- Этически.

Все шли на зов индейца, он, сидя рядом с самым большим в мире алмазом, имя которому было “Око Света”, играл на своей фамильной дудке, волнуя небеса и созывал своих овец, должно быть, либо для того, чтобы их спасти, либо для того, чтобы принести их в жертву, и это ни кого не пугало.

Остап брел вслед за капитаном, иногда возложив руку ему на правое плечо, как бы желая убедиться, что он еще здесь.

“Вверху - колодец нирваны, а индеец будет отправлять туда каждого из нас, мы будем падать в него, и люди, и ангелы, и те, кто с крылами, и те, кто без; а потом все это или закончится, или начнется заново, но весь ужас в том, что опять надо что-то решать, и как всегда - по привычке, - либо прямо сейчас взять, и отвалить, либо что-то познать, а что - только Самому ведомо.

У Великого Комбинатора возникло непреодолимое желание выйти из этой благодатной очереди, как от того архерея, что звал на приём, - к премудрому индейцу, который, наверное, тот самый - верховный ангел, может быть даже - воплощенное божество, к тому же, как все это время утверждалось, - его, Бендера, небесно-земной отпрыск.

Алмаз лежал на том самом месте, где ему было положено быть; и пускал на небо лучи с балансирующего мира, деля его на бесконечную шахматную доску, где раздавалось фигур всем поровну: на “счастье” и “несчастье”.

Великий Комбинатор снял своего золотого барана, последний раз взглянул ему в изумрудные глаза, и бросил в сундук, битком набитый золотом,

Он без сожаления отдал свой орден Золотого Руна той куче добра, что была выброшена из летающего блюдца, как сбрасывается из корзины поднимающегося воздушного шара, песочный балласт.

“Деньги клеятся к деньгам”, - подумал Бендер, и лишний раз подивился тому, как порой естественно, безо всякого видимого рывка, является в этот мир истина, и все - мгновенно, безо всякого насилия над разумом и плотью, меняется местами.

- Иди, пасись в стаде, - сказал Остап Бендер своему двадцатилетнему золотому спутнику.

Потом он увидел, как капитан Шмидт-Паниковский, тот, что только что обрел веру такой, какой ее было ему обрести дано, последний раз взглянул на свою гомеровскую “Одиссею”, и уложил ее на то мертвое золото, ради которого он утопил свой прекрасный корабль, но в глубине души он был, что гибель «Крейсер Шмидт» произошла или во сне, или в другом измерении, в коих он, в походе, перебивал с избытком.

На плоском склоне возник Шльфонс Шлюхенман, - последний ювелир Третьего Рейха.

Капитан привлек его внимание, легонько постучав его по лысине, сказав:

- По-настоящему быстрые решения принимаются после смертельного ультиматума.

Бендеру захотелось спуститься с горы, остаться на златом песке в уединении, усесться под пальму, дожидаться упавшего кокоса - на башку, зарыться в золото, и забыться — на «подольше», и ждать какого-нибудь корабля, который сюда все равно не придет, потому что если бы сюда и заходили какие-нибудь корабли, то и острова этого давно уже не было, -

добрые люди его бы развезли по частям — регата старателей - без финиша - всегда.

Великий Комбинатор неожиданно для себя увидел свое ближайшее будущее, сколь неизбежное, столь неотвратимое, ему показалось, что это была она, та шахматная партия, в которой придется выигрывать, зная единственную комбинацию - ход королевской пешкой.

“Какова, однако, игра!” - думал он, когда они достигли вершины - она была не так уж и высоко.

Он отчетливо, тем самым третьим глазом, который вдруг у него пробился здесь на райском Острове, увидел, что прямо у лестницы, ведущей к двери железного блюда с матерной надписью, давно начавшей утомлять (по жизни), и сундуки, заваленные золотом, на золотом песке стоящие, а на самом большом - покоился вожденный камень — миф Стивенсона, мечта Флоризеля, о грани коего разбились столько крепких черепов и алчны сердец, венец райского клада, светившего свои координаты на всю вселенную.1. *

-
- **Какие-то мысленные потуги назвать этот застывший объект - чистой истиной, которая есть - философия в идеале, в нашей компании были не в ходу. Сколько бьёшься, столько и живёшь.** (В конвульсиях). Но для того, чтобы пробить стену, надо долбить в неё всю жизнь, и каждый день, а потом внезапно убрать: почувствуешь некоторое облегчение.

*

Альфонс Шлюхенман, сквозь призму своих пуленепробиваемых очков грустно обозревал золото, про которое, как ему доселе представлялось, он знал всё, на ближайшем сундуке возлегал, словно отощавшая после зимней спячки гюрза, его телохранитель Рудик.

Заработали двигатели, полыхнуло пламя - настолько бесшумно, что

Шлюхенман оторвался от накрывшей его меланхолии, и воткнулся слепыми глазами - в перспективу.

“Минутная готовность”, - сказал себе Великий Комбинатор, и стал отсчитывать - 10, 9, 8, 7, 6, 5, 4, 3, 2, 1... Поехали.

Хулио Чкалов «взмахнул» рукой, и сказал в небеса:

- Папа! Тебя хотели сделать предателем, но ты никогда не боялся – никого и ничего. Ты, сидел в тюрьме, летал по небу, спал с пушкой под подушкой. Ты поднял в воздух машину, которая была неспособна летать, тебя боялись, и поэтому убили. А потом – убили всех остальных. Я иду к тебе.

Остап сперва остановил, а потом слегка повернул к себе капитана, - они отошли на шаг в сторону, остальные, и те, кто был за ними, и те, кто был перед ними стали их обходить - и взбираться дальше, сгорая, не чувствуя пламень.

– Хоть, раз, но всё равно женись, сынок. Ибо девушка, когда она становится невестой, вибрирует особым током, особенно при сексе.

– Ты был женат?

– О, да. В 1928-м, в возрасте двадцати восьми, в погоне за бриллиантовым стулом.

– Слыхали. Ну и как, вдову трясло?

– У нас, в стране (краю)

оргазмов? Шерше ля фам. Ищите дырку.

– - У меня тоже, ГБшница была, москвичка, в жопе спичка. Колдунов тестировала.

– - Кого?

– Менеджеров экстракатегории.

– Все сидят: мужики из-за баб, петухи из-за мужиков, а на самом-то деле – бойцовая, б(ПИСК)ля, птица.

– Поставьте на могилу

пропеллер от крыльчатки.
(Ломбард)жини».

- Ну, зачем ты так.
- Да не мне. Чкалову.

Они переглянулись с Первым Космонавтом.

- У тебя сколько судимостей? - осведомился капитан.
- Восемьдесят девять, - ответил Остап Бендер. - А у тебя?
  - Одна.
  - Не расстраивайся. Какие твои годы.
  - Зато какая.
- Импортная?
- Да нет. Родная.
- Н-да. Для русского бейсбол, как проза Толкина – попса для рулевого с НЛЮ.

Они залюбовались космолётом.

- Ты знаешь, куда идешь? - спросил Бендер-Задунайский Шмидт-Паниковского.

- Да, - не раздумывая, ответил капитан.
- Я, пожалуй, не полечу в это самое светлое будущее, - сказал Бендер.
- Хочешь вернуться к нашему ковчегу?

- Я всегда к нему вернусь, - сказал капитан.

Они обнялись.

Остап Бендер сел на белые штаны из спасательного комплекта «Нового Ковчега», и скатился вниз, с золотой горы, прямо под высокую, танцующую на морских ветрах, кокосовую пальму.

Он устроился возле нее по удобнее, и сразу же, прямо ему в руки, мягко приземлился благословенный плод.

- Ого! - воскликнул Остап Бендер. - Что скажем в назидание потомкам? Адам и Век?

Он расстегнул замки своего акушерского саквояжа, и извлек от туда фамильный янычарский тесак (он ему достался от папы, турецкоподданного*), и вскрыл резервуар, сокровенного сока.

Он выпил все, что было в орехе - белое, чудодейственное молоко придало сил и прояснило разум. Ему показалось, что свежая, новая порция горячей крови разлилась по венам.

Потом он извлек свой чудо-бинокль, посмотрел на вершину, и увидел, как Хулио Чкалов, с Симургом Фениксом на плече, стоя возле дверей надежного, как и все немецкое, средство передвижения, приветствует его.

В левой руке он держал прозрачную чашу с чистой родниковой водой, правой помахивал кустом какой-то особой, неестественно зеленой конопли, и говорил ему, своему “земному” отцу, те самые слова, которые Остап слышал, как будто Хулио был где-то рядом:

– С таким кайфом можно и лететь, - сказал индеец.
«Если вся жизнь – сплошная спазма, какого хера спазмалгетики дают исключительно перед кончиной?» спросил себя
Остап Бендер.

Скрипя костями, встал с места, извлёк платок, взмахнул на ветер, всплакнул, смахнул слезу, сморкнулся, сплюнул в золотой песок, и выдернул седой волос со своей наполеоновской татуировки.

- Нет, это не остров святой Елены. Это гораздо хуже.

Все, кто поднялся на холм, зашли в блюдце вслед за Чкаловым, был задраен люк, и космолёт конструкции Вернера фон Брауна, не издавая никаких звуков, качнулся на стартовой площадке, и бесшумно взмыл к

небесам, коснулся вершины неба, скользнул вниз, сделал круг над островом, затем отлетел за облако, возникла вспышка, раздался взрыв. (ИЛЛЮСТРАЦИЯ)

СМЕНА ПЛАНА

ДАЛИ. Ангелы Порт-Льигат 1950.

Бендеру вспомнилось клише арийского романтика - Новалиса:

“Тот будет величайшим волшебником, кто себя самого заколдует так, что и свои фантазии примет за явления действительности. Разве не таков наш случай?”

Что это значит - “разве не таков наш случай?” - думал Остап. Получается, либо Фридрих фон Харденберг, что взял себе этот латинский псевдоним, был в этом блистающем раю, либо он ему приснился, и он узнал то чего нет, но на самом деле - есть?

И прав, в конце концов еще один умный, как вся сборная команда чертей по регби, фамилия которого завораживает больше всех его волевых теорий... Как его... Шопенгауэр!

Что, мол, о Боге ничего нельзя сказать утвердительно, только отрицательно, и что это - единственно верная теология, лишенная, однако, содержания.

Граница между мазней и картиной порой стёрта и неясна: декорация ли это, или благодатная истина, чистая, как последняя пресная вода, которую увёз с собой Чкалов?

Я сдунул пыль со старой карты МИРА.

Остап в очередной раз дернул себя за ухо, задумавшись о тех возможных способах разбудить, наконец, того Бдящего, кому он, в данный момент снился, потому что такая реальность начала его (мягко

говоря*) утомлять, именно потому, что по сравнению с сидением на золотом песке, и вкушением плода просветления, следующее приключение могло впечатлить, ровно настолько, насколько может утомить бессмертие, или ожидание какой-нибудь фатальной катастрофы, - хотя бы этого долбанного конца света, предсказанного Майя. Когда это должно случиться? А! 21.12.12. Ещё нескоро.

“Накроет сразу после выдоха, как только скажем: «Пронесло»”, - решил он.

Остап перешел на англичан, первым был Джойс, смерть которого в сорок первом году расстроила его больше, чем начало войны:

“История - это страшный сон, от которого хочется проснуться”.

Потом вспомнил Иоанна Ирландца, с его супер клише:

“такая реальность, не ведающая, что она есть, ибо она не есть нечто, не подвластная ни собственному разумению, ни любому другому разуму”.

Оставалась вера, которой - не было, во всяком случае, образ бога - Чкалова, сорвавшего с золотого холма “тот самый кайф”, ради которого вел всю эту экспедицию, и улетевший куда-то наверх, реквизируя у Шлюхенмана его летающую тарелку, то ли выбросив от туда весь бриллиантовый балласт, то ли восстановив равновесие - вернув алмаз в камень, растопив его в менделеевское “С”, и возвратив время: Чкалов, взявший с собой и на себя столько ангелов, сколько туда влезло, в эту божественную схему явно не вписывался.

Его – как старое каскадёрское авто, разбивают, собирают, в конце концов, механик (машинально) теребонит пи(ПИСК)сю, и заявляет: всё.

Ежли б оно было кобылой, я бы посоветовал ЭТО пристрелить.

Может быть, перегрузили тарелку, и немецкая система, какая бы она стильная в обводах не была, не выдержала такой нагрузки, к тому же там

не было (как он успел заметить*), ни одной женщины, - ах, да, ангелы бесполой – на хрена им? – рассуждал Задунайский.

Бендер ясно представил себе всю эту компанию безбожников и фанатов, ангелов, белых и чёрных, а то и пополам, после того, как они, вероятно, преодолели звуковой барьер, и отправились к Отцу Небесному в гости (получается, что к Валерию Палычу) - им, наверное, хорошо и весело, ибо курят они чистую траву, и пьют они - чистую воду, - решил Великий Комбинатор, старательно отгоняя мысль, что взрыв мог быть причиной чего-то другого.

Возможно, спаслись только те, кто забрался в эту тарелку, и мир перестал существовать. Или наоборот - спаслись только те, кто не полетел, и мир все равно перестал существовать, а его и не было - и о нем забудут, когда Бдящий проснется.

Никто не знает правды. Ни дотошные немцы, ни чопорные англичане, ни турецкие русские.

“Наверное, надо было лететь с остальными, - подумал Остап Бендер, - но, черт возьми, я устал от этой непрерывной качки. Мне пятьдесят лет, и хватит с меня.

Солнце затмило.

Бендер обозрел полное беспросветной тьмы, райское пространство, и ему показалось, что тьма на мгновение прояснилась - он увидел на фоне огромной буро-красной, как новые крыла Балаганова, исполинской мельницы, бессмертную пару - Дон Кихота - вечного Рыцаря, и Санчо Панса - губернатора Острова.

Потом послышался звук летящего, режущего воздух снаряда, и холст пробился - слева от бессменного оруженосца возникла зияющая дыра, пробившая пространство - в никуда. **(ИЛЛЮСТРАЦИЯ).**

СМЕНА ПЛАНА

ДАЛИ «ДОН КИХОТ»

Великий Комбинатор нащупал свой акушерский саквояж, собрался чем-то от туда на всякий случай вооружиться, но потом вспомнил Сервантеса, последние страницы его героического романа (эта мысль возникла не просто так, а по поводу, - возможно, в первый за все это время у него освободилось время сесть вот так под пальмой, и не суетиться*).

“...А премудрый Сид Ахмет говорит, обращаясь к своему перу:

“Здесь, на этом крючке и медной проволоке, ты и будешь висеть, перо мое, не знаю, хорошо или же дурно очиненное, и ты будешь жить здесь века и века, если только какие-нибудь дерзновенные и злочестивые сочинители не снимут тебя, дабы осквернить. Однако, прежде нежели они к тебе прикоснутся, предостереги их и произнеси как можно внушительнее:

(Остап произнес это вслух*)

*Тише, тише, шалунишки,
Пусть никто меня не тронет,
Ибо только мне, король,
Уготован этот подвиг!...”*

На Великого Комбинатора снизошла истина, которую легко можно было бы записать, если бы не полная тьма вокруг: истина немного подождала, и скрылась в той дыре, которую пробил пуля, пущенная из аркебузы Мастера, которая и была - тот самый финальный снаряд, который - суть черная, жирная точка - в самом начале этого конца. (Мы тут лишний раз пересчитались - таковой был разве что у (*) Одиссея*).

Остап, ни черта не различая глазами, обнял спасительный ствол.

- И ты, пальма, тоже

В садах сих чужестранка, - тихо сказал он, а потом вспомнил, что он просто повторил возглас короля Абдар-Рахманом, тосковавшем по востоку в садах Русафы.

Он прощупал лопатки: крыльев не оказалось. А может быть, и не было.

СМЕНА ПЛАНА ДАЛИ ОДИССЕЯ

Мы рассекали на нашем летающем (при желании он мог взлететь, прямо на воздух*), корабле, и тот из нас, кто был в наилучшем расположении духа, пропел - в туман:

- Море было прекрасно, погода была прекрасна, сирены были - прекрасны, ужасна была лишь перспектива.

- С чего это ты разнылся? - спросили мы его, ибо имели право так говорить (друг другу*).

- Потому что, либо Шлюхенман нанял какого-нибудь личного гипнотизера фюрера, и он навевает на меня сумеречное похмелье, либо мы приплыли.

- Куда?

- На тот райский остров, где живут только ангелы.

- А господь бог, - где живет? - решили спросить мы его, раз уж он прикинулся - что в ударе.

- Господь Бог не живет нигде, - сказал он, и мы поняли, что он не соврал.

P. S. В тот день, когда мы все, числом двенадцать, и судеб во множестве, чистили свои перья, ковали наконечники своих стрел, и натачивали топоры с ножами (в конце концов, сколько можно сотрясать воздух этим дурным порохом, - решили мы, пора

отправляться на подводную охоту - за сиренами, уж больно нам понравились их сучьи хвосты*), тот из нас, кто первый кончил (с бесконечным этим приготовлением*), задал тон божественной беседе:

- А скажите, братья, - сказал он, взмахнув палевыми крылами, как бы пробуя их на размах, - что мы, вообще, знаем об ангелах?

- О них больше всех знал покойник Эммануэль - тот, чье трудолюбие всегда отличалось изобретательностью, - вновь возник из небытия Великий Мистификатор. - Это он спроектировал корабль, способный летать по воздуху, и другой, военный, способный двигаться под водой.

- А что же ангелы?

- Ангелы, как и демоны, - это мертвецы, переселившиеся к ангелам или демонам. Любопытная деталь, предполагающее четвертое измерение, предсказанное Генри Муром: где бы они не находились, ангелы видят Бога анфас. Солнце духовных сфер - видимый образ Бога. Существование пространства и времени иллюзорно; стоит о ком-либо подумать, как он тут же появляется рядом. Ангелы, как и люди, общаются с помощью артикулируемых и различимых на слух слов, и в то же время язык общения у них естественный и не нуждается в изучении. Он един для всех ангельских сфер.

Борхес исчез, а вместе с ним чашка свежесваренного кофе, мы же, числом двенадцать, хлопая на собственных ликах домовых комаров, которые были на нас жалкими пародиями, и все, как один - самки, отложили отлет, и расформировали косяк (Одиссей (*) был у нас сегодня ведущий*).

Нас безумно заинтересовал вопрос, на каком языке общаются ангелы, и перевод мыслей ангела прижизненного (Сведенборга*), в первый раз не удовлетворил нас в исполнении Великого Мистификатора, - он хоть и великий, но все же как-то назвал все

тома его дешифровки этого самого ангельского языка - галлюциногенными, то есть, фактически, Борхес объявил Сведенборга наркоманом. 1*.

-----
1. В своей новелле “Густав Янсон. Приход старика” Борхес признался, что шведскую литературу навещал довольно умеренно: “Три-четыре богословски-галлюцинаторные книги Сведенборга, пятнадцать-двадцать Стриндберга (который одно время был моим кумиром, наряду с Ницше), - признаемся, что и нашим кумиром был Ницше, что до Стриндберга, то он был жуткий антисемит и запойный алкоголик, что тоже вполне понятно каждому русскому, - один роман Сельмы Лагерлёф, да книга сказок Гейденстама - вот, пожалуй, и вся моя гиперборейская эрудиция.

К тому же, если верить дешифровке Борхеса, теория мироустройства Сведенборга не так уж отличалась от “Книги сияний” каббалистов, а книга эта вызвала у нас, не знамо отчего, легкое раздражение - за дидактику.

А по сему мы решили вызвать самого - он прилетел, аки полосатая пчела, треща своими огромными прозрачными крыльями, и разряжен он был, согласно собственной теории божественного устройства, - чем цветастей у ангела одежды - тем он, стало быть, и круче.

Эммануэль, двигая талией в лучших традициях эротических триллеров, поведал следующее (мы цитируем*):

- Что ангелы имеют человеческий образ, т.е. что они такие же люди, это я видел тысячи раз: я разговаривал с ними как человек с человеком, иногда с одним, иногда со многими вместе, и никогда я не видал, чтобы внешний образ их чем-нибудь разнился от человеческого; иногда я дивился этому; но чтобы это не было приписано обману чувств или воображению, мне дано было видеть

их наяву, при полном сознании чувств и в состоянии ясного постижения. Я часто рассказывал им, как люди в христианском мире по слепому невежеству своему думают, что ангел или дух есть один ум (mens*) без образа или одна только мысль, или, наконец, нечто эфирное, одаренное началом жизни; таким образом, не оставляя духу ничего человеческого, кроме способности мышления, люди думают, что дух не видит за неимением глаз, не слышит, за неимением ушей, и не говорит - за неимением языка и рта.

Мы прощупали у себя рты - языками, но так и не поняли - уже духи мы, или все еще во плоти, увидев наше замешательство, ангел добавил:

- Я видел ангелов в свете, который много превосходит полуденный свет здешнего мира, и в этом свете я различал все черты лица их гораздо отчетливее и яснее, чем лица людей на земле. Мне также дано было видеть ангела самых внутренних небес: его лицо блестело и сияло более, чем у ангелов низших небес; я рассмотрел его и могу сказать, что он был в совершеннейшем человеческом образе...

- Уж не в золотом ли свете отражаются их святые лики? - как один, спросили мы Сведенборга, тут он припорхнул к Одиссею (*), всмотрелся ему - прямо в лицо, и, взмахнув своими огромными, прозрачными крыльями, вытряхнулся в открытый пушечный порт нашего “Нового Ковчега”, аки раненый птеродактель.

- Хорошо, что хоть не в кингстон! - крикнули мы, глядя ему в пухлый зад, где у банального шершня, сидит его ядовитое жало.

- Должно быть, полетел рассказывать своим, - решил начальник службы “опасности”, и мы решили добить эти крылатые вопросы, - под руку попался трактат двух средневековых инквизиторов, Я. Шпренгера и Г. Инститориса, из которой выпала цветастая закладка, как черная метка:

Там жирным фломастером было подчеркнуто, что, мол:

“...на падение дьявола с неба влияла его непомерная похоть, причина падения столь многочисленных ангелов, гнавшимся за дочерьми смертных. От сожительства с ними падших ангелов произошли “недостойные небожительств” демоны, помощники и сотрудники дьявола”.

- Уж не грешим ли мы, срубая головы демонам, ежели они - тоже ангельские дети? - спросил из нас тот архангел (Михаил*), что больше остальных любил махать мечом.

Мы призадумались - куда не (при)кинь, в кого не (про)брось, кому не (при)сунь - все едино - грех. Не грех - только мастурбация.

- Ежели ангельские лики отражаются в том свете, коим переливается золото, а люди гибнут - за металл, то давайте на этом и успокоимся, - сказал Одиссей (*), и мы загрустили, ибо наступало солнечное затмение, предвещавшее по пророчествам - начало конца.

Настала полная тьма, мы зажгли свечу - наш корабль мирно покачивался на волнах, и ничто не предвещало беды, за исключением одного - день стал ночью.

- Я думаю, надо призвать Джеймса Джойса, - сказал тот из нас, кто все время сравнивал манеру исполнения всех известных литературных процессов, ибо ему самому больше всего нравилось сочинять под кайфом, - он считал свою манеру оптимальной, ибо такая книга рождалась с ним, с ним и умирала, так никого не просветлив, не навредив тем самым.

- Почему, - просили те, кто был свободен от вахту, мог предаться высокому искусству, “и т. д.”

- Потому что Джойс - голова.

Мы с ним согласились, но призвали вновь Борхеса, ибо это он

так любил то место в первой главе “Улисса”, где Джеймс упоминает о непорочном, гладком и тугом животе женщины, рожденной не от матери: “Хева, Ева нагая. Нет пуповины у ней.”

- Так что у нас с пупками? - спросили мы Великого Мистификатора. - Выходит, мы, как всегда правы - кто без пупка, тот и не от сюда?

- Эта тема (будьте уверены), - сказал разомлевший от кофе Борхес, - может показаться раздутой и ничтожной, однако зоолог Филип Генри Госс связал ее с центральной проблемой метафизики, с проблемой времени. Связь датируется 1857 годом; возможно, восьмидесятилетнее забвение и свежие новости - это одно и то же.

Мы так и ахнули, вспомнив, что если б наш любимый герой “узнал, что он играет такие мудреные партии и сталкивается с такой испытанной защитой, он бы крайне удивился”.

Как мы не призывали Джеймса, автора, по словам того же Борхеса “самого головокружительного, фатального романа” (что с комментариями Гилберта, что без*), он к нам не явился, - как видно, ему не нравилось, что кто-то другой ХУЛИганит, да еще такой кодлой.

Однако мы не могли не вспомнить те божественные откровения, что являлись к нам со страниц его “Улисса”, его третьей части, где нет ни слова про ангелов, но есть немного про нас (про всех*), только в точности - до наоборот:

“...Оба предпочитали континентальный уклад жизни островному и проживание по сию сторону Атлантики - проживанию по ту сторону...”

(ПАУЗА.)

- А что с остальными Джеймсами? - воскликнул тот из нас, кто

сочинил стройную теорию, что, мол, “Титаник” имел такой кассовый успех потому, что на этот раз Голливуд идеально смоделировал гибель цивилизации. - К тому же опять - в Атлантике, - добавил он.

- А что за Джеймсы?

- Авторы кино и музыки - двух составляющих, которые являются, как говорил Ильич наш дорогой...

- Кто?!

- Камерон и Хорнер.

- А при чем тут ангелы?

- Ну как же, та самая американская толстая тетка, сказала смазливому парню: “Скорее у тебя из задницы будут вылетать ангелы, нежели эта девушка будет твоей”.

- Ну и как, стала она твоей?

- Нет.

- Экое несчастье.

- Знаете, друзья мои, - сказал он нам, на нас раздражаясь, - сравнивать счастье и несчастье, это все равно, что пытаться подсунуть тому же ангелу в задницу главное изобретение материалистов - таблицу умножения.

Но для этого ангела надобно, как минимум, догнать.

Мы приуныли, потому что поняли, что один из нас - как всегда прав. Нам никогда не удастся догнать ангела, ибо мы все же люди, хоть и с крыльями.

Из темноты мы услышали незнакомый доселе глас, он вещал не с небес, а где-то рядом:

“...При ближайшем рассмотрении ангел и вовсе оказался подозрительно похож на обыкновенного человека: от него исходил неприятный запах нищеты, внутреннюю сторону крыльев густо покрывали копошащиеся паразиты, а перья были сильно потрепаны жестокими ветрами.... Нет, в облике старика не было

ничего небесного... Святой отец гордо покинул курятник и в короткой проповеди предостерег любого от излишней доверчивости. Он напомнил, что маскарад - обычная уловка дьявола, подстерегающего неосторожных. “Крылья ничего не значат, - сказал он. - У ястреба тоже есть крылья, и у аэроплана есть. Я бы не спешил записывать его в ангелы...”

Габриэль Гарсия Маркес, “Очень старый синьор с огромными крыльями”, 1968 г.

Р . S. Мы смотрели на безумные клубы золотого песка, того самого, который взлетал к самому синему небу, принимая чистоконкретную грибную форму, и думали о том, что, к несчастью, окружающая нас попса так и не въехала, что Курехин, рассказывая про грибное устройство Вселенной, вовсе не стебался.

Кто-то из нас сказал, мы так и не поняли кто:

“Никогда нам не удастся догнать ангела, потому что, как ни крути, мы все таки люди. Хоть и с крыльями”.

Глава тридцать шестая: "ВЕЛИКИЙ МАСТУРБАТОР"

СМЕНА ПЛАНА ДАЛИ ОДИССЕЯ

- Запах жасмина напоминает мне один давний летний вечер, - сказал Аристотель Марии. – Все женщины делают это за деньги, - услышал я в старом турецком кабаке. Дядя был радикал, и его повесили. А ведь все хотели, как лучше! Теперь морской бог на моей стороне. В этом

свете, Мария, вы вся, как из золота!

Черчилль! - чета Кеннеди Анасис, Джекки! Если я переберусь в белый дом, я куплю тебе такую же яхту, а Уинстн ужинает ровно в 8.15., а она еще просто жена американского сенатора, который одет в белый смокинг, и его все принимают за официанта, и фамилия его, кажется, Кеннеди, и Мария Каллас шепчет: «не губите меня», а жена смотрит в замочную скважину – она, кажется, возмущена.”.

Мария Каллас, мистер Минуджи – , и Черчилль, от которого исходит эта неповторимая комбинация ароматов – гаванских сигар и армянского коньяка, и все эти золотые унитазаы, плаваучий рай, плавучий зоопарк – “Криститна”

АНАСИС. Это мой остров – Скорпион – там произрастают все растения, которые есть в Библии. А что до баб – платить приходится так или иначе.

Мария – ты волшебница! (это он Каллас), в это время Джекки получает в подарок бриллиантовое кольцо, Мария – на другом конце света “Розы, розы, розы, а где же Аристо?”

У Аристо свидание с Джекки.

34. Чан?

- Нет, Кеннеди. Уау, вот это – классная машина! А эта рубашка – просто ужасная!

Дальше “Со мной она готова на все. Это самый большой мой приз”.

“А как же Мария?”

- Она хороша, и хорошо поет.

- А Джекки?

35. Я окружу ее вниманием и заботой.

36. А как же Бобби?

37. Все это преодолимо.

- Вот это да! Уж не замочил ли Бобби Аристо? То есть Аристо Бобби? В это время Джекки видит страшный сон – в них стреляют, а американцы ненавидят Анасиса – за то что он на всех наплевал со своей “Кристины”- на “Эйзенхауэра”.

Мария прощает – это ночь наша, ты разбил мое сердце, но решать – ей.

Самолет – это листья, пароходы – это ствол.

38. Они убивают Кеннеди, я должна увести детей из этой страны.

ОН звонит Гратосу:

39. Она свободна от Кеннеди.

Она идет к кардиналу, и говорит, что она не просит благословения, но понимание не повредит, тот обращается в Ватикан.

40. К Кому?

41. К Папе Римскому! Брачный контракт, все такое.

- Как видите – вот и до папы добрались. Мария Каллас потеряла голос, Аристо разум. У Аристо стоит только на тех баб, которых показывают по ТВ, это льстит ему, потомуку янычар, и если бы наш Великий Комбинатор хоть раз запятнал себя реальным действием, то о нем бы с такой теплотой не вспоминали, а великим комбинатором звали Аристо – в ту пору, пока он лазил по Южной Америке, воруя крузейро – то же и в конторе, которая, как ей и положено,

впоследствии «умерла».

Когда встало Светило, означив наступление двенадцатого дня (все знали, что за ним должен всенепременно последовать тринадцать, стало быть, ссудный*), мы в числе двенадцати, ученые мужья и рыцари того круглого стола, доставшегося от короля Артура (его всегда таскали с собой - даже в сортир (могла застать карточная страсть, та, что по силе своей была равна страсти к путешествиям*), воззрились на свои носы, что устремились к форштевню Нового Ковчега.

Мы увидели Золотой Остров, тот, что был, как декорация безумца Дали (который был далеко не безумец, ибо всегда увольнялся от ленивых шедевров*), и был Остров Театр (любовь к игре, которую, как выразился А.П. Платонов в своих “14 красных избушках” (он всегда тяготел к “фолку”, но ошибся ровно на “2”*), - “в третье место не денешь”, ибо сказал Великий Сальвадор - “что может быть серьезнее игры»?)*.

Чудо Остров сверкал так, что, казалось - ни будь мы такими запасливыми (по необъятной природе своей*), и не имей мы тех очков, что применяют обычно русские работяги для газозлектро (сварочных*) работ, и не раздай нам их вовремя хитрожопый наш Одиссей (*), все бы мы переослепли, как один - сколь верный своей единственной вере, столь и грешный - от бесконечной безысходности своей. (А нас всего - двенадцать, задумайтесь об этом*).

И даже в этом самопальном скафандре, который и был, как вся ненавистная нам самим - собственная суть, - затемненный наспех и со вредом для здоровья, ибо всем нам стало ясно: если на этакое-то чудо смотреть долго, и да еще через синее стекло, то мы ослепнем, и станем все, как Гомер, да Борхес, еще вдобавок оглохнем, как Бетховен и Стинг, потому что хоралы - прямо с небес, переглушили вокруг себя всю фауну и флору, до того выдували их адские - (нам они действительно показались адскими*), архангельские трубы.

- Ну что, господа присяжные заседатели? - пытаюсь переорать этот вселенский джаз, вскричал Одиссей (*). - Разлилася сперма по этим, как их...

- Членам! - дружно подхватили мы, и приготовились горевать, ибо счастье никогда не бывает долговечно, как и любой в этом мире - дефлоративный момент. (Занавес падает, и артисты сгорают только в том случае, если кто-то запалит Театр. (Никто из нас ни разу не сморозил, что, де “искусство принадлежит народу”, это сказал Ильич наш дорогой*).

- Да нет! – вскричал Одиссей (*). – По Млечным, б(ПИСК)ля, путям.

Так оно и случилось, ибо суждено то, что суждено, - со сцены взлетел Неопознанный Летающий Объект, вероятно, увозя с этой земли последнее счастье.

Потом Остров перестал излучать тот спасительный свет, который все так стремились, раз в жизни, да узреть, и стал таким же, каких в океане тысячи - все они Райские, но всегда какая-нибудь залетная канонерка высадит туда пару (сотен*) дебилов, и они построят там себе пятизвездочный отель, дабы поганить собой природу.

Минут через пять (а может, через неделю*), над впереди торчащей, некогда золотой скалой, взошёл женский лик, и мы дружно сообразили, что возникло Божество - с нами вновь заиграл вездесущий Дух Великого Мастурбатора. (ИЛЛЮСТРАЦИЯ).

СМЕНА ПЛАНА

кат.№3, стр. 173, Дали, “Рождение божества”, (дерево, масло.)

Это была Фортуна, которая, увидев нас, могучих, православных, в меру заросших и пахнувших крабами, сказала: “Братки, я вам отдамся»
1*

-----
1. Особенно мы любили Великого Мистификатора за такое, сверхоптимистическое, розовое, как далианский ад, и виртуальное, как дно влагалища (правда-матка*), клише:

“...Два веских и точных аргумента практически сводят вечность на нет. Самый старый - условность бессмертия, (или уничтожения)”.

Этот пункт был грустный, но страстный, и далее:

“...Бессмертие - гласит этот глубокий довод - не свойственно греховой природе человека, оно сниспослано Богом Христу. И лишенный его, понятно, не может и располагать. Оно не проклятие - а дар...”

Дары нам выдавал Творец, так что в собственной природе мы так ни разу не усомнились (не успели*). Ибо, как выражался Метр Дали:

“...Я на 12 лет опоздал...”

Алюминиевый Век до последнего мгновения пребывал Золотым, пока непроглядная тьма не окутала наш желанный Остров, тот самый, к которому мы так и не смогли подогнать наш ковчег: то ли нас придерживала премудрая лоция, (здесь были сплошь и рядом - предательские мели, хранившие остовы всех кораблей, что рвались сюда набить свои бездонные трюмы*); то ли мы сами не захотели лишний раз облапать свою же мечту - мы знали, что любое прикосновение к тому золотому запасу, что хранили ангелы, чревато очередным превращением - в ничто. (Все клады охраняют те “беспредельные” духи, которые считаются бешеными даже в аду*). Никто не мог зайти в эту чистую лагуну хотя бы потому, что, в конце концов, у кого-то из нас могло возникнуть естественное желание справиться нужду, а нужников в Раю никто не ставит.

Слева по борту дрейфовала яхта греческого браконьера Аристотеля Анасиса “Кристина”, справа - тянулся длинный, черный дым от какого-то старомодного линкора, который упрямо кренило на левый борт. (Такой крен был, что хоть выбрасывай флагманскую гирлянду “Умираю, но не сдаюсь”, однако мы присмотрелись во всю имеющуюся оптику, и с трудом перевели: “Скільки смогу зым, остальное - надкусю”*)).

Когда началось затмение, мы не стали зажигать опознавательные огни, ибо давно уже бросили якорь, и не думали, что Святое Провидение вдруг изменит свою единственную волю, и раздавит нас каким-нибудь проходящим танкером.

В этой гнетущей тьме, мы слышали тот характерный звук, который случается только от летящего снаряда, и никто из нас не успел разобраться - слева он свистел, или справа.

Однако всем было ясно, что приземлился он на тот Остров, который каждый из нас считал - частью себя, - взрыва не было, был только звук удара, как нам показалось, об огромное стекло.

Что-то наподобие случалось, когда то у одного, то у другого члена братства начинался ГОН, и каждый - в свое время, начинал подвывать осенним материком (старым волком), свое сезонное одиночество, и, постреливая из дуэльных поджигов, попадали в стенку аквариума, за которым порой ухаживали - все по очереди.

Нам показалось, что пробило спасительную стену, отделяющую этот золотой оазис от всего остального, что было, не смотря на свое божественное совершенство, по сравнению с райской парной - скверный предбанник.

Из предательской щели стал выходить драгоценный кислород, тот самый, что крутейший муж, межпланетный летчик Севрюгов, рискуя жизнью, похитил в бурбляторе у подлых марсиан, и показал другим мужьям - их будущую судьбу; мы ужасались грядущей катастрофе, ибо

знали - никакие земные алхимики не смогли бы восполнить сей грядущий вакуум, ибо вся их вера (вместе со свидетельствами о премиях), была - сплошное безбожие.

Мы молчали ровно столько, сколько времени требовали для себя бесконечные далианские часы, которые, как на весь свет заявил Сам, “не в том суть, что растекаются, а в том суть, что показывают точное время”.

Они “растеклись” в небольшую паузу - длинной в полвека, (ровно столько надо было носить в себе эти шестерни и пружины, да при этом еще не помереть*), ибо, как опять же высказался Мастер, - механизм изначально был его личным врагом, а что до часов, то они были обречены растечься или вовсе не существовать.

Если Солнце уже никогда не появится, то мы поднимем якорь, и бросим наш Ковчег на мель - будем ловить на блесну сирен, песнопениями зазывать залетных муз и, размножимся, чем Бог послал, страдая от попущений, хоть оно и Трижды Божье. 1*

-----
1. Великий Мистификатор, во втором разделе его научного исследования “История вечности”, заявил такое, отчего мы неделю не могли употребить “фронтную” дозу:

“.... Стоит представить себе Троицу сразу, как целокупный образ, включая отца, сына и святой дух, - и она покажется чем-то вроде интеллектуального уродца, монстра, который мог бы привидеться только в страшном сне. Ад - не более чем насилие над плотью; но мнимая, давящая бесконечность триединого лика пугает воображение подобно наставленным друг на друга зеркалам...”

Пересечением прозрачных, разноцветных кругов воображал Троицу Данте; мы же остановились на св. Паулине, которого, опять же, выудил на свет божий Великий Мистификатор:

“Toto coruscat trinitas mysterio”* (Неисповедимой тайной сияет Троица*).

Мысль о бесконечном семени, которым мы обладали в избытке, и которым мы могли осчастливить все бесконечные воды и континенты вокруг нас, показалась спасительной, и всех в момент развеселила, - мы вспомнили легенду о Великом Мастурбаторе, воздали тому сеятелю, что сотворил Великий Комбинатор - и подбодрились беспримерным клише Великого Мистификатора, который в этот раз тот сослался на самого себя, сказав про то, что никакой теории мироустройства у него не было, и нет. 1*

-----

1. “Так как я использовал различные метафизические доктрины в литературных целях, читатели, вероятно, решили, что я исповедую эти доктрины...”, - поведал хитрый старик.*

Появилось благодатное Светило, которого мы не наблюдали ровно столько времени, сколько требовалось для всеобщего просветления и осознания того факта, что пока мы есть (живем*), то ни черта не поймем, а когда нас не будет (помрем*) - то и понимать будет незачем (и что самого главное - некому*).

Первый спасительный луч упал на яхту этого миллионщика-грека, который так любил собирать вокруг себя знаменитостей, ожидая, вероятно, что усади он их на золотой нужник, то они бы стали испражняться розами (как сказал бы Г.Г. Маркес, а он так и сказал*).

- А не поразвлекся ли нам, господа присяжные заседатели, сочинительством светской пиески? - спросил Одиссей (*). - Раз уж все пока обошлось. Остров Театр - перед нами, и шекспировскому “Глобусу” до него, как до Пекина, я извиняюсь, раком, а что до тех мягких часов, что размягчали каждый - в собственных задницах - так ровно через час они покажут точное время, и может оказаться -

времени осталось ровно столько, чтоб эту пьесу сыграть.

Против такого предложения никто не возражал, мы вытащили стол на палубу, и бросили на него бортовой компьютер, который сперва побарахлил (в тот файле, что был назван “(ПИСК) твою мать”, и который был дитя сбоя во всеобщем временном счислении, ибо осведомился вопросом “Сохранить изменения в “ПИСК твою мать”?*), а потом, ничего, заработал.

- Как назовем пиеску? - спросил тот из нас, кто умел играть на рояле “Собачий вальс” (Он называл этот вальс “ГОНчим”*), и уселся за алфавит - испытать оргазм.

- Давайте назовем ее “Веселись, негритянка!!!” - сказал Одиссей (*).

- Но почему?

- Я просто подумал, - если бы у нас сейчас, здесь, была хоть одна негритянка, ото мы бы уж ее развеселили - это точно.

Столь внушительный, как падающий прямо на голову шлягер “U-2”, (в нем ведущий Эдж молча напевает: “не мочись в водосток, не нервничай, не переживай, и т.д.”, а ведомый Боно - сначала - ”суперотстой”, а потом: “я чувствую оцепенение” (Бивис перевел Баттхиду: “если ты не перестанешь петь, то мне придется переспать с тобой”*), одиссеевский, (*), довод, сразу же убедил всех, мы сели за стол и возмечтали о награде, ибо сдавал карты тот из нас, у кого всю жизнь была одна, фамильная, навсегда крапленая колода. (Она досталась ему по наследству от пра-пра-пра-прадеда, который служил вместе с М.Ю. Лермонтовым на Кавказе, навешал чеченскому князю, забрал у него кинжал, сделал ему харакири, и отрубил башку - как истый друг и самурай*)

СМЕНА ПЛАНА

ДАЛИ ОДИССЕЯ

Сальвадор Дали стоял на носу яхты Аристотеля Анасиса "Кристина", и смотрел на остров в телескоп. В стороне стояла Гала, в черных очках,

светлой косынке, - она молчала.

ДАЛИ (он стоял на носу “Кристины”, в императорском мундире и спасательном круге, перед ним пребывал холст, на который он беспрерывно терзал кистью, что-то себе подпевая). Мундир, мундир. Для победы нужен мундир. Вот они, дьявольские трубы! Люблю Апокалипсис! И боюсь смерти, она напоминает о себе сладострастием. Боюсь самолетов, автомобилей. Взойдя на корабль, я первым делом ищу спасательный круг.

ГАЛА. Вторым - его надеваешь.

ДАЛИ (он ее, к несчастью, не слышал). Смотри, мой милый гений! Дантова круговерть - это солнечный медовый ад средиземноморья... Меня всегда завораживало золото. Это моя наследственная, финикийская черта.

ГАЛА. Но мы в Антлантике.

ДАЛИ (он ее опять, не слышал - с небес звучала музыка). Да, моя победоносная богиня. Средиземноморья. Именно поэтому его ужасы так выверены. Изображать ад черным, как уголь, и мрачным, как шахта, - просто-напросто недостойно (а ведь именно этим и грешит романтизм). 1.*

СМЕНА ПЛАНА

ДАЛИ ОДИССЕЯ

---

1. На самом деле Дали сказал “делает романтизм”, но мы, находясь в каком-то десятке морских миль от яхты Аристотеля, равным, судя по мягким часам, 12-ти парсекам, дружно не стали возражать - в конце концов небольшая компиляция дозволена и нам - именно благодаря тому расстоянию от Мастера, что соответствует числу Р. Луллия, ибо он (Мастер*) сказал как-то:

“Я - католик и каждый день молюсь за Пикассо. Предрекаю: пройдет

еще каких-нибудь 12 лет (!!!*) (я на 12 опоздал (!!!*)), и Пикассо отречется от коммунизма и займется религиозной живописью. Ведь он в глубине души мистик.”

Может быть с легким опозданием (это было в 1954 году*), некий Эухенио Монтез, назвавшийся философом, заявил нашему любимому Великому Мастурбатору, который всегда любил подхалимаж: “Из всех человеческих существ Дали ближе всего к Архангельскому образу Раймонда Лиллио”. (Этот образ благодаря своей логической машине сочинил некое число - мы решили, что 12, плюс, разумеется, Одиссей (*), и мы лишний раз вспомнили, сколько раз пытался выставить Посейдон из своего гостеприимного плена*).

Эти слова приветствовала буря аплодисментов.

Далее Дали “легким движением руки утихомирил восторги публики и добавил:

“Думаю, после сегодняшнего выступления уже всякому ясно: догадаться перейти от Кружевницы к подсолнуху, потом от подсолнуха к носорогу, а от носорога прямо к цветной капусте способен только тот, у кого действительно есть кое-что в голове”. *

Я не верю в смерть. Если б верил - так бы и дрожал всю жизнь от ужаса. Нет, что-то должно быть за гранью. Я вынужден верить в бессмертие.

ГАЛА. Не бойся, ты не умрешь. Скорее умру я.

ДАЛИ (наконец-то слышит). Что ты, моя святая Елена! Мы не умрем. Прости, любимая. Когда меня обуревают чувства, я превращаюсь в форменного идиота. Но если бы я тебя не встретил, я кончил бы свой век в конуре, в отрепьях, изъеденный вшами... Юродивый? Провидец?

ГАЛА. Пожалуйста, ни в кого не превращайся, пусть ты будешь по-прежнему - злой гений.

ДАЛИ. На секунду - в доброго первооткрывателя эры булетизма.

ГАЛА. Ненавижу насилие.

ДАЛИ. Я верю в насилие, и всякая война - в том числе и атомная - приводит меня в восторг. Случись ей разразиться, погибнет всё и вся, вкупе со мною. Мы, стало быть, вознесемся. А на земле останутся одни инфузории, из которых спустя миллионы лет выведется новая человеческая порода - куда лучше той, что есть.

С этими словами Дали извлек из шитого золотом, темно-вишневого бархата, чехла, свою старинную аркебузу, установил ее на свою, столь часто встречающуюся на его гениальных полотнах, рогатую подпорку, и собрался куда-то стрелять.

Только тем и занимаюсь, что порчу свои картины. И потом говорю: “Сделал, что хотел”.

ГАЛА. Украти тебе усы, и ты бы был в этой угрожающей позе - вылитый Гитлер.

ДАЛИ. Гитлер - отъявленный мазохист. И мировая война, это вагнеровское действие, понадобилось ему только затем, чтобы её проиграть, пустить все прахом и покончить с собой. Смешно и подумать, что он мог выиграть эту войну. Что бы он делал с этой победой?

ГАЛА. Если бы Гитлер завоевал Европу, он бы отправил на тот свет всех истериков вроде тебя.

ДАЛИ. Это был бы - “Апофеоз Дали-Гомера”.

ЧЕРЧИЛЬ. Он бы подарил эту победу своей Еве, и поехал бы ее катать на своем темно-вишневом “Хорьхе”. Я видел такой в Рио, и по-моему, это он и был.

Великий англичанин, мудрый консерватор, вечный премьер, Уинстон Черчилль, пыхтя сигарой, подошел к Гала и поцеловал ей руку, затем воззрился на холст.

ДАЛИ. А, сэр Уинстон! Могу давать великолепные уроки живописи, а также кройки и шитья.

ГАЛА. Сэр Уинстон, вас в последнее время тоже обвиняют в сочувствии разжигателям третьей мировой войны. Как и моего малыша Дали. Видите, он собрался стрелять в тот остров, что играет своим золотым песком.

ЧЕРЧИЛЬ. За пятьдесят четыре года до моего рождения, Клаузевиц изрек то, что нас, отчасти, извиняет.

ДАЛИ. Перед кем?

ЧЕРЧИЛЬ. Перед вашей могучей спутницей.
Если она русская, то значит, она - моя союзница.

ГАЛА. Это будет зависеть от того, что же изрек Клаузевиц, ибо он не был моим союзником.

ЧЕРЧИЛЬ. Извольте: “Война - орудие политики, форма политической деятельности, продолжение этой деятельности другими средствами... Цель - всегда политика, война - средство. Нельзя себе представить, чтобы средства не были подчинены цели.”

Представьте, Людендорф еще более откровенен: “Политика - новая тоталитарная политика - должна быть подчинена новой тоталитарной войне.” Это - на 10-й странице. На 115-й еще веселее: “Главные линии политики государства должен намечать военный начальник”.

ДАЛИ. Специально для немцев надо было открыть клонирование – уже тогда, и учредить программу сохранения кретинов - вымирающий вид. А как называется сочинение этого вашего...

ЧЕРЧИЛЛЬ. Эриха Людендорфа? “Тотальная война”. Еще он написал: “Разложение народов Христианством”, “Как нам освободиться от Иисуса Христа”, “Уничтожение масонства изобличением его тайн”, “Секрет могущества Иезуитов”, и много еще чего.

ГАЛА. Этот человек никогда не носил псевдоним “Фридрих Ницше”?

ЧЕРЧИЛЬ. Я увлекся этой книжицей только потому, что тоже сначала так решил, моя дорогая.

ДАЛИ. Не трогайте вы Ницше! Стоило бы ему догадаться регулярно смазывает свои усы фиником, они бы у него были, прямо, как у меня. Но тогда бы я не мог назвать свои усы - антиницшеанскими. Ницше был - как тот кретин, изображенный Веласкесом! Они что-то знают о запредельном. Теперешние и не подозревают, что оно существует. По сравнению с моим «Мастурбатором» его “Заратустра” полное говно.

ГАЛА. Никто в этом не сомневается, они даже рифмуются с трудом. И жанры, и слова.

ДАЛИ. Искусствам не надо рифмоваться, - им надо соединяться и возрождаться – это мы с Альфрëдом уже освоили.

ЧЕРИЧИЛЛЬ. Каким Альфрëдом?

ДАЛИ. На свете есть только один полноценный Альфрëд – Хичкок, разумеется. А вот Альфонсов – два. Первый – знаменитый торговец золотыми челюстями в Рио, и испанский король Альфонс X111, тот, что в 31-м году отрекся от престола, совершенно напрасно затеял эту возню с Урдами.

ГАЛА. Прости, малыш, кто такие Урды?

ДАЛИ. Кретины, заселяющие провинцию Касерес - то был питомник первосортных кретинов, и можно было только сожалеть, что порода уже испорчена. Я всегда защищал кретинов, и никогда от них не отступлюсь,

ведь что кретин, что ангел. А тех, что пускают слюни, вообще не отличить от ангелов. Да, порода испорчена, но есть одно утешение: телевидение сведет на нет эту благотворительную возню, ибо с успехом кретинизирует человечество. А все от того, что невежда пишет статью, книгу, произносит речь, рассуждает буквально обо всем. Вы их и не узнаете, когда они начнут пускать слюни! Они заговорят и скажут поразительные вещи! Но пока люди черпают культуру из газет - не ждите ничего.

Появился владелец яхты - Аристотель Анасис.

АНАСИС. Вы говорите о культуре для народа, дон Сальвадор?

ДАЛИ. А, мистер Аристотель! Вы где-то оставили своего друга Платона. Не будьте снобом, разыщите его! (Гала и Черчиллю.) Снобы - вот международная мафия, которая доведет нас до ручки. Пусть Платон нас окультурит! Культура принадлежит народу, так, кажется сказал мой любимый, длиннозадый Ленин.

АНАСИС. Мне кажется, он сказал: "Искусство принадлежит народу".

ДАЛИ. Народ в этой стране - это и есть - пролетариат. Правда, моя победоносная богиня?

ГАЛА. Да. Там его диктатура.

ДАЛИ. Тогда - помилуйте, какое мне дело до пролетариата? Среди моих знакомых нет знакомых с именем Диктатура по фамилии Пролетариат. Я слышал фамилию Кандинский, говорю вам раз и навсегда: нет и не может быть там никакого русского художника. Кандинский мог бы прекрасно мастерить из перегородчатой эмали дивные набалдашники для тростей - вроде того, что ношу я с тех пор, как получил его на Рождество от Гала.

ГАЛА. А Шагал?

ДАЛИ. Мне омерзительны художники, которые занимаются, как бы это сказать... археологией. Художники-антиквары. Художники-старьевщики.

Твой Шагал - наигнустнейший тому пример. Скорее всего, он принадлежит коммунизму, как бы он от него не бегал, а тот неуклонно деградирует. Судите сами: Маркс был необыкновенно волосат, Ленин носил бороду и усы (хотя не столь пышные), Сталин только усы. Следующий деятель будет совсем лысым - это я вам предрекаю. Надо подать идею журналу "Вог": пусть женщины носят лысину. А мужчинам она ни к чему.

ГАЛА. Я думаю, женщинам ни к чему ни война, ни лысина.

ЧЕРЧИЛЬ. Но, милая Елена, вы позволите называть вас Праздничной?

ГАЛА. Да.

ЧЕРЧИЛЬ. Милая Гала, человечество убивало друг друга всегда и везде. И американские индейцы, которые развивались независимо от всей остальной цивилизации, только и делали, что убивали друг друга.

АНАСИС. А потом - поедали.

ЧЕРЧИЛЬ. Вот видите.

ГАЛА. Не всегда, господин премьер министр.

ЧЕРЧИЛЬ. Бывший премьер, моя дорогая.

ДАЛИ. В будущем году - вы вновь станете премьером, сэр Уинстн, это я вам предрекаю. 1*.

-----
1. В 51-м году Черчилль снова выиграл выборы (прим. группы авт.*).

ЧЕРЧИЛЬ. И такое возможно, дон Сальвадор. (Гала.) Моя дорогая гений, спутница гения. У вас есть собственная версия, как улаживать военные конфликты?

ГАЛА. Не улаживать, а решать. Да будет вам известно, в Италии XV века война достигла такого совершенства, что это вам, разумеется, покажется смешным. Аристотелю - потому, что он срывает злобу на беззащитных китах, сэру Уинстну - потому что он всю жизнь провоевал - от партии консерваторов, малышу Дали - потому что он уже час, как собирается свершать помпезный акт булетизма - в сторону острова мечты, и распугать с него ангелов, потому что они попали под Людендорфа.

АНАСИС. Добывая китов, я щажу людей, дорогая Гала.

ГАЛА. Ну, нет - вы их разоряете, и тем доводите до самоубийства. А киты - лучше людей.

ДАЛИ. Это точно. (Внимательно посмотрел на неё.) Кажется, мне наконец-то удастся написать твоё лицо, Богиня. (Анасису.) Ваша яхта напоминает мне “Гавиоту”, яхту Артура Лопеса. Тут где-то проплывала большая мачта с парусом - может быть с неё?

АНАСИС. Чем же похожи наши яхты?

ДАЛИ. Тем, что Лопес тоже привез мне китовые кости.

АНАСИС. Куда доставить? Каких вам?

ДАЛИ. Самых больших. В Порт-Льигат.

ЧЕРЧИЛЬ. Вы обещали рассказать нам о совершенной войне, дорогая Гала. Кажется, в расцвет инквизиции?

ГАЛА. Да. Когда сходились лицом к лицу два войска, генералы сравнивали численность, доблесть и расположение отрядов и решали, кому из них надлежит проиграть сражение. Возможно, такой способ воевать не заслуживает восхитительного определения “тоталитарный”, но я нахожу его более благоразумным и более стоящим, чем миллионные боины, которые пророчит ваш Людендорф.

Малыш Дали, ты меня не слушаешь?

ДАЛИ (смотрит в телескоп на остров). Слишком крупные бабочки. (ИЛЛЮСТРАЦИЯ).

СМЕНА ПЛАНА

ДАЛИ БАБОЧКИ

Изо всего, во что верят люди, больше всего мне по душе Воскрешение во плоти, это есть догмат ницшеанский. Разве не грустно, когда вас уверяют, что после смерти останется только душа?

ЧЕРЧИЛЬ. Если душа останется, то мне от этого - совсем не грустно.

ГАЛА. Вы - атеист?

ЧЕРЧИЛЬ. Нет, я старый грешник. Но такой способ воевать мне нравится. Такое было возможно только тогда...

АНАСИС. Когда это было возможно.

ГАЛА. Еще бы! Вы все - грешники. Малыш Дали - войны идеолог, вы, сэра Уинстн - ее тактик, а вы, Аристотель, обыкновенный браконьер.

ЧЕРЧИЛЬ. Скорее - стратег. Финансовый.

АНАСИС (объявляет). Сэр Уинстн только что закончил пятый том своих военных мемуаров.

ДАЛИ (Черчиллю). Деформируете реальность?

ЧЕРЧИЛЬ. Стараюсь - поменьше, но это - неизбежно. Я не могу быть англичанином, испанцем и немцем - одновременно. На это способны только американцы.

ДАЛИ. Американская кухня чудовищна, и, заметьте, в странах, где национальная кухня ужасна, нет живописи. В США в поварском деле нет эстетического смысла. Там просто валят в кастрюлю все, что надо и не надо.

Максимум, на что они способны, это вдохновляться авангардом, но ни Пракителль, ни Вермеер не попадались в эту ловушку.

ЧЕРЧИЛЬ. Но вы то же деформируете, дон Сальвадор.

ДАЛИ. Нет, я же - не Пикассо. У меня нет знака на мочке левого уха - на земле таковой присутствует только у двух людей - Пабло и Гала. (Он привлек к себе Гала, и обнажил мочку левого уха, после чего предъявил его Черчиллю.)

ЧЕРЧИЛЬ. У вас действительно такого нет? Может, не искали?

ДАЛИ. Я вовсе не великий художник, сэр Уинстн. Титул этот по праву принадлежит Пикассо. За ним - Миро, и только после - я. Но самый великий политик - безусловно вы.

ЧЕРЧИЛЬ. Я - самый живучий.

ДАЛИ. Лучше - самый бессмертный!

ГАЛА. Как арийский Кашей. Однако тому его бессмертие пошло не на пользу - он потерял в весе, как мумия Ленина.

ДАЛИ (Черчиллю). Скажите теперь, что она - не гений, а Ленин - не Вильгельм Телль, и у него не трехметровая правая ягодица. Бессмертие - это совсем немало! Я вынужден верить в бессмертие. Если бы я мог выбирать между долгой жизнью и шедевром, я бы выбрал долгую жизнь. О чем пятый том?

ЧЕРЧИЛЬ. Он называется “Замыкая кольцо”, и он заканчивается кануном высадки союзников в Европе.

ДАЛИ. Это, которые воевали с несчастным, маленьким Великим Инквизитором? Люблю инквизицию! Все великое делается наперекор, и, следовательно, благодаря несвободе. Не свобода, а инквизиция рождает шедевры. Вам кажется, что я подрываю основы?

ЧЕРЧИЛЬ. Нет, мне думается, что Вас надобно баллотировать в британский парламент от консервативной партии.

ДАЛИ. Я сам партия, да такая, что даст сто очков вперед прочим, но никогда не стану депутатом, ибо подчиняюсь тому, чему не обязан подчиняться.

ЧЕРЧИЛЬ. Как Дон Кихот?

ДАЛИ. Дон Кихот был сумасшедший идеалист. Я тоже безумец, но при том каталонец, и мое безумие не без коммерческой жилки. Когда я узнал, что Сервантес, равно как и Колумб, умерли нищими, вдобавок в тюрьме, я твердо решил, во-первых, отсидеть в тюрьме как можно раньше (что и было сделано), и, во-вторых, разбогатеть сверх всякой меры (что также было исполнено). По мне богатеть не унижительно, унижительно умереть под забором. А простейший способ освободиться от власти золота - это иметь его в избытке.

Сальвадор Дали Каменеч Куси Фарррес указал сэру Уинстну Черчиллю на перспективу - в этот момент Остров Театр все еще сиял золотом.

ЧЕРЧИЛЬ. Дон Сальвадор! Вы собираетесь расстрелять из этого великолепного оружия бессмертную пару - рыцаря и оруженосца, пребывающей на золотом острове? Такое искусство, как минимум, антигуманно.

ДАЛИ. Я никогда не был пацифистом. В свое время я сказал сюрреалистам: “Если вы действительно сюрреалисты, если вы такие романтики, - любите

этот нынешний немецкий романтизм! Любите Гитлера! Вы любили этого Великого Инквизитора, сэр Уинстон?

ЧЕРЧИЛЬ. Нет, я его не любил.

ДАЛИ. Напрасно! Он - само безумие, сосуд, изливающий бред! Однако когда вы играли с ним в мир, я объявил ему войну, и написал его "Загадку". Так что меня вы не обвините конформизме, ибо я самый великий конформист: особенность моей гениальности в том, что она проистекает от ума. Именно от ума.

ДАЛИ

«ЗАГАДКА ГИТЛЕРА»

АНАСИС. Вы - щедрый гений, дон Сальвадор. Вы даете миру свои картины.

ДАЛИ. Еще даю советы. Ибо должен же я что-то давать, раз я человек положительный. Вот и даю. Щедрость моя стала притчей.

АНАСИС. Что за совет?

ДАЛИ. Дать мне денег, вместо того, чтобы мешать тому, что предрешено. Сейчас я нажму на курок, зажжется кремень, воспламенится порох, полетит пуля, начиненная краской, и она пробьет тонкую, невидимую стену - ту, что разделяет нас от наших персонажей. Впрочем, я не оратор, так что буду делать свое дело молча. Даже если я сейчас совершаю ошибку, то она все равно - от бога. Потом мы притерпимся к ней, и наступит освобождение.

СМЕНА ПЛАНА
ДАЛИ ОДИССЕЯ

Однажды Патрекей, заметил, как Одиссей (*) после аварии Троянского Коня (напомним, его снесло на повороте*), со сломанными ребрами, молотил по железным вратам неприступной (так показалось Инею*) Трои, на него местные шлюхи выливали городское дерьмо, а он, харкая кровью, орал:

- Дайте мне стакан свежей крови, и я уйду, я уведу от ваших берегов греческий флот!

Мы, те, кто сиживал в конском брюхе, решили, что его куснул вампир, но на самом деле Троя могла откупиться малой кровью, (*) давал Инею шанс, - тот им не воспользовался, ибо пожелал быть воспетым Вергилием – кто знает, может быть, он ради этого увёл прекрасную Елену.

Дали выстрелил, сильный, мало похожий на ружейный, хлопок, растворился в синем море, а с Острова слетело НЕЧТО, что вознеслось за Облако, и разразилось громом-молнией.

Стало темнеть и холодать. Они посмотрели на холст - он был, как будто пробит пульей. (ИЛЮСТРАЦИЯ).

СМЕНА ПЛАНА

кат. №3, стр. 159, “Из иллюстраций к ДОН КИХОТУ”.

Потом он оторвался от окуляра на его блестящей все тем же всеобильным золотом (Анасис не скупился на побрякушки*) треноге, рассмотрел творимое им зрелище вооруженным глазом, и увидел, как за облаком что-то вспыхнуло, потом раздался взрыв, - те ангелы, что расхаживали по этому круглому куску суши, вокруг всего этого немислимого золота, воздали

руки к небу - все, как один, потом они исчезли и явилась на холст бессмертная сервантевская пара, - реальный и земной Санчо, и он сам, Великий Сальвадор, в последний свой день, когда он приказал своим слугам привезти ему новую Гала, и он узнал в ней Гала старую - именно тогда Энрике Сабатьери, привез ему вермееровскую тачку с доспехами Людвига второго Баварского, которого «благодарный народ взял, да и утопил в озере».

На миг показалось, что заоблачная молния эта была - бликами того камня, что возлежал на вершине холма.

ДАЛИ. Все, нет больше крупных бабочек. Господи, я так никогда не постигну, в чем суть мастерства живописца.

Впрочем, простите, господа, не могу долго общаться с князьями и миллионерами - понятие о чести ведет меня прочь, в цыганские пещеры. Приди ко мне, моя блистательная, как морская гладь, Безмятежная Галатея!

ГАЛА. Иду, малыш Дали.

Гала подошла к Дали, они обнялись, и стоило лишь Гению взмахнуть его божественной кистью, как они растворились на ядерные корпускулы, они полетали немного над палубой “Кристины”, и стали лопаться в воздухе, как мыльные пузыри. (ИЛЛЮСТРАЦИЯ).

СМЕНА ПЛАНА

ДАЛИ ОДИССЕЯ

Одна такая зависла прямо перед великим англичанином, и сказала - далианским голосом - низким, торжественным: “Давным-давно нарисовал молекулу дезоксерибонуклеиновой кислоты - и что же? На днях ученым мужам дали Нобелевскую премию за то, что они ухитрились описать эту самую молекулу”.

Когда же и эта, последняя, далианская корпускула лопнула в воздухе, голос Гения послышался откуда-то сверху:

«Так и быть, признаюсь, я - бегемот, только с усами. И не слушайте слов! Они затем и существуют, чтобы сбивать с толку.

Так что если нам что-нибудь интересно, так это чудо. Одно только чудо. Его я забираю с собой. О, эти восхитительные флейты, нежные флежолеты, торжественные охотничьи рога! Это - все для тебя, моя Троянская Елена!»

ДАЛИ

«ЕЛЕНА ТРОЯНСКАЯ»

Уинстн Черчилль, имея всегдашний вид английского бульдога, который стал символом нации, сидя на палубе в своем классическом наряде - котелке, пальто, сигаре и бабочке, осветил мудрейшим оком предоставленное для эксклюзивного просмотра далианское “Вознесение” (он отметил, что в этом было что-то от Эль Греко*), и тихо, неторопливо, на классическом французском, прочел двустишие Малларме:

“Victorieusement fut le sut suicide beau
Tison de gloire, sang par ecume, or, tempete! 1*

**1. “В своей победоносности прекрасное самоубийство было
Пылающим углем славы, вспененной кровью, золотом, бурей!”
(франц.)**

ЧЕРЧИЛЛЬ. В политическом отношении я расстался с миром, где давали изумляющий результат мои парламентские речи и процедурные маневры, внесшие существенный вклад в подрыв морального духа лейбористов, уже ослабленных потерей ведущих министерств и ведомств и дополнительными

тяготами, возникшими в результате войны в Корее, начавшейся в июне этого года.

АНАСИС (всё еще поражен зрелищем). Что вы сказали, сэр Уинстн?

ЧЕРЧИЛЬ. Я сказал то, что забыл сказать.

АНАСИС. Кому?

ЧЕРЧИЛЬ. Гала. Я хотел сказать ей, что никогда не желал, чтобы на каких либо курках лежали чьи либо пальцы.

Счастливы художники! Они никогда не останутся в одиночестве. Свет и цвет, умиротворенность... И надежда, сопровождающая их до конца, или почти до конца дней.

АНАСИС. Я предлагаю держать курс на мой остров, сэр Уинстн.

ЧЕРЧИЛЬ. На который?

АНАСИС. На Скорпиос.

ЧЕРЧИЛЬ. Закат над морем: оранжевое и пурпур”. 1*.

1.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ

“Оранжевое и пурпур”, - картина У. Черчиля, 1920-й год, приз на выставке в Лондоне, одна из первых работ с изображением Чертуэлла.

Примерно через двадцать минут после того, как Великий Сальвадор растворился на свои любимые ядерные корпускулы, и возник в своей любимой мастерской, не застал Гала, и принялся упражняться в

рукоблудии (писать “Дневник одного гения”*) к картине подошли Уинстон Черчилль и Аристотель Анасис (Наша санитарная бригада всегда восхищалась этими безумными именными сочетаниями - сразу мерещится то Англия, то Греция, то Шекспир (Ретлинг), то, конечно же, Гомер.*)

- Посмотрите, Аристотель, - сказал экс-премьер-министр. - Это - Англия. А взорвалась, ракета "Фау".

- Нет, дорогой Уинстон, - сказал Анасис. - Это - Греция. И по ней бродит старик Гомер.

- Интересно, откуда здесь этот холст? - спросил Анасис.

- Вы ловите китов, вы мне и объясните, - сказал Черчилль, переводя беседу в тот жанр, где легче было сыграть - самих себя.

(как раз в этот момент мы заметили освещаемую обновленными лучами яхту, и принялись веселить негритянку, решив, что наконец-то поймали за оттяжку уносимый ветром шатер, в котором спрятался один из всадников апокалипсиса*).

АНАСИС. Я думаю, это просто шутник Сальвадор написал нам будущее, и бросился в пространство, растворившись на атомы.

ЧЕРЧИЛЛЬ. Точно. Как ему это удастся?

АНАСИС. Гений.

ЧЕРЧИЛЛЬ. Смотрите - по острову бродят ангелы. И там, и здесь. Значит, он писал с натуры.

АНАСИС. Значит, он просто сбежал к своей Гала. Чувствуете, какой воздух? Наш Гений всегда переживал такие затишья в Америке.

ЧЕРЧИЛЛЬ. После пяти лет со дня победы - такого воздуха не бывает. Он

словно сделан из другого материала. То ли он не с земли, то ли юноши собираются опять подраться.

АНАСИС. Как говорят русские, “Хоть топор вешай”. Мы заплыли в другой круг - мой друг Гомер рассказывал про такие перемещения, - лучше отходить от этого острова, - такая игра не про нас.

ЧЕРЧИЛЛЬ. Это еще почему?

АНАСИС. Потому что у меня в апартаментах дремлют две девчушки - я хочу, чтобы одна из них стала женой, а другая - любовницей греческого президента.

ЧЕРЧИЛЛЬ. Президента сыграете вы?

АНАСИС. Нет, ООН считает меня браконьером. Моя любовь не политика, а - свобода.

ЧЕРЧИЛЛЬ. И моя. Ненавижу политиков.

АНАСИС. Пора бы уж.

ЧЕРЧИЛЛЬ. (Вынув изо рта сигару, внимательно осматривает своего собеседника, прислуга приносит им по креслу, они усаживаются и любят то картиной, то пейзажем, по которому как бродили, так и бродят ангелы). А какую из девочек в жены, а какую в любовницы?

АНАСИС. Кому?

ЧЕРЧИЛЛЬ. Президенту этой вашей Греции.

АНАСИС. В жены, наверное, Жаклин - она более добродетельна. А в любовницы - Мерлин.

ЧЕРЧИЛЛЬ. Там нет никакой Мерлин.

АНАСИС. Я ее переименую, я ж миллионер. А вы – премьер министр.

ЧЕРЧИЛЛЬ. Бывший.

АНАСИС. Вы всегда будете премьер министром Англии. Я горжусь, что на моем корабле присутствует такой человек, как вы. Ну что, покидаем эту широту? Шампанского?

ЧЕРЧИЛЛЬ. Армянский коньяк. Я его выписываю у Сталина по семисот бутылок в год, и всегда вожу с собой.

(Приносят коньяк, крепчает ветер).

ЧЕРЧИЛЛЬ. Я согласен, не будем лезть за пределы нашего европейского понимания - жизнь, смерть - все едино. Но только вы перепутали с добродетелью Жаклин - может быть, она и побывает замужем за каким-нибудь президентом, но любовницей все-таки она будет вашей. Ничего, что я так громко говорю?

АРИСТОТЕЛЬ. Нет, девочки уже в постелях.

ЧЕРЧИЛЛЬ. Как, уже?!

АНАСИС. Спят. Может быть, так и будет. Я просто об этом не думал.

ЧЕРЧИЛЛЬ. И еще - Мерлин, тоже, разумеется, не жена - она Звезда - от нее идет свет. Так что если она и будет любовницей какого-нибудь президента, то только не греческого - это было бы для нее мелковато.

(Анасис смеется*)

Не обижайтесь, но это - объективное наблюдение, мне теперь больше и делать нечего, как наблюдать, и немного заглядывать в будущее – вот увидите, свою внучку вы непременно назовёте Афиной, и она будет самой богатой невестой в начале другого века.

42. Считайте, что я её уже окрестил. А что мои девочки?

- Могу держать пари - все случится в Америке. Для Мерлин одного президента будет маловато, и он призовет какое-нибудь доверенное лицо, скорее всего - родного брата - у них там сплошные братья и сестры, и все, как один - евреи - это сказка, что Америка - это страна выходцев из Соединенного Королевства. Так что иметь нашу маленькую... Как вы ее называли? Мерлин. Будут вдвоем - это в характере ковбоев, они всегда ставили себя выше Господа Бога.

АРИСТОТЕЛЬ. Я верю вашему чувству, дорогой Уинстон, и пари мы держать не будем, но только чем это все кончится? Вы знаете это?

ЧЕРЧИЛЛЬ. Все мы не без греха, на такой грех будет самым заразным. Мы, кажется, сейчас, вошли в его пределы. Этот грех мой - и ваш. И мы везем его с собой. Я вижу все это на картине. Я вижу это на том острове, что перед нами. Он, как и все острова, нереален настолько, что пугает своей реальностью.

АРИСТОТЕЛЬ. Что ж нам теперь, высадить девчонок на этот остров?

ЧЕРЧИЛЛЬ. А вы на это способны?

АНАСИС. Нет.

ЧЕРЧИЛЛЬ. А что ж вы тогда спрашиваете. Но самое главное - они откуда все равно как-нибудь да выберутся. Как вы думаете, зачем у тех ангелов крылья? Что б они спасли тех, кто, в конце концов, убьет этот мир. Этих двух несчастных девчонок, бабеночек. Ангелы – перед вами, даже, если они – плод Гения (он на минуту вышел побороться с этой железной шлюхой, и она, как всегда, его победит), ангелы не могут не ведать, они – слуги Господа, значит все, что происходит - закон, и его не изменить.

АНАСИС. Смерти нет?

(Молчание*).

АНАСИС. А что нам делать с картиной?

ЧЕРЧИЛЛЬ. Отправим ее по почте Гала. Она ж его главный менеджер. Сука.

АНАСИС. Чего вы так? Она ж его вдохновляет. Получается, что все эти ангелы – её продукт.

ЧЕРЧИЛЛЬ (едва не крестится). Эти ангелы показались нам благодаря божественной руке, опустившегося Гению на плечо.

АНАСИС. Которое?

ЧЕРЧИЛЛЬ. Правое, конечно – где белое крыло. Потому что левое крыло Гения – всегда чёрное.

А продукт она непременно продаст. Сука.

(Поднимаются с кресел, Черчилль закуривает, оглядывается, видит Дали).

- Вы оба правы, и не правы, господа политики и миллионеры, - сказал, помолчав, Дали. - Оба ваших острова сейчас и здесь, - с этими словами он сдернул готовую картину с мольберта, и оставил на нем чистый лист. Он подписал его эффектным росчерком беличьей кисти, и промурлыкал "Птицелова" Моцарта. - Химера из химер, дамы и господа! Женщины, аборигены, сумасшедшие перестали быть в глазах науки, искусства и философии людьми второго сорта. Стали считать, что если они и "другие", то, во всяком случае, не хуже, чем нормальные белые европеиды. Им надо почитать мое поэтическое эссе под названием "Тухлый осел иначе цивилизация так и будет поощрять этот паранойядальный академизм. Правда?" 1*.

-----
1. Это эссе Великий Мастурбатор (или "Великая Куртизанка своей эпохи", к его называли порой эти самые тухлые ослы*) опубликовал еще в 1930-м журнале "Сюрреализм на службе революции".

“Название, вероятно, является отсылкой к всемирно известным кадрам Дали и Бунюэля “Андалузский пес”, где фигурирует труп осла”.

“Дневник одного гения”.*

- Шампанское, господа! Я вижу по вашим глазам, что вы угощаете. Купите нам всем по бутылке. И давайте польем себя по головам, - мы нынче увидели три части того, чего не может быть.

С другой стороны света, "то, чего не может быть", рассматривал с флагманского крейсера "Ху(ПИСК)ів ковчїг", адмирал Иван Абрамович Балалайко.

Он обратил внимание на вспышку, но все-таки его внимание больше привлекала яхта Анасиса, он вспомнил себя подводником, пускающим по такой вот золотой цели тренировочную торпеду, а потом, как черный угорь, клюющим добычу со дна.

43. Слышь, Пердухаило, - обратился он к своему первому помощнику, как всегда, в него влюбленному. - Гляди, что видишь? - и он передал тот самый перископ, который был с ним и тогда, когда он был командиром “счастливой шуки”.

После того, как он, будучи главнокомандующим флота суверенной Хохляндии, и осерчав на евреев, сбил гражданский самолёт на реактивной тяге прямо над Чёрным морем, под давлением мировой общественности, его пересадили на груды металлолома – бывшего советского авианосца «Варяг», однако с бумагой от верховного главнокомандующего, пославшего мировую общественность на х(ПИСК)уй.

**«Податель сего действует по моему приказу и во благо Украинского
Крыма. Аминь»**

СМЕНА ПЛАНА

ДАЛИ ОДИССЕЯ

- Последняя игра, на день святого Валентина 2003 года, дамы и господа - сказал Одиссей (*).

(Он вспомнил, как юный в ту пору Телемах, узнав, что бананы вымирают, изрёк:

- Они мне как раз надоели, папа*).

Если начинать какой-то бизнес, то с хорошего улова сирен вместе с их заморскими песнями – это вам не тёлочка из деревень возить в столицу, хоть и это было – и любовь была, а так, страховки, страховки, иногда на камни, порой на нефть, и каждый раз – скинемся по двадцатке, Лас-Вегас, и опять – кури бамбук, если кайфа нет.

И пусть они споют, потому что скоро настоящая битва, к тому же у каждого из присутствующих по Пенелопе, а то и две, а там женихов - в геометрической прогрессии, и всех пора мочить: Афина тоже, в конце концов, может забля(ПИСК)довать и забыть про нас, грешных гребцов «Нового Ковчега», а если уж мы летим, то летит и он, корабль всеобщей мечты нашей, «одной на всех понятной», летит, и оставляет в небе след – в погоне за Афиной.

И всё это наше плаванье – не очень элитарное кино, здесь, у нас, на палубе, горит вечный огонь, мы греем усталые от весел руки, и в основном молчим, потому что давно уже сказали все свои последние слова.*

Глава тридцать седьмая: "Мы были матросы на том корабле".

СМЕНА ПЛАНА

ДАЛИ ОДИССЕЯ

"Большая птица поднимется в небо"! - сказал как-то Великий Леонардо, примеряя крылья - ветер подул в окна, забрасывая фрески грязью и он почувствовал, что его великое произведение рождается в атмосфере зла

С тех пор он оставил идею летать, и его большая птица затерялась в век, но все это время он писал один маленький портрет... Это была Джаконда. И этот портрет был всегда вместе с ним. Говорят, это был он сам.

**Если проходящая ангелица
дарит ребенку воздушные шарики,
а того уносит ввысь, то это уже не благо,
а грех, ибо ангелица эта - суть любовь (без
руля, витрил, перил*). (Группа авт.*)**

Это была та самая лебединая песнь, в которой на последнем своем заседании слепой Гомер, постукивая оливковым суком, пошел за водкой и воде, "аки по суху", и не вернулся - с тех пор мы не вспомнили ни одного мейстера ни в "Илиаде", ни в "Одиссее", где речь бы Муза вспомнила о нас.

Тогда мы поняли, что это нам сигнал - собираться в дорогу, возможн

каждому в свою, ибо впервые в жизни в наших стройных рядах запах жареным - оказалось, что за эти бесконечные мгновения, ровно две тысяча лет - от Рождества Христова, покамест сочинялась эта книга, у всех порядком сдали нервы. (Обычно кажется, что братство мужское вечно - так оно и есть, просто не дремлют разноцветные демоны, дразнящие красным цветком*).

- Ну что, пойдём на крест? - спросил тот из нас, кто был самый набожный, потер ладони - из них едва не хлынула кровь.

- А ты что, Иисус? - напомнил ему те времена, когда Часы не расплзлись (как мозги Фрейда - из его “улиткообразной” (по С. Дали*), могучей головы), тот из нас муж, что первый под руку подвернулся.

- Тихо, тихо, - охолодил нас Одиссей (*). – Похоже, затишье кончилось, и нас, как у потомков тех немецких князей, что утопили на Ладоге русских крестьяне - тогда уменье пошло ко дну, а “число” долго еще каталось по льдине (выжил сильнейший, а потом породил нас, как шутку*), возникло естественное желание поделиться на 12 княжеств, а еще лучше, затеять как-нибудь движения (в теле, хватит от нас чистых мозгов и разбитого львиного сердца. Пришло время. Если есть “Огмий”, то должна быть и Организация.*

Мы должны будем протянуть руку помощи, и мы ее протянем, - продолжил (*). – Предлагаю в последний раз бизнес: наводните Москву деревенскими шлюхами, снизьте тарифы на траву, увольте с витрин всех негров.

Дайте, как уже говорилось, алкашам – уколоться, наркоманам – забыть плановым – нажраться, кто там ещё? А всем педикам, вплоть до третьего кольца (где он там, его вечный властелин?*) – мы завещаем вечную любовь, дарим им свои воздушные поцелуи: прямо с нашего летающего корабля.

Вот и манифест, - подумали мы.

Мы сообразили, что даже если кто-то из нас по ошибке влетит в натуральный Рай, то очень быстро оттуда сбежит, ибо там нельзя нарушать установленные правила, а на хрена нам тогда правила, если их не нарушать

- Ну, и что же нам теперь делать? - спросил тот муж, что отвечал утрешному отмену похмелья - мы в один момент решили, что это измена, и он послал слепого за водкой, а тот, видно нашел себе одноглазого (скажи одного из наших любимых персонажей*), тот мог наткнуться на грабля и выбить себе последний глаз (нет повести печальнее не свете - пел в такой ситуации Шекспир*), и оба, как в Книге сказано, “упадут в яму”.

- Как что? Рвать в открытое море - “Веселый Роджер” уже вьется в стеньге, - сказал Одноглазый, - наконец-то все его увидели, и сразу успокоились (заметил из нас самый Глазастый*).

- А как же миссия? - спросил самый набожный.

- А ну тебя в жопу со своей миссией - сказал самый непьянеющий (Неупивайко*),

- Красота спасет мир! - кто-то там крикнул.

Мы даже чердак ему рубить не стали, потому что такая подмена с вином невинна - это все равно, что поменять Эдем на какую-то вонючую (Сведенборгу*) щель, где скопились одни говнюки, и только и делают, что ходят - под себя, на прекрасную, вечно-тепло-зеленую высь, где летают розожопые амурсы, и пронзают нам сердца - стрелами любви сначала к Богу, потом к ближнему и только уже потом - к себе.

Потом он добавил:

- Нашей ГОНчей стаи больше нет, пора бы нам это осознать, как нет больше и девственной дичи - все сгорело в этом страшном огне.

- Поэт должен стать поэмой! Вот, отец Хем мог отписать Эйзенхауэру, мол, плевать я на вас на всех хотел, и плевков мог перелетит через Карибское море Мексиканский залив, вместе с их дивной морской флорой, и что самое главное - фауной, его увидят и умные дельфины, и горбатые киты, и зубастые кашалоты, - и накроет вас всех - прямо в Белом кармане от Дж. Вашингтона, хрен вы потом отмоетесь, петухи крашенные. (Спасибо тебе, отец родной, ч

ты есть и будешь всегда – а мы пристанем у тебя на Кубе, прокатаемся горбатых китах, и выпьем в ночи по двойному дайкири без сахара, и скажем тебе нам: только не заморозьте себе глотки, ребята, на этом восточном ветру. Спасибо тебе, что ты есть, Отец родной!*)

44.Конечно, красота спасет мир, ктож спорит? - сказали мы то обезглавленному демону, пока он носился по палубе, как обрезанный петух, а потом сам прыгнул - прямо в суп, дабы забыться и омолодиться - Она его и убьет. Этот мир умрет красиво, все полетит в тартарары. Мы сами вскакивали по ночам и орали:

"Господи! До чего ж хороша земля с мест наших небесных лежбищ, когда не бомбят демоны, подменившие формулу:

"В начале было слово"

на

"В начале были деньги".

Мы все переподохнем, с монетой и без, и закончим земной путь, - голыми и счастливыми, но хрен с нами (он с нами всегда*) - нам давно уже похорошевались мы в этом мире не в меру. Обидно, конечно, что возносим потом низвергаемся, и все - без плоти, а как хорошо в нем вознесение!

Что до нас, то многие не раз не возвращались, даже пропадали, порой даже исчезали, пора даже признаться, что некоторых из нас мы не то, что хоронили, а по несколько раз закапывали, но шли годы, мы раскапывали сами, или нас раскапывали мародёры в поисках фамильного оружия – от нас же и погибали, а мы бродили, как зомби в поисках новой души,

мы выдвигались наружу, как группа новорожденных медвежат - из речной воды; собирали себя, как стадо Бетменов, по частям, чистили крылышки, растили перышки, брали по стволу, и шли опять - слушать нашу ГОНимую стаю. Но всегда, везде, при любых обстоятельствах, неся кровавые потери, недопивая и недоедая, когда, казалось, сама природа молила нас уменьшить популяцию, или наоборот - увеличить, все равно было нас - всегда 12, хоть

тресни.

А тринадцатым – Одиссей (*), но у него всегда была другая статья – за такую игру даже срок не предписан – её не знает никто, а если уж его за что и судить, то вот мы, суд присяжных – всегда его оправдаем. Потому что верим в него.

Ну, а как быть с демонами? Мы откровенно их не шугали, ибо это считалось для нас унижительным, так, срубим башку – другую, ибо огненная сталь меч нам послана свыше, а они, размножившись до пределов, отпущенных черной книгой, где все молитвы читают наоборот, расплзались по адским щелям, там они множились, используя при этом кривые зеркала, они - как средство войны, как на любой войне - есть хоть и благая, но все же - цель.

Потом мы решили выпустить все эти дурацкие мысли из усталых замусоренных всяким хламом, белых от времени черепов (это были воспоминания*), - каждый из своего.1*

-----

1. Расчехлили чердаки, дабы засушить извилину*.

Старые думы разлетелись пестрым птичьим базаром, и стоило только удивляться, как они до сих пор уживались вместе.

Здесь были и белые крачки, и пестрые попугаи (один даже - в красной подштанниках, и звали его Симург Феникс*), и Зоркий Сокол, и розовый Фламинго, и громадный Беркут, и странствующий Альбатрос, потом выпорхнуло громадное количество домовых, пополам с полевыми, воробьи пропестрела группа колибри, размером со пчелу; потом был журавлиный косяк, была даже Белый Лебедь, тосковавшая по паре, и мрущая от неразстраченной любви, а завился в конце дороги той (в конце которой, Владимиру Семеновичу, “плаха с топорами”*), как ни крути, Черный Ворон.

Он возвестил то время, когда подавляющая часть человечества уже отстояла раком (была бомбёжка*), мы ж окрепчали и возмудели до степени возведённой в степень (далее –чудеса*).

- Настаёт последняя весна, - сказал Одиссей (*), - и я не стал ревновать тебя меньше, чем тогда, когда лучшей жизнью была только смерть.

Просто я стал настолько силён, что могу разыграть свой страшный танец с лёгкостью – на сцене, что есть – взглядишь – палуба авианосца, и мои штурмовики взлетают вертикально – они способны мгновенно поразить цель, я утратил предбоевое волнение, и потому устроен побеждать.

45. Смотрите, - говорил Одиссей. – Время остановилось.

46. Просто часы нарисованные, - сказал Патрекей, и срезал правый ус то Муррзу, которого нет: начиналась Новая Троянская война.

А миг затишья перед ней - была – нирвана.

Головы вновь оказались пусты, через глазницы пробилось солнце, и мы стали с удовольствием тупеть, пока не покрылись пестрой листвой, - ждали следующего своего, текучего часа, который пробил.

- И что?

- Смотрите, - сказал Одиссей, указав на горизонт. - Белеет парус одинокий

- Чей?

- Не узнаете? Крейсер Никиты Оттовича Шмидт-Паниковского. Вон он, новым штурвалом, его собственное произведение.

Мы всмотрелись в окуляры: яхта была выкрашена тёмно-синим по белому шахматном порядке, и отливала на солнце.

- Должно быть, краска с эпоксией, - заключили мы. - Плавали, знаем.

Мы прочли название на борту: старинным шрифтом было написано «ВИКИНГ».

– Два родных брата изготовляли трафарет. Готовый оберег, - сказал Одиссей, наблюдая в бинокль, как корабль сменил галс, и форштевень белого обернулся «тёмной ночью» (чёрный с синим, один к двум).

– Уходить надо под всеми парусами, отстреливаясь от наркoкoнтрoля.

Никола, Свет наш, Чудотворец, - сказал Одиссей, когда «Викинг» исчез горизонтом. - Моли Бога за нас. Бродяг морских.

(ИЛЛЮСТРАЦИЯ)

СМЕНА ПЛАНА

ДАЛИ ЧАСЫ 1.

---

1. "Сон - это равновесие, - высказался как-то Великий Мастурбатор; - чудовище, которому оставили только голову, а тело отняли. И голова держится только на подпорках, а их множество. Но стоит хотя бы одна подпорка шелохнуться, спящий... проснется!!! И только при полной равновесии, практически недостижимом, Бог Сна смежает нам веки..."

Великий Комбинатор проплывал вниз - весь целиком, и поэтому он решил, что он нынче во власти другого Бога - покруче Сонного.*

Он увидел лицо Творца, он увидел своё бесконечное путешествие, которое конечно же, бывает только во сне, потому что это чужой сон.

Ему показалось, что он падает с огромного небоскреба, в какую-то бездну, похожую на Рио - если смотреть на него с облака. Там, в этой бездне, горели огни домов, кабаков и красно-синих фонарей.

Он летел медленно, и решил, что наконец-то прибудет сейчас к своему Рио, тот который, по утверждению практикующих теологов, небесная копия Рио земного.

Он видел жизнь, творящуюся на каждом из двенадцати этажей этой гигантской избы-читальни, ибо не летел, а просто плыл по воздуху - вниз.

Он не вникал в суть происходящего на этих блинах мироздания картинах, если и можно было назвать эту "башню во тьме" Алефом, то это был Алеф

идеале, ибо в нем была жизнь не только тех, кто строил и взрывал земную цивилизацию.

“Господи, но почему ж вниз, а не вверх? - в бешеном ритме забарабанил с мыслями по мозгам Великий Комбинатор. - А, ну да. Я ж украл у бедной вдовы золотое ситичко”.

Потом он увидел, что внизу - те же звезды, и что в этом мире невозможно понять, где верх, где низ, ибо это никакого значения не имеет - мир фатально фаллообразен, в этих двух позициях можно было менять только ударения, - суть этого не менялась.

Так что если суждено было лететь не вверх, а вниз, значит, таковая позиция самого начала предполагалась, а если еще вообще уяснить себе одну прекрасную истину, от которой можно добиться тысячи перерождений - что, мол, был ты в самом деле, или на самом деле не было тебя - никакого значения не имеет, ибо этой черной бездне хватает места всем с ума сходящим - одновременно, и зды свои образы, и ангелы лицезреют лик Самого - в профиль.

Остап захотел проявить всегдашнюю инициативу, притормозить, и он уприспустил закрылки, но тут возник тот самый “новый атмосферный стол высотой с Эверест.

Он только сейчас, на собственной, не при ангелах будет сказано, заднице, ощутил что пространство увязло во времени.

- Вы - кто?
- Пророки, б(ПИСК)ля, пророки.
- И станете богами?
- Ясный перец. На нас, эта, как её.
- Благодать.
- Так это вы, б(ПИСК)ля, напорочили?

Он извлек обратил из облака молнию, но быстро обратил её обратно.

Нынче его собственная воля была в Высочайшем распоряжении, как никогда порхать на месте здесь не полагалось, а если тебе даже здесь удастся избеж

собственной участи, то значит такой вариант кем-то предполагался, со двенадцати сторон Света, устроенных в бесконечную башню, возле которой приходилось бесконечно торчать - и все не во плоти.

Он проснулся, взор упёрся в потолок - белый и светлый. Он посмотрел газету, она была с ним - это был "Московский Комсомолец" (Меня толкают в прошлое! с ненавистью на бытие подумал Бендер).

Первый абзац, который поймал глаз, гласил:

"...если вы не разберете эту цивилизацию по кирпичу, то за вас это сделает Господь Бог - вашими же руками, так что подгадайте нервный срыв цифры (Бендеру показалось: «срыв нервной цифры»*) в ваших компьютерах под уничтожение оных - вас в конце концов сожрет ваша же машина, так же как и спалит вами же расщепленный атом...."

(Ну, московские комсомольцы, - еще раз ухмыльнулся великий комбинатор, посмотрел на последнюю страницу, - там некий П. Гусев сидел на фоне стены надписью "ЭХО Москвы", и тряс какой-то квадратной кассетой, похожей на плоскую мыльницу. *)

Он протер глаза, не вполне осознавая, сколько времени проспал, вновь ткнул газету, и прочел следующее:

«Есть робкая надежда, что на эти передачи посмотрят за океаном, где надвигающейся ядерной войной интересуются меньше, чем в Европе, судя по информационному содержанию того же агентства "Рейтер", столетие которого так помпезно справлялось в этом роковом году. Вот увидите: через пять лет эти оборзевшие янки затеют новую войну, и агентство упадет: сначала увольнения, потом самоубийства работников среднего звена: в ассенизаторы эти не пойдут, и у них нет выбора. Как у акул нет иного пути, как жрать – это же реинкарнированные пираты».

Здесь Великий Комбинатор попытался вспомнить, в каком году "Рейтер" должно было исполниться сто лет, и от примерной даты

пришел в восторг.

Он растёр ладони, и прочёл далее:

«Пытаясь договориться со всеми, мы предполагаем не давать сбой нашей акции - пусть она будет бесконечна.

Мы предполагаем проделать кругосветное путешествие под парусами.

Мы хотим собрать “потешную” флотилию, дабы под флагом “Остров Театр” компании, в которой не предвидится драки за власть, курировать военный флот.

Флагманский корабль нашего флота мы назовем “Новый ковчег”.

Мы превратим остров Тонга в Театр - Её Величество дала согласие.

Мы не намерены останавливаться на полпути - наше путешествие должно продолжаться всегда, ибо военные флотилии, способные сеять вокруг себя смерть и ничего кроме смерти, курируют планету без сбоев на паузы.

Мы будем водить наш потешный флот по земле до тех пор, пока не услышим хор Ангелов, наполняющий своими песнопениями ту Святую Ночь, когда Взойдет Новая Звезда, и Явится Спаситель.

ДА ПОМОЖЕТ НАМ БОГ!

Надо будет узнать, что за бригада борется за мир, - подумал Остап, закрыв глаза увидел мелодию - в тексте, том самом тексте, над которым сияла звезда

47. Мы все выставлены по своим стеклянным шкафам, - говорил ему ровный спокойный голос, который был похож на пение влюбленного кашалота ныряющего в черную бездну - за своим гигантским кальмаром, - каждый в своем небесном замке, просто иногда судьба позволяет собраться нам вместе, а иногда мы действуем по врозь, сие от нас не зависит, и мы, любуясь славою Создателя, постигаем Вечное блаженство,

видим рождение, за которым немедленно следует смерть, и весь талант Творца заключен в том, что бы этот миг показался жизнью, той самой, которая обязана заполнить собой Вселенную, ибо не так много нас - на это способных.

Там еще где-то плавает любовь (Остап ее видел, она была похожа на женщину - на собственных лазурных волнах, она ласкает корабли, они идут по разным сторонам – тьмы и света, а потом скользят по середине 1*

"Я посмотрела на тебя, и весь мой мир содрогнулся" (Мадонна - Ости Пауэрсу*); и "ненависть знает, что любовь всех излечит", как поет Д Майкл двенадцати тысячам Мэри Блайдж в шляпах и пиджаках, а потом видит, что и его самого - двенадцать тысяч;

как каждая крыса в своем темном царстве знает, что ей конец, потому что рядом крысолов, который делает реверанс каждому из двенадцати божеств, желающих создать ему тень, ибо он не Будда, а просто странник во Вселенной, а то б разложился на все - тридцать три странники, и черти живут с одним знанием - оно - надежда на Спасение (вопрос в другом: чей царь простит*).*

Великий Комбинатор понял, что попал в бесконечную цепь, но на этот раз это было ни на что не похоже - ни на смерть, ни на боль - Голос Бездны призвал его презреть небытие - раз и навсегда.

Возник лик Председателя: и Голос говорил:

“Это дикое племя ждет колдуна с Севера, и пока он не придет, они не двинутся с места. Тебя принесут в жертву, если ты не пойдешь на берег и не расскажешь все белому свету, что приплыл совсем не в ту сторону...”

«Ни хрена, - думал Остап. – Я уже близко. Если бы я дождался звонка, я бы напел в трубку».

Он открыл глаза - под белым потолком, он чувствовал, что лежит в большой светлой каюте, он приподнял голову - за бортом был океан, и безо всякой видимой линии горизонта, пребывал водой и небом.

Возле окна стоял седовласый мужчина в черном смокинге, он обернулся. Бендер увидел лицо. Он узнал его.

“Слава Богу, значит, это - жизнь”, - подумал сын турецкопотданного.

«Где я?» - спросил Остап, не зная слов.

«За рекой, в тени деревьев».

«А куда мы?»

«На острова в океане, мой друг».

Сзади к нему подошел капитан "Крейсер Шмидт" Никита Оттович Шмигловский. Паниковский, они обнялись и оба капитана сказали - без слов про то, что нашли друг друга.

- Наконец-то, - сказал Никита Оттович, открыл черную пиратскую повязку, показал здоровый правый глаз, правда, со шрамом. - Как вы, Великий Комбинатор? Поздравьте меня – вот – нашёлся Папа.

Они оставили его: Остап на всякий случай заглянул под одеяло - на нем было все та же фланелевая роба, в которой он подплыл к тому Острову, который остался далеко позади, как очень далекое воспоминание - а каком-то несбыточном сне.

Он всмотрелся в зеркало – ему подмигнул молодой человек лет двадцати восьми. У него не было ни денег, ни квартиры, где они могли бы лежать, ни ключа, которым можно было бы эту квартиру отпереть. У него не было даже пальто, был зелёный, в талию, костюм. Его могучая шея была несколько раз обернута старым шерстяным шарфом, ноги были в лаковых штиблетах с замшевым верхом апельсинового цвета. В руке молодой человек держал бриллиант «Око Света».

«О, Баядерка, ти-ри-рим, ти-ри-ра!», - запел он. – Для делегаций и женотдел скидка!»

- Ничего, что пальто нет, здесь тепло, - подумал Остап.

Он вышел из каюты: перед ним стоял папа его, турецкоподданный, когда умерший в страшных муках. Живой и здоровый.

Они молча обнялись и заплакали.

Внизу был чёрный купол небосвода, со звёздами и луной – они покидали этот мир.

Они пошли вдоль борта - по громаде своего корабля.

Где-то над ними показалась черная точка, она стала быстро расти, выбрасывая синее небо черный смог - они остановились полюбоваться зрелищем.

“Мы помянем этот ветер, если мы придем домой...”

- Замысел режиссёра выглядел техническим дефектом. А он и не был замыслом - подумал Остап Бендер, наблюдая за православным попом, мчащимся по небу на своем «Харлее», развиваясь крестами, бородами и рясами. За ухом у него торчал цветок Красного Мака - любимого цветка Киплинга.

Они оглянулись: с верхних ярусов палубы, выпорхнула стая голых амуров:

смеясь, они розожопыми стрижами погнались за Дьяволом - тот только газу дунул и был таков.

- Амур не промажет, - сказал Отец.

Они вышли на носовую палубу – прямо по курсу сияла Звезда.

У правого борта пребывал в своих попугаистых трусах Хулио Валериен Чкалов, разгоняя облака семилистником, и попивая родниковую воду прозрачной чаши.

Он стоял в обнимку с героем-лётчиком.

- Познакомьтесь, отцы, - сказал Хулио, развернув его навстречу сыновьям.

- Валерий Палыч, - представился мужчина, разлил необъятный сосуд немислимому количеству гранёных, - на палубу прибывали гребцы.

Вахту нёс Одиссей (*).

Мы были матросы на том корабле.

1996 – 2014 (Саратов - Рио)